

А. Г. ГЕРЦЕН

**КРЕПОСТНОЙ
АНСАМБЛЬ
МАНГУПА**

ВВЕДЕНИЕ

Замечательный памятник крымского средневековья — городище Мангуп, расположенное на вершине живописного плато в юго-западной части Внутренней гряды Крымских гор, давно уже привлекает внимание исследователей. Здесь, впервые после Херсонеса (1853), начались раскопки исторического места, связанного нитями политических, культурных и торговых отношений с Византией, Молдавией, Польшей, Генуей, Трапезундом, Золотой Ордой, Крымским ханством, Московским государством. Мангуп занимает важное место в решении ряда сложных проблем истории средневековой Таврики, таких, как формирование средневековой этнической общности в горных районах полуострова, локализация упоминаемого в византийских источниках топонима Дорос, начало и пути формирования феодальных отношений, роль в этих процессах византийского влияния, зарождение и развитие средневековых политических образований в Горном Крыму, имеющих серьезное значение для современной медиевистики в целом.

Предлагаемое исследование относится к области архитектурной археологии (220, с. 24—25; 229, с. 3).

В основу его легли материалы археологических раскопок и разведок, проводившихся

на Мангупе экспедицией Института археологии АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея под руководством Е. В. Веймарна с 1967 по 1972 г., экспедицией Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе с 1973 г., работавшей в 1973—1974 гг. в составе Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР (руководитель Е. В. Веймарн), а с 1975 г. под руководством автора настоящей работы.

История Мангупа, как и всей Юго-Западной Таврики в целом, весьма скудно освещена письменными источниками, поэтому при ее изучении важное значение приобретают археологические, нумизматические и эпиграфические памятники.

Нарративные источники описательного характера по теме исследования до второй половины XVI в. практически отсутствуют. Сочинения путешественников, посетивших Мангуп в XVI—XVIII вв., трудно полностью отнести к разряду источников. В них нередко делаются экскурсы в историю Мангупа (зачастую мало опирающиеся на реальные факты), и это позволяет нам рассматривать некоторые из них как работы исследовательского характера, входящие в историографию вопроса.

Глава I. История изучения оборонительной системы Мангупа

В конце 1475 г. Мангуп после шестимесячной осады был взят турецкими войсками. Этим событием завершилось турецкое завоевание Крыма, на три столетия превратившегося в территорию, подвластную Османской империи. Турецкое владычество принесло величайшие бедствия народам, населявшим полуостров: заглохли многие города и селения (46, с. 340—343, 348, 350), была подорвана основа самобытной средневековой греческой культуры. Турецкие власти активизировали политику мусульманизации, сохранившееся христианское население облагалось тяжелыми налогами и несло многочисленные феодальные повинности (195, с. 390, 417—421). Экономический рост Крымского ханства, которому была оставлена номинальная независимость, сдерживался вынужденным участием в военных авантюрах стамбульских султанов (83, с. 234).

Существенно изменилась историческая география Крымского полуострова. Ликвидация политически самостоятельных генуэзских колоний и Мангупского княжества способствовала окончательному перемещению главных торговых путей в восточные районы полуострова. Ремесло и торговля теперь концентрируются в основном в портовых городах и новых центрах (Бахчисарай, Карасубазар), хозяйство глубинных районов полуострова характеризуется застойными формами (46, с. 356—357).

Мангуп сохранил важное административное значение: он стал центром кадылыка, в состав которого вошла большая часть территории бывшего княжества Феодоро (59, с. 78—82), но, несмотря на это, город пришел в упадок. Большинство его жителей погибло во время осады или попало в неволю. В запустение пришли жилые кварталы и церкви. В середине XVI в. об этом свидетельствует посол

польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед-Гирею II Мартин Броневский, посетивший город в 1578 г. Его труд «Описание Татарии», по сути дела, открывает серию сочинений, касающихся Мангупа и других, так называемых «пещерных городов» Крыма*.

В отношении крепостных сооружений Мангупа сведения Броневского весьма скупы. Его внимание привлекла лишь цитадель, которую посол именует «верхним замком», противопоставляя его тем самым «нижнему», т. е. второму оборонительному поясу, прикрывавшему территорию, занятую жилыми кварталами. Ценным является упоминание о воротах «верхнего» замка, украшенных мрамором и греческими надписями**. Здание цитадели функционировало, по словам М. Броневского, как тюрьма, где ханы содержали в заключении неугодных им послов (46, с. 343).

* Термин «пещерные города», обозначающий группу средневековых городищ Юго-Западного Крыма, для которых характерно наличие искусственных скальных помещений различного назначения, довольно прочно вошел в обиход. С оговорками его принимают многие исследователи. О значении термина см.: (26, с. 456; 56, с. 71—79; 64, с. 256—257; 190, с. 582—583).

** А. Л. Бертье-Делагард ставил под сомнение достоверность слов М. Броневского о надписях и мраморных украшениях ворот цитадели, он считал, что скорее это описание подходит к остаткам главных городских ворот в Капу-дере (36, с. 12). Однако М. Броневский недвусмысленно писал о декоре ворот Тешкли-бурунского укрепления, так как столетие спустя Эвлия Челеби отмечал, что на них сохранилась надпись, сделанная «шрифтом генуэзцев» (320, с. 261). Сомнения А. Л. Бертье-Делагарда происходили из его убеждения, что строительство цитадели — дело рук турок (36, с. 16—17). Этой же точки зрения придерживался и Н. И. Репников (232, с. 207).

В XVII в. количество сведений о Мангупе увеличивается, но мы опускаем сочинения XVI—XVII вв., которые содержат короткие упоминания о Мангупе, не затрагивающие сути нашей темы.

Префект Кафы Эмилио Дортелли д'Асколи (1634 г.) отмечал природную неприступность Мангупа и наличие источников воды. По его словам, это была последняя крепость на полуострове, сдававшаяся туркам (97, с. 121).

Французский инженер Боллан в коротком замечании, относящемся к Мангупу (1640 г.), упоминает 60 уцелевших домов, а состояние оборонительных сооружений он считает плохим (45, с. 327). Интересно, что на карте Украины, составленной Болланом и опубликованной в 1650 г., Мангуп отмечен значком в виде крепостной башни, который больше ни для одного пункта не применен, нет его и в экспликации (133, табл. XXXII).

Пожалуй, самое полное из дошедших до нас средневековых описаний Крыма принадлежит турецкому дипломату и путешественнику Эвлие Челеби, автору известной «Книги путешествия», содержащей важные сведения о Крыме (85). В целом его сведениям, как отмечают комментаторы, можно доверять. Сомнения обычно вызывают исторические экскурсы, заимствованные из ненадежных источников, а также значительные преувеличения некоторых цифровых данных (количество домов в крепостях, численность войск в них и т. д.) (160, с. 23—24). Наблюдения, сделанные Эвлией во время посещения Мангупа (1666 г.), имеют большую ценность. Много места в описании уделено характеристике географического положения города. Восторженно пишет автор о неприступных обрывах и зияющих пропастях вокруг Мангупской скалы (320, с. 260). Рассказ о городских постройках начинается с главных городских ворот, произведших на путешественника большое впечатление. Затем упоминается 7 высоких башен (320, с. 261). Любопытно высказываемое автором мнение о том, что для защиты города не обязательно использовать пушки и ружья, достаточно сбрасывать на неприятеля камни (320, с. 260). Этот способ обороны широко применялся и в других «пещерных городах», посещенных Э. Челеби, например, в Чуфут-Кале (320, с. 267).

Особо отмечает Эвлия акрополь на мысе Тешкли-бурун, именуя его так же, как и весь Мангуп, крепостью, но четко определяя его ме-

сто на «высокой скале на восточной его стороне». В описании внутренней части цитадели упомянуты колодец под куполом, мечеть, перестроенная из христианского храма (октогон).

Во время посещения Эвлии Челеби цитадель была необитаема, но поддерживалось ее боевое состояние, ключ находился у коменданта крепости, в здании же хранились пушки, ружья и амуниция.

Интересно упоминание о небольшой железной калитке, у которой якобы понесли самые большие потери во время штурма янычары. Спустя два столетия о той же калитке писал со слов старожилов В. Х. Кондораки (130, с. 425). По описанию Э. Челеби можно понять, что калитка эта находится на территории цитадели, Кондораки же прямо указывает на расселину между двумя скалами в юго-восточном обрыве, в районе современного триангуляционного знака.

Неожиданно заявление Эвлии, что в оборонительной стене цитадели нет ни амбразур, ни бойниц (320, с. 261). Вряд ли это сказано случайно. Детали устройства крепостей он описывает с большим знанием дела. Однако на фотографиях, сделанных А. Л. Бертье-Делагардом, видно, что на юго-восточной куртине были надстроенные ружейные бойницы (36, с. 12—13, рис. 3), к настоящему времени почти полностью разрушенные. Возможно, они были возведены ко времени после посещения Мангупа турецким путешественником, то есть в конце XVII — начале XVIII вв.

Период с конца XVII в. до присоединения Крыма к России скуден сведениями о Мангупе: крепость теряет свое значение, население спускается в окрестные долины.

Турецкий источник 1740 г. сообщает о Мангупе, что это укрепленный город, примерно с 60 домами (86, с. 149).

Французский посланник Пейсонель, побывавший в Крыму в 1753 г., упоминает Мангуп как административный центр, которому подчинены 74 деревни (327, с. 24—25).

В 1787 г. появилось «Большое землеописание» Бюшинга, в которое была включена статья М. Тунманна по истории Крыма. Автор в основном приводит сведения, почерпнутые из сочинений предшественников (М. Броневского, д'Асколи и др.). По его словам, Мангуп представлял собой небольшое местечко из 50 домов, жителями которого были евреи (имеются в виду караимы) и лишь несколько татар (264, с. 34—35). Это отражает ситуа-

цию после заключения между Россией и Турцией Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г., когда крепость потеряла военно-административное значение и постепенно стала приходить в запустение.

Включение Крыма в состав России усилило интерес к древностям полуострова. Приезжавшие сюда в конце XVIII — первой половине XIX вв. ученые и просто любители путешествий нередко поднимались на Мангуп, запечатлевая увиденное в описаниях, путевых заметках и рисунках.

Несомненный интерес представляют планы городища, снятые русскими военными топографами в 70—80-е гг. XVIII в. и, к сожалению, до сих пор не опубликованные. Город тогда еще не был окончательно покинут последними жителями, караимами, и указание на картах жилых усадеб имеет большое значение для определения местоположения и хронологии архитектурных комплексов (11; 12).

Начало научному описанию памятников Мангупа и других «пещерных городов» было положено академиком П. С. Палласом. В 1793—1794 гг. он совершил поездку по Крыму; результаты ее нашли отражение в книге, выпущенной в Лейпциге (325). Паллас отличался не только хорошей наблюдательностью, но и добросовестностью. Дав весьма подробное описание географического положения Мангупа, автор значительное место уделил архитектурно-археологическим памятникам и, в частности, оборонительным сооружениям. Поднимаясь на плато по Табана-дере, он обратил внимание на нижнюю стену, пересекающую ущелье, и отметил, что она сложена частью из тесаного, а частью из «дикого камня». При его посещении уже был разрушен участок кладки, через который проходила тропа. П. С. Паллас полагал, что в этом месте когда-то были ворота. Довольно подробно описан дозорный комплекс в обрыве мыса Чуфут-Чарган-бурун при калитке в боевой стене. Отметив в Гамам-дере стену с круглой башней, Паллас обратился к Тешкли-буруну и привел очень важное для нас наблюдение относительно наличия в фасадной стене здания цитадели амбразур для огнестрельного оружия: в нижнем этаже для ружей, а в верхнем для «тяжелого оружия» (325, с. 103). В середине XIX в. эта часть постройки уже была в развалинах, и только благодаря описаниям Палласа можно представить ее облик.

Строительство крепости автор с большой осторожностью был склонен отнести к генуэз-

цам («лигурам»), пещерные же сооружения — к арнамам, бежавшим из Херсонеса.

Английская путешественница М. Гутри осматривала Мангуп в 1795 г. По ее мнению — это столица готов, именовавшаяся в древности Тавана. На такое отождествление, вероятно, натолкнуло ее название ущелья Табана-дере. Никаких доказательств в пользу этого предположения не приводится (315, с. 86).

Соотечественник М. Гутри Э. Кларк в 1800 г. посетил Мангуп в сопровождении П. Палласа. Записки его наполнены восторженными воспоминаниями о великолепных картинах природы и романтических древних руинах, но, к сожалению, содержат мало сведений о памятниках и потому большого интереса для нас не представляют (312, с. 478).

Не много полезных сведений содержат и сочинения двух наших соотечественников — П. И. Сумарокова и И. М. Муравьева-Апостола. Первый ограничивается общими замечаниями по поводу возможных основателей Мангупской крепости, считая их, вероятнее всего, генуэзцами, но не исключая и влияния готов (254, с. 49). Неизвестно почему автор утверждал, что в древности город назывался Аргодой. В восторженном описании красот Мангупа отразились и верные наблюдения: отмечается, что «пропасти, ужасающей глубины, заменяли укрепления и, стены... проведены по местам менее утесистым» (254, с. 45—46). Второй путешественник, бегло осмотрев руины города, ограничился в своих путевых заметках перечислением виденного: оборонительных стен и башен, развалин ворот и т. д. Здание цитадели, по его мнению, — дворец мангупских князей (186, с. 182—189). На оконечности Тешкли-буруна И. М. Муравьев-Апостол видел остатки круглой башни, возвышавшейся над высеченными под ней пещерами. Сейчас с этим сооружением можно связывать вырубку в верхней части комплекса Барабан-кобы (53, с. 424). Не всем данным этого автора можно в одинаковой степени доверять. Так, например, он утверждает, что с внутренней стороны цитадели проходил ров, никаких признаков которого впоследствии обнаружено не было. Правда, нужно отдать должное автору в осторожности сделанных выводов: он сомневается в причастности готов и генуэзцев к строительству на Мангупе и оставляет открытым вопрос: «Что такое Мангуп?»

Первое обследование архитектурных памятников городища с целью подготовки предложений о мерах их сохранения было поручено

правительством академику Келлеру, командированному в Крым в 1821 г. Им был составлен доклад о состоянии фортификационных сооружений, которые определялись как генуэзские (197, с. 395).

Основное внимание Келлер уделит участку главных городских ворот в ущелье Капу-дере. В его рапорте отмечается, что воротный свод рухнул. Отмечено, что опорой для него служил с одной стороны естественный скальный обрыв, а с другой — пилон, сложенный из тесаного камня. Описана также конструкция оборонительной стены, примыкавшей к воротам, указано, что лицевая ее сторона сложена из тесаных камней, а тыльная — из необработанных.

Особую тревогу вызвало состояние фланговой башни, которая нуждалась, по мнению эксперта, в срочном ремонте. Остальные оборонительные сооружения он нашел в хорошем состоянии. Расход на ремонтные работы определен был в 500—600 руб. (197, с. 396).

В 1837 г. вышел в свет «Крымский сборник» П. Кеппена, специальная глава в котором уделена Мангупу; в нее введены два глазомерных плана — Муравьева-Апостола (весьма неточный) и собственный, более верный. Автор полностью воспроизводит описания памятника, сделанные М. Броневским и П. Палласом, но сам ограничивается лишь добавлением описания комплекса боевых казематов в юго-западном обрыве Чуфут-Чарган-буруна (119, с. 271—272) и сообщения офицера Корпуса путей сообщений Е. Р. Вассалья об остатках двух стен, пересекающих балку Рогуз-дере (119, с. 287—288). Представляет интерес рисунок в начале главы, выполненный с натуры в июне 1833 г., изображающий оборонительную ограду в верховьях Табана-дере (119, с. 261).

П. Кеппен аргументированно отводит предположения своих предшественников, считавших строителями крепости генуэзцев (119, с. 281—282), и склонен скорее полагать ими греческих князей (119, с. 97). В целом для этого исследователя характерна высокая точность в описаниях и большая осторожность в окончательных выводах. Остается только сожалеть, что его собственные наблюдения по Мангупу отражены слишком лаконично.

Гораздо подробнее, но с меньшей степенью точности, описаны некоторые оборонительные сооружения городища известным швейцарским путешественником Дюбуа де Монпере (314, с. 272—286). Широкими мазками рисует он картину зарождения жизни «пещерных

городов» (в том числе и Мангупа). Помещения в скалах, по его мысли, высекали тавры, которые вместе со скифами являлись народами финского происхождения (?). Пришедшие позже готы использовали эти крипты. Возникновение же «пещерных городов» нужно связывать с деятельностью Юстиниана I, стремившегося защитить горные проходы, ведущие в союзную с Византией область Дори; тем самым была заложена основа гипотезы о связи упоминаемых Прокопием «длинных стен» с крепостями Юго-Западного Крыма. Многие необоснованные выводы Дюбуа де Монпере отвергнуты современной наукой, но следует отметить ценные моменты в его сочинении. Например, автор одним из первых связывает топоним «Феодоро» с Мангупом, а не с Инкерманом, как это делали его предшественники. Это предположение почти на четверть века опередило научно обоснованный вывод Ф. К. Бруна о тождестве Феодоро с Мангупом. Интересно сравнение пещерных сооружений городищ Крыма с аналогичными постройками на Кавказе. Особенно ценен весьма верный рисунок, приложенный к описанию цитадели, передающий облик ее фасада, обращенного на Тешкли-бурун.

В 1839 г. в Одессе вышло описание Мангупа, сделанное И. С. Андриевским. Несмотря на ряд неточностей, а возможно даже и вымышленных деталей, оно интересно большей подробностью, чем описание П. Кеппена, а также рядом важных наблюдений. Так, автор упоминает о надписи с крестом в «сердцеобразном круге» и различимыми греческими буквами, виденную им, судя по всему, в одной из башен в Гамам-дере. Речь, несомненно, идет о надписи, упомянутой Н. Н. Мурзакевичем в 1837 г. (на это обратил внимание Ф. К. Брун) (308, с. 72—73); в реальности ее существования в прошлом, таким образом, можно не сомневаться. По мнению И. С. Андриевского, греческая надпись свидетельствует о построении крепости византийцами «на границах Хазарии» (17, с. 541—542). Сомнительно его утверждение о существовании рельефного изображения двуглавого орла в арке ворот цитадели. Кроме этой детали, описание здания цитадели вполне правдиво. И. С. Андриевский правильно отмечает, что расположение стен и башен крепости подчинено естественной планировке плато. Верно наблюдение относительно своеобразия кладки оборонительных стен и полукруглой башни в Гамам-дере, которая отличается от стен

Херсонеса и от генуэзских укреплений Кафы и Балаклавы (17, с. 544—545). В заключении статьи приводится достаточно полный для своего времени очерк истории Мангупа.

В конце 30-х гг. XIX в. встал вопрос изучения одного из этносов Крыма — караймов. Нет необходимости подробно освещать ход той бурной полемики, которая разразилась в среде гебраистов и выплеснулась на страницы различных научных и популярных историко-археологических работ по Крыму. В частности, до сих пор окончательно не решен вопрос о подлинности ряда древних рукописных текстов и эпитафий, собранных А. Фирковичем (75; 125; 126; 144; 270; 274; 275; 276; 280; 317; 329). К сожалению, это обстоятельство тормозит введение в научный оборот ценных письменных источников по истории средневековой Таврики, хранящихся в настоящее время в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Развертывание широкого археологического изучения Мангупа и других памятников в последнее время вновь привлекло внимание специалистов к этим материалам.

В описании Мангупа, принадлежащем члену Одесского Общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевичу, заслуживает внимания упоминание о виденной им в одной из башен в Гамам-дере плиты с «готической» надписью и изображением креста и трех сердец (187, с. 643). Изумил путешественника способ кладки нижней оборонительной стены в Табана-дере, которая по крутым склонам «построена не уступами, а прямо по косой линии». «Кем и когда построена крепость — неизвестно», — писал автор. Население же ее составляли, по его мнению, готы, вытесненные отсюда Мехмедом II (187, с. 643—644).

Краевед, известный собиратель крымского фольклора В. Х. Кондораки, составивший в 1868 г. отчет о своей поездке на Мангуп, отметил, что оборонительная стена, пересекающая ущелье Табана-дере, «значительно широка — 1 и 1/3 аршина, высока и вся почти цела» (130, с. 420). Это первое известное нам в литературе замечание о толщине мангупских стен, причем в данном случае весьма близкое к истине. О защитной линии на плато сказано, что это «длинная оборонительная стена сажени в две вышиной, сохранившаяся в совершенной целости. По стене этой на известном расстоянии выступают высокие квадратные башни с амбразурами». Последнее утверждение не-

верно, так как на данном участке амбразур отсутствуют, о чем можно судить по ряду башен, сохранившихся на всю высоту. Башни есть лишь в полукруглой башне Гамам-дере, в башне на Елли-буруне и в напольных сооружениях цитадели. Весьма поверхностное описание последней завершается «выводом» о том, что ее строители «обладали прекрасным вкусом, разумным соображением и значительными средствами». Курьезно предположение автора о том, что Хыз-куле — так он называет со слов своего проводника большую сталактитовую пещеру — является ходом, связывающим жилище владельца Мангупа с долиной у подошвы плато (130, с. 423—426).

Любопытны заметки В. Х. Кондораки этнографического и фольклорного характера. Так, в данном описании любопытно упоминание, сделанное со слов проводника, о заросшей дороге, проходившей ранее в город по Гамам-дере (130, с. 420); следы ее были обнаружены во время археологических разведок 1971—1972 гг. В «Универсальном описании Крыма», куда включен литературный вариант рассказа о поездке на Мангуп, приведено предание о возведении передовой стены в Табана-дере в течение одной ночи джином, бывшим в дружбе с военачальником Мангупа (131, с. 91). Возможно, эта легенда передает смутные воспоминания о действительно быстром строительстве стены в начале XVI в.

В подробном отчете об учебной экскурсии по окрестностям Бахчисарая, составленном А. Поповым, Мангупу уделено много места, но никаких оригинальных суждений и сведений здесь не приводится, излагаются лишь бытовавшие тогда взгляды, что, впрочем, соответствовало задачам этой краеведческо-педагогической брошюры (216, с. 116—126).

То же самое можно сказать и о романтических «Очерках Крыма» Е. Маркова, неоднократно переиздававшихся, — несколько страниц, посвященных Мангупу, не содержат ничего нового и оригинального (172, с. 404—416).

Появлению серьезных исследовательских работ о Мангупе предшествовали первые, небольшие по масштабам, раскопки на территории городища. Они были проведены А. С. Уваровым в 1853 г. По его словам, он «отыскивал древние гробницы прежних владельцев этого города». Поиски эти производились близ цитадели, которую Уваров именует «дворцом», а стену, отходящую от него, — «главной» (266, с. 14).

В среде передовых исследователей зрела мысль о необходимости более широкого, научного подхода к древностям. Так, дальнейшее исследование истории Херсонеса связывалось с изучением памятников его ближайшей округи, в частности Мангула. Это мнение прозвучало на II археологическом съезде в Петербурге (263, с. 42).

Начавшиеся в 80-е гг. XIX в. систематические раскопки античных городов, прежде всего Херсонеса и Пантикапея, стимулировали интерес исследователей и к средневековым памятникам, тем более что уже с конца XVIII в. стало традицией искать на их месте остатки крепостей, упоминавшихся в сочинениях древних авторов.

Ф. К. Брун, много занимавшийся изучением топографии Северного Причерноморья античной и средневековой эпох, обратился к вопросу о локализации пункта Феодоро, известного из генуэзских дипломатических документов и эпитафических памятников и, большей частью, помещавшегося авторами в Инкермане. Опираясь главным образом на генуэзские документы, Брун показал несостоятельность таких взглядов и привел веские доказательства в пользу отождествления его с Мангулом (309, с. 72—73). Ф. Брун в этом вопросе поддержал Г. Караулов, выступивший с критикой гипотезы В. Х. Кондораки (117), пытавшегося на основании найденной Д. М. Струковым надписи (251, с. 9) поместить Феодоро на месте деревни Партенит (совр. п. г. т. Фрунзенское) (129). Это же предположение было высказано еще первооткрывателем надписи (251, с. 10; 252, с. 40; 253, с. 18).

Мнение Ф. К. Бруна, как наиболее обоснованное, прочно вошло в современную науку*. Исследователь, вслед за предшествен-

никами, увязывает также позднейшее Феодоро со страной Дори и крепостью Дорос, упоминающейся в источниках VII—VIII вв. (47, с. 215; 143, с. 134). Ряд авторов в дальнейшем поддержал это предположение (142, с. 55; 260, с. 325—326; 297, с. 11).

Ф. К. Брун вскользь касается исторической топографии Мангула. Будучи мало знакомым с памятниками в натуре, он достаточно твердо высказывается лишь в пользу того, что «замок, построенный князем Алексеем в Феодоро в 1427 году, был тот самый, который полтора столетия спустя очевидец Бронниковий (Мартин Броневский.— А. Г.), застал еще на Мангупе». В данном случае интерпретируется надпись на известняковой плите из деревни Саблы, попавшая туда при невыясненных обстоятельствах, вероятно из Инкермана, и сообщающая о строительстве храма в правление князя Алексея (1427 г.).

К Мангупу, как к вероятной резиденции готских конунгов, обращался исследователь-германист Ф. А. Браун, организовавший здесь в 1890 г. археологические работы (7, с. 2—4). Намечая историческую топографию города, он дал первое, правда, очень короткое описание компоновки оборонительных сооружений на плато, рассматривал кладки стен, отмечая, что древние их части сложены из квадратов, а позднейшие — из мелкого камня и кирпича (196, с. 16). Последнее утверждение неверно, так как нигде на Мангупе кирпичных кладок не отмечается, они вообще мало характерны для средневековой архитектуры Крыма.

В одной из башен (?) Браун обнаружил мраморную плиту с надписью, содержащей имя Тохтамыша и сообщающей о каком-то строительстве в его время, возможно, фортификационном (150, с. 54—55).

Еще одной важной эпитафической находкой 1890 г. был камень с девятистрочной надписью, вторично использованный в кладке башни в верховьях балки Табана-дере. Упоминание в надписи крепости Феодоро, по мнению исследователя, подтвердило локализацию последней на Мангупе (196, с. 20).

Ограничившись таким обзором оборонительных сооружений города, Браун основное внимание переклонул на культовые памятники; он провел раскопки октогонального храма на мысе Тешкли-бурун и базилики в северной части плато. Методика археологического изучения этих памятников оставляла желать лучшего, что было отмечено уже его современниками (36, с. 37—38).

* В XVIII в. существовало представление о связи Феодоро с Мангулом. В библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся две

карты Крыма (К $\frac{I-Ukr}{21}$ /3, инв. № 42708 и 42718). Первая составлена на основании карт фельдмаршала Миниха и генерала Ласси вскоре после завершения военной кампании в Крыму (1737 г.), на ней представлены Крым и Юг Украины до среднего течения Днепра. В юго-западной части полуострова указаны Бахчисарай, Балаклава и Tudeogu Dominato, поставленное на место Мангула. Вторая карта, согласно экспликации являющаяся приложением к первой, изображает только Крым в более крупном масштабе, Мангуп здесь обозначен Окапат, т. е. название перевернуто и должно звучать как «Манко».

Председатель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич предпринял в этом же 1890 г. поездку на Мангуп для осмотра остатков христианского храма, обнаруженных при земляных работах под южным склоном плато в ущелье Рогуз-дере. Помимо этого памятника был произведен осмотр башни в верховьях Табана-дере. Результатом было первое описание башни оборонительной системы Мангупа, которое содержит ряд верных наблюдений относительно конструкции и истории строительства сооружения. Позднейший период его существования А. И. Маркевич справедливо связывал со временем турецкого владения (170, с. 107). Отмечает он и вторичное использование архитектурных деталей храма или дворца, а также плиту с надписью, которая в дальнейшем была извлечена из кладки (164, с. 15—19). Де Бай, посетивший Мангуп в начале нашего века, также высказал мнение, что архитектурные фрагменты в кладке башни происходят из здания цитадели, т. е. дворца по А. И. Маркевичу (305, с. 13—14).

Из описаний Мангупа конца XIX в. наибольший интерес заслуживает статья Н. П. Никольского, который, будучи артиллеристом, особое внимание уделил памятникам военного зодчества.

По мнению автора, главная крепость находилась на плато, в Табана-дере же проходила «линия первой обороны» (191, с. 69). В целом крепость кажется ему слабой, построенной безо всякой системы. Отмечается, что наличие амбразур (?) в одной из башен, вероятно в верховьях Табана-дере, указывает на позднюю дату ее создания, не ранее XIV в., когда было изобретено огнестрельное оружие. Отмечая находки ядер калибром около 15 дюймов в Бахчисарае и в деревне Ходжасала, автор высказывает предположение, что они принадлежали пушкам защитников города и были сделаны из местного известняка (возможно, автор имел в виду материал ядер, а не пушек, хотя ядра сделаны не из известняка, а из гранита), причем ему показывали даже огромную железную ось, якобы принадлежавшую такой пушке (191, с. 69—70).

Возведение цитадели, по мнению автора, следует отнести ко второй половине VI в. Это была резиденция готских епископов, на что указывают остатки церкви в центре мыса (октогональный храм). Пещерные сооружения на оконечности мыса он толкует как помещения для воинов гарнизона цитадели, а нижний ярус пещер, предполагаемую тюрьму,

как монастырь эпохи раннего христианства (191, с. 71—73).

Вероятно, Н. П. Никольский достаточно подробно изучил топографию городища; им даже была предпринята экскурсия на редко посещаемый и ныне мыс Чамну-бурун, но никаких остатков строений там он не отмечает (191, с. 75).

В целом описания Н. П. Никольского достаточно точны, но интерпретация материалов нередко фантастична. Так, в малой карстовой пещере, которую спутники автора не смогли пройти до конца, им предполагался тайник, где хранилось имущество, спрятанное жителями города во время осады 1475 г. Особенно произвольны экскурсии автора в область этнической и политической истории Мангупа. Однако в заключение он высказывает весьма здравую мысль о том, что только опасность набегов могла заставить местных жителей (готов?) основать поселение на труднодоступной вершине Мангупа (191, с. 79).

Археологические раскопки на Мангупе были возобновлены в 1912 г. под руководством директора Херсонесского музея Р. Х. Лепера, намеревавшегося, как и его предшественник Ф. А. Браун, искать следы пребывания готов. С этой целью предполагалось исследовать здание цитадели, базилику, раскопки которой были уже начаты Брауном, кладбище в Табана-дере и другие памятники. Работы велись до августа 1914 г. В целом, по мнению исследователя, они «не оправдали ожиданий, а вещей, относящихся к готской эпохе, не найдено вовсе» (ИТУАК.— 1914.— № 51.— С. 300).

Лепер попытался наметить основные этапы истории поселения, выделив «три стадии»: таврскую, готскую, к которой были отнесены основные памятники городища, и еврейскую, позднейшую (ИТУАК.— 1913.— № 49.— С. 268), хотя сам Лепер отмечал, что, судя по эпитафиям; евреи жили на Мангупе по крайней мере с X в*.

Весьма важной для решения вопроса о времени начала крепостного строительства на Мангупе была находка в одной из гробниц, связанных с базиликой, фрагмента надписи с именем Юстиниана (ИТУАК.— 1914.— № 51.— С. 298). По мнению В. В. Латышева, Юсти-

* В брошюре Т. С. Леви-Бобовича, вышедшей в 1913 г., была помещена подборка статей из газеты «Крымский вестник» за 1912 г., отражающая полемику по поводу этнической принадлежности кладбища в Табана-дере (156, с. 38).

ниана I (153, с. 18). Среди других эпиграфических материалов, собранных экспедицией, особо следует отметить плиту с надписью 1363 г., упоминающую Феодоро и Пойку (ИТУАК.— 1914.— № 51.— С. 298).

На мысе Тешкли-бурун велись раскопки в здании цитадели. К сожалению, Лепер, редко бывавший на Мангупе, не оставил подробного отчета, по которому можно было бы представить методику раскрытия и стратиграфию культурных отложений. Нет даже удовлетворительной описи находок. Приходится довольствоваться краткими сообщениями об отдельных вещах, наиболее выразительных по мнению руководителя раскопок. Ничего ранее турецкого времени обнаружено не было. Отсюда следовал вывод о сооружении крепости на мысу турками после захвата ими Мангупа (ИТУАК.— 1914.— № 51.— С. 299). К такому же выводу, на основании изучения особенностей фортификации цитадели, пришел и А. Л. Бертъе-Делагард (36, с. 19—28).

С именем Бертъе-Делагарда связано начало серьезных научных исследований «пещерных городов» Крыма. Он первым начал широкие обмерные работы и сопровождал их фотографированием самих археологических памятников*.

В первой большой статье, посвященной главным образом Каламите-Инкерману, для нас весьма ценны выводы относительно особенностей турецкой крепостной архитектуры, о возможной дате турецкой реконструкции башен и стен Инкермана (35, с. 187—188), поскольку аналогичные перестройки почти одновременно и в таких же больших масштабах велись на Мангупе.

Вопросам истории Феодоро посвящена специальная статья А. Л. Бертъе-Делагарда «Каламиты и Феодоро», написанная на основе анализа большого материала, архивных документов, чертежей и оригинальных фотографий, с учетом последних археологических данных. Она, несмотря на ряд положений, не подтверждающихся данными новейших исследований, до сих пор представляет для изучения истории крымского средневековья отнюдь не только историографический интерес.

В статье автор привел ряд аргументов для доказательства принадлежности саблинской

надписи 1427 г. Инкерману, а не Мангупу (36, с. 2—10).

При описании памятников для А. Л. Бертъе-Делагарда характерна высокая точность и отсутствие стремления к домысливанию без надежных оснований. Поэтому, не располагая достаточными данными, он обошел вопрос о времени и обстоятельствах основания города Мангупа. Только анализируя архитектуру большой базилики, опираясь на херсонесские аналогии, он очень осторожно высказывается о ее возведении не позднее VII—VIII вв. (36, с. 40). Синхронных оборонительных сооружений Мангупа А. Л. Бертъе-Делагард не указывает. Крепостную же линию, проходящую в северной части плато (линию Б), он связывает со строительной деятельностью мангупских князей XIV—XV вв., полагая, что она была основным оборонительным рубежом города (36, с. 15).

Как отмечалось выше, цитадель автор определяет как турецкую постройку, считая, что при наличии дворца в окрестностях базилики князьям она была не нужна. Такую атрибуцию цитадели подтверждают, по мнению автора, ружейные бойницы на куртинах, относимые им к первой половине XVI в. (36, с. 18), так же как и аналогичные бойницы на внешней оборонительной стене в Чуфук-Кале (37, с. 113—114). Особо следует подчеркнуть, что в статье А. Л. Бертъе-Делагарда впервые публикуется достаточно точный топографический план Мангупа, увеличенный с одноверстной карты Крыма (36, с. 10); он воспроизводился и в работах других исследователей (66, с. 124; 297, с. 125).

Большой вклад в изучение эпиграфических памятников Мангупа внес академик В. В. Латышев. Им были обработаны и изданы практически все надписи на камнях, обнаруженные на городище в XIX—начале XX вв., большинство из них связаны с оборонительными стенами и башнями. Известную надпись 1427 г. В. В. Латышев склонен был связывать с Мангупом, а не с Инкерманом, как А. Л. Бертъе-Делагард (150, с. 50—53). При такой интерпретации следовало, что городские укрепления на плато были возведены в правление князя Алексея (20—30-е гг. XV в.). К сожалению, вопрос о месте первоначального нахождения надписи пока не может быть решен окончательно без новых документов, касающихся обстоятельств ее поступления.

В 1896 г. впервые были опубликованы две надписи, найденные Ф. А. Брауном. Восста-

* В настоящее время большая часть научного архива А. Л. Бертъе-Делагарда хранится в фондах областного краеведческого музея в г. Симферополе.

навливая содержание первой из них, В. В. Латышев полагал, что она сообщает о возведении башни в правление Тохты, или Тохтамыша (150, с. 54—55), вторая же, происходящая из вторичной кладки башни в Табана-дере, содержащая упоминание «крепости Феодоро», отмечена им к XIV в. (150, с. 56—57).

В. В. Латышевым была опубликована заметка А. Л. Бертье-Делагарда по поводу небольшой надписи в пещере у нижней стены в Табана-дере, которую он предположительно определяет как обозначение даты 6729—1221 г., имеющей отношение к стене (151, с. 154).

В дальнейшем В. В. Латышев обратился к мангупским надписям, накопившимся после раскопок Р. Х. Лепера (153, с. 17—21). Все опубликованные им материалы имеют большое значение для выяснения хронологии оборонительного строительства на Мангупе в период жизни княжества Феодоро.

Подводя итоги изысканиям дореволюционных исследователей, следует констатировать, что был накоплен значительный фактический материал по истории культуры населения Мангупа и по политической истории княжества Феодоро; были добыты и обработаны эпиграфические памятники, касающиеся строительства оборонительных сооружений, сделаны попытки датировать некоторые из них, но это был лишь первый шаг в изучении большого археологического комплекса Мангупского городища. Отдельные его узлы исследовались обособленно, не ставилась даже задача изучения истории поселения в целом. Нередко однобоки были интересы исследователей, увлекавшихся то поисками ценных в художественном отношении вещей (А. С. Уваров), то следов пребывания готов (Ф. А. Браун, Р. Х. Лепер).

Не ставилась и задача охраны архитектурных памятников, среди которых особой заботы требовали затронутые археологическими раскопками. Единственную попытку подготовить материалы для реставрационных работ мы встречаем в начале XIX в. (Келлер). В дальнейшем в лучшем случае лишь выражается горькое сожаление по поводу быстрого разрушения кладок и полной безнадежности их сохранения (36, с. 2, 37—38; 124, с. 171—172).

Ни один исследователь не поставил перед собой задачу изучить оборонительные сооружения Мангупа в их взаимосвязи.

Раскопки оборонительных сооружений не

проводились вообще, если не считать раскопку Р. Х. Лепером внутренней части донжона цитадели, давшую, как известно, лишь материалы позднетурецкого времени.

После Великой Октябрьской социалистической революции и окончательного установления Советской власти в Крыму были приняты энергичные меры, направленные на сохранение историко-культурных ценностей, которым угрожало разрушение и расхищение. В отношении Мангупа, переданного приказом Крымревкома в ведение Кырмохриса в 1921 г. (214, с. 116), такие мероприятия разрабатывались уже в 1923 г. К 1925 г. была организована охрана территории городища, а в 1927 г. произведено межевание охранной зоны (213, с. 177).

Вопрос о необходимости возобновления исследований средневековых городов Крыма, и Мангупа в частности, был поставлен уже в 1921 г. А. А. Васильевым, в трудах которого ярко выражены традиции школы русского византиноведения. Мангуп он считал центром готского княжества, заслуживающим пристального внимания археологов (49, с. 1—32, V, с. 182). Взгляды Васильева на готскую проблему получили окончательное выражение в монографии, вышедшей в 1936 г. в США (331). Ценность представляет обширный фактический материал, привлеченный автором (78, с. 191—192), но основная идея о длительном, вплоть до XV в., сохранении в Крыму готской этнической общности требует подтверждения палеоэтнографическими и археологическими материалами.

Археологические исследования Мангупа возобновились в 1938 г. Столь продолжительная пауза была вызвана усилением научного интереса к Эски-Кермену, который, по предположению Н. И. Репникова, в VI—X вв. именовался Доросом и был столицей Крымской Готии до разрушения его хазарами (231, с. 133—134). Для обоснования этой гипотезы Н. И. Репников в 1928—1930 гг. произвел критический пересмотр материалов, накопленных по Мангупу, пытаясь доказать, что его возвышение как городского центра Юго-Западной Таврики могло произойти не ранее X в.*

Для обоснования омоложенной даты появления поселения на Мангупе автор приводит

*Эту гипотезу поддержали В. П. Бабенчиков (30, с. 145—146) и В. И. Равдоникас, который, однако, оговорился, что необходимо провести систематические исследования Мангупа (223, с. 34—35).

ряд аргументов. Так, вопреки распространенному представлению о недостаточной исследованности памятника, утверждается, что «площадь его изрядно во многих местах перерыва работами 1891 (так у Н. И. Репникова — А. Г.), 1912, 1913—1914 гг.» Отрицается принадлежность Мангупу надписи на плите с именем Юстиниана — она попала туда уже в качестве вторично использованного строительного материала, «базилика Брауна» датируется не VI в., а XI, отмечается отсутствие на плато ранней средневековой керамики. Общий вывод таков, что на Мангупе нет памятников ранее начала XI в., культурный слой здесь тонок, оборонительные стены поздние «как по смыслу, так и по характеру кладки» (231, с. 140—144).

Сравнивая оборонительные стены Эски-Кермена и Мангупа, Н. И. Репников отмечает, что для последних характерна нерегулярная кладка с применением неотесанных камней, деревянных брусьев и известкового раствора. Отрицает автор наличие здесь облицовки из тесаного камня. Ссылаясь на результаты осмотра стен, произведенного в 1928 г., он поддерживает мнение А. Л. Бертье-Делагарда о датировке Мангупской системы фортификаций XIII—XIV вв., а данные эпиграфики (надпись 1363 г. с именем Тохтамыша) позволяют ему уточнить эту дату — вторая половина XIV в. Полностью согласен Н. И. Репников с А. Л. Бертье-Делагардом и по поводу определения цитадели как чисто турецкого сооружения (232, с. 206—208). Позднее, возвращаясь к этому вопросу при работе над археологической картой Крыма, Н. И. Репников в основном повторил эти выводы, добавив лишь мысль о том, что главная оборонительная линия поддерживалась и в турецкое время. Указывал он также на вторичный характер кладки нижней оборонительной стены в этом ущелье (12, с. 160—161). Непонятно, почему автор утверждал, что стены и башни Мангупа имели зубчатый парапет, это характерно только для двух башен в тальвеге Гамам-дере и в верховьях Табана-дере, для остальных же известных в то время сооружений оборонительной системы характерно наличие сплошного бруствера.

Подводя итоги изысканиям в области оборонительных сооружений Мангупа, проводившимся в 1938 г., Н. И. Репников отметил, что поиски раннесредневековых стен были неудачными, и подверг критике выводы А. Л. Якобсона о наличии ранних кладок в

основании боевых стен Мангупа (12, с. 163; 290, с. 220), однако следует отметить, что, отрицая существование на Мангупе раннесредневековых памятников, Н. И. Репников подчеркивал необходимость дальнейшего изучения «величественного, грозного и во многих отношениях загадочного в своем прошлом Мангуп-Кале», считая его первоочередной задачей планового изучения памятников предгорья Крыма (12, с. 2).

Замечания, сделанные Н. И. Репниковым по поводу характера и датировок крепостных стен городища, справедливы лишь по отношению ко второму защитному рубежу Мангупа. Категоричные выводы относительно позднего возникновения укрепленного поселения на плато были порождены, с одной стороны (вопреки мнению Н. И. Репникова), как раз недостаточной изученностью памятника, с другой стороны, сказались увлеченность автора гипотезой об Эски-Кермене как о центре экономической и политической жизни Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. В то же время, разведки и раскопки, проведенные экспедицией ГАИМК во главе с Н. И. Репниковым на Эски-Кермене, показали возможность изучения оборонительных сооружений для воссоздания истории этого поселения.

Иную точку зрения в отношении времени и обстоятельств возникновения Эски-Кермена и других «пещерных городов» попытался обосновать Н. Л. Эрнст. Он полагал, что традиция сооружения пещерных жилищ занесена в Крым из Малой Азии греческими переселенцами, здесь же ее восприняло местное готское население, которое в XIII—XIV вв. создает в горных районах юго-западной части полуострова эти укрепленные города, (173, с. 277; 288, с. 41—43).

Н. В. Малицкий обратился к уже известным эпиграфическим памятникам Мангупа и высказал соображения по уточнению датировки строительной надписи времени Тохтамыша (80-е гг. XIV в.), имеющей, вероятно, отношение к крепостным сооружениям (164, с. 5—7). В отношении других надписей автор приводит подробный историографический обзор и уточняет чтение отдельных фрагментов.

В 1933 г. Н. И. Репников организовал разведывательные работы на Мангупе, которые, впрочем, ограничились осмотром памятников и небольшими зачистками. Пожалуй, наиболее важным их результатом было открытие следов двойных постелей стен, вырубленных в скале

перпендикулярно обрыву мыса Тешкли-бурун. Исследователем они были истолкованы как доказательство существования на мысу в V—VI вв. укрепления типа Суйренского (6, с. 172). К сожалению, намечавшиеся на 1936 г. раскопки на этом месте не состоялись и, что особенно досадно, Н. И. Репников не указал точного местонахождения обнаруженных вырубков, во всяком случае до настоящего времени они вновь не найдены.

Мысль о существовании раннесредневековой крепости на Тешкли-буруне имела большое значение для разработки новой схемы генезиса Мангупского городища, разработанной в дальнейшем Е. В. Веймарном.

Серьезным шагом в исследовании Мангупа явилась организация Государственной Академией истории материальной культуры и Севастопольским музейным объединением в 1938 г. экспедиции под руководством Е. В. Веймарна, М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона. Перед ней была поставлена задача начать систематическое изучение памятника. Основными объектами раскопок стали базилика (предполагаемый храм св. Константина и Елены) и дворец князя Алексея.

Полученные материалы показали, что на плато есть следы поселения V—VI вв. (166, с. 26; 260, с. 325—326). Этим временем было датировано и строительство базилики, но в дальнейшем М. А. Тиханова сузила эту дату до VI в. (261, с. 387).

Впервые в истории исследований городища была проведена археологическая разведка его оборонительных сооружений. Несмотря на это, вопрос о существовании синхронных базилике крепостных стен не был решен, притом выявилось расхождение точек зрения руководителей экспедиции. Так, в предварительном сообщении, основанном на рапорте М. А. Тихановой, утвердительно говорится о существовании на плато раннесредневековых оборонительных стен и ворот (Капу-дере) (166, с. 27). Затем А. Л. Якобсон выступил с двумя статьями, в которых дополнительно аргументировал это положение. В статье, вышедшей в 1940 г. и посвященной архитектурному анализу Мангупской базилики, были подвергнуты критике основные выводы Н. И. Репникова касательно преемственности Мангупа от Эски-Кермена*. По поводу обо-

ронительных сооружений автор пишет, что «раннесредневековая кладка в нижней части стен XIV—XV вв. прослеживается почти на всем протяжении их. Он отмечает также наличие средневековой кладки из больших блоков в воротах под мысом Тешкли-бурун и в Табана-дере. Отмечается, что в последнем пункте эта стена надстроена поздней кладкой, датированной надписью в башне XIV в. (240, с. 220)*».

Появление крепостей на Мангупе и в других пунктах Горного Крыма А. Л. Якобсон связывал с необходимостью защиты византийских владений от внешней опасности, которая особенно реально была в V—VI вв. (290, с. 221—222, 225)**. Свои мысли о византийском строительстве на Мангупе он развивает в статье, опубликованной в послевоенное время и специально посвященной анализу оборонительных сооружений городища. Отнеся стены Мангупа в их современном виде к XIII—XV вв., А. Л. Якобсон отмечает, что в ряде мест сохранилась кладка из больших хорошо отесанных блоков (Капу-дере, район ворот, и Табана-дере, нижняя стена), которая по ряду аналогий датируется им VI в. (291, с. 55—58)***.

Основной вывод таков: Мангупская крепость входила в систему укреплений эпохи Юстиниана I, упомянутую Прокопием под образным названием «длинные стены», в создании их могли принимать участие херсонесские строители (291, с. 62). Это положение в дальнейшем повторялось в других работах, посвященных проблемам раннесредне-

* Надпись, которую имеет в виду А. Л. Якобсон, датируется не XIV, а XVI в. (вероятно, в тексте статьи допущена опечатка) (152, с. 31—33). Новейшая публикация этой надписи: Соломоник Э. И., Белый А. В. Утерянная и вновь открытая Мангупская строительная надпись // ИЭ.— 1984.— Т. 14.— С. 170—175.

** Тем самым А. Л. Якобсон присоединяется к мнению, высказанному С. П. Шестаковым (282, с. 8—9) и поддержанному А. А. Васильевым (49, V, с. 182), о создании в Крыму в период правления Юстиниана I «Таврического лимеса».

*** Автор считает, что для этих участков характерна двухпанцирная кладка из тесаного камня с бугровым заполнением, но на самом деле на Мангупе этот прием в чистом виде отмечен лишь на участке главных городских ворот Капу-дере. Тыльная панцирь обычно выкладывался из бута, слегка подтесанного с лицевой стороны.

* Н. И. Репников готовил ответ на эту статью, но смерть (25.XII.1940) помешала завершить работу (Архив ЛОИА.— ф. 10.— № 20).

вековой Таврики (260, с. 324; 293, с. 150, 294, с. 26—27)*.

В последней статье о крепостных сооружениях Чуфут-Кале А. Л. Якобсон упоминает участки мангупских стен в качестве образцов кладки VI в., ссылаясь, в частности, и на результаты наших работ (300).

Гипотеза об основании крепости на Мангупе в юстиниановское время и о вхождении ее наряду с другими укреплениями в систему «длинных стен» встретила критику со стороны Н. И. Репникова и других авторов**. Противоречия между исследователями по этому вопросу выявились уже в период совместной работы в экспедиции 1938 г. (если только не раньше).

Е. В. Веймарн, обследовавший оборонительные сооружения городища, в осторожной форме высказался о времени их возникновения. Отметив, что в нижней стене в Табана-дере использовался древний тесаный камень, он, однако, считает все сооружение поздним, поскольку лежат эти блоки неправильными ря-

* В рецензии на сборник «История и археология средневекового Крыма», анализируя статью Е. В. Веймарна «Оборонительные сооружения Эски-Кермена», А. Л. Якобсон признал справедливость вывода автора о невозможности отождествления средневековых крепостей Юго-Западного Крыма с «длинными стенами» Прокопия (295, с. 29), но в монографии «Средневековый Крым» (297, с. 11) вновь Мангуп и другие пункты причисляются к «длинным стенам», хотя в прим. 41, с. 154 автор оговаривался, что Мангуп и другие памятники нельзя к ним относить. В монографии, вышедшей в 1970 г., говорится о созданной в Дори в VI в. сильной крепости для защиты византийских владений в Крыму от нападений кочевников (298, с. 18). Как и Сюреньское укрепление, она должна была защитить подступы к византийским владениям. Таким образом, на смену представлениям о линейной системе укреплений приходит взгляд о существовании отдельных опорных пунктов.

** В. Ф. Гайдукевич, вслед за А. Л. Бертье-Делагардом (37, с. 66), склонен датировать «среднюю» оборонительную стену Чуфут-Кале XI—XII вв. (76, с. 311—312). А. Л. Якобсон же включает Чуфут-Кале (Фуллы?) в систему «длинных стен», а кладку «средней» стены сближает с относимыми им к раннему средневековью кладками Мангупа (300). В. В. Кропоткин присоединился к мнению о локализации Дороса на Мангупе, но отказался считать его и другие «пещерные города» звеньями византийской защитной системы. Он трактует их как крепости, защищавшие феодалов не столько от внешней угрозы, сколько от крестьянского населения собственной округи (137, с. 347).

дами и без подрубленных в скале постелей; то же говорится и о стенах в Капу-дере. Единственное место, где, по мнению Е. В. Веймарна, можно видеть раннесредневековую кладку, это — остатки главных городских ворот (53, с. 419). Вопрос о планировке и характере раннесредневековой крепости Е. В. Веймарн оставляет открытым, отмечая необходимость проведения специальных исследований, выводы же А. Л. Якобсона он считает слишком категоричными, поскольку они мало подкреплены материалами археологических раскопок (5, с. 9).

Для исследования системы оборонительных сооружений Мангупа Е. В. Веймарн отмечает необходимость раскопок прежде всего на участке главных городских ворот. Северо-западные защитные стены, видимые ныне, не имеют, по его мнению, прямой связи с оборонительными линиями раннего средневековья (58). Этот вывод Е. В. Веймарна был подтвержден результатами разведок и раскопок 1969—1979 гг.

В 1949 г. Е. В. Веймарном была осуществлена разведка остатков крепостных стен, облегченная произведенной до того вырубкой растительности, и сделана попытка наметить схему развития защитной системы городища (9).

Дальнейшие разведки, проводившиеся Е. В. Веймарном на протяжении первой половины 50-х гг., дали материал для создания новой гипотезы о генезисе «пещерных городов» Крыма, в которой Мангупу было отведено важное место.

Свои взгляды на проблему возникновения средневековых укрепленных поселений Юго-Западного Крыма автор наиболее последовательно изложил в двух статьях, вышедших в 1958 г. По его мнению, не инициатива византийского правительства сыграла основную роль в этом процессе, а естественный ход развития экономических и социально-политических отношений в среде местного населения. Именно он привел к появлению на основных торговых путях горной Таврики к IX в. городов и замков (54, с. 52—53; с. 62; 56, с. 77—78; 57; 64).

Анализ топографической ситуации «пещерных городов» в сопоставлении с археологическими данными позволил Е. В. Веймарну обоснованно усомниться в реальности существования «длинных стен» в виде цепи крепостей. На Мангупе в раннее средневековье, по его мнению, крепость существовала только на мысе Тешкли-бурун, а остальная тер-

ритория плато защищена только в VIII—X вв. (56, с. 77—78; 66, с. 125; 137, 139). К этому его приводит анализ оборонительной системы Эски-Кермена, который, как предполагалось, предшествовал Мангупу (54, с. 53—54; 66, с. 125). Однако данный вывод не был подтвержден нашими исследованиями (см. главу III).

Особенно важна статья Е. В. Веймарна об укреплениях Эски-Кермена, содержащая детальное описание и реконструкцию защитных комплексов, анализ их в свете истории развития тактики оборонительного и наступательного боя. Исторические выводы статьи следуют в русле взглядов Н. И. Репникова, подвергшихся серьезной критике со стороны А. Л. Якобсона (295, с. 289). На недостаточную обоснованность даты окончательного разрушения крепости Эски-Кермена (конец VIII в)* обратил внимание Д. Л. Талис, выступивший в 1961 г. с обзорной статьей по проблемам истории средневековой Таврики. Отмечая слабые места в позициях того и другого автора, он, в свою очередь, выдвинул мысль о расцвете византийского крепостного строительства на полуострове в доюстиниановскую эпоху (256, с. 243—244), причем не связывая его с «длинными стенами», которые, по мнению автора, еще не обнаружены. Южно-бережный вариант их локализации Д. Л. Талис исключал, поскольку этому противоречат слова Прокопия о строительстве крепостей Алустон и Горзувиты (256, с. 254—255). Последнее положение было выдвинуто в противовес гипотезе Э. И. Соломоник и О. И. Домбровского о нахождении страны Дори на побережье Крыма между Судаком и Балаклавой.

Появление укреплений на Мангупе Д. Л. Талис относил к концу V—началу VI вв., ссылаясь на оборонительную систему Эски-Кермена, принимая даты Н. И. Репникова (232, с. 203). Эта мысль высказывалась А. Л. Якобсоном (290, с. 221—222), правда, в дальнейшем он отнес создание Мангупской и Эски-Керменской крепостей к VI в. (297, с. 11).

* Е. В. Веймарн связывает разрушение стен Эски-Кермена с хазарскими репрессиями против Дороса после подавления восстания под руководством Иоанна Готского, однако материалы, которые могли бы обосновать эту дату, в публикациях не приводятся, мнение о локализации Дороса на Эски-Керменском плато нуждается в более обоснованной аргументации.

В работе, специально посвященной оборонительному зодчеству средневековой Юго-Западной Таврики, автор дал развернутую сравнительную характеристику защитных систем городищ. Оговариваясь, что об оборонительных сооружениях Мангупа можно судить только по небольшим зачисткам, Д. Л. Талис сопоставлял их со стенами Эски-Кермена и отмечал ряд технических различий, но в целом отнес их к квадратной кладке, для которой характерно сочетание двух рядов облицовки (258, с. 92).

Весьма ценной частью работы является описание остатков Баклинской цитадели, а также аргументы и соображения по поводу ее даты (вторая половина V—первая половина VI в.) (258, с. 98—105). В то же время статья содержит ряд спорных положений, основанных главным образом на устаревших данных. Например, утверждается, вероятно, под влиянием взглядов Н. И. Репникова, что мангупские оборонительные стены имеют зубчатый парапет, строительство цитадели автор отнес к турецкому времени (258, с. 94). В отношении времени сооружения первоначальной оборонительной системы Мангупа повторяется ранее сделанный вывод—конец V—начало VI в. (258, с. 106—107, 113).

Кроме публикаций и архивных материалов, посвященных оборонительной системе городища, дадим хотя бы краткую характеристику концепций по более широкому кругу вопросов, относящихся к истории средневековой Таврики, поскольку некоторые выводы, в частности по датировке защитных стен Мангупа, базируются именно на теоретических посылках, подкрепленных памятниками, трактуемыми далеко не всегда однозначно.

Вопрос о зарождении крепости на Мангупе неразрывно связан с проблемой локализации страны Дори и «длинных стен», упомянутых в трактате Прокопия «О постройках». Анализ текста этого сочинения, проведенный Э. И. Соломоник, и археологические разведки на Южном берегу Крыма убедили О. И. Домбровского в том, что «длинными стенами» реально могут быть прослежены в ряде дефиле Главной гряды. Построенные крымскими горцами еще в период римского господства, они были усилены в эпоху Юстиниана I и предназначались для защиты южно-бережных владений Византии от нападений кочевников и функционировали до VII—VIII вв. (93, с. 166).

В развернутом виде аргументация этого положения приведена в совместной работе, вышедшей в 1968 г. (247, с. 11—14). Выводы ее были полностью поддержаны Е. В. Веймарном (60, с. 62; 67, с. 19—20) и приняты И. А. Барановым (32, с. 153). Со стороны А. Л. Якобсона последовала резкая критика с уже рассмотренных нами позиций (299, с. 298—301).

Киевский археолог И. С. Пиоро, ознакомившись с материалами исследований крепостных стен Мангупа 1971—1972 гг., выдвинул предположение о локализации страны Дори на плато Мангупа, а «длинные стены», по его мнению,—это система ранних оборонительных сооружений городища (209)*. Еще С. П. Шестаков отождествлял Мангуп (он же Ай-Тодор, по мнению автора), якобы заселенный в IV—V вв. готами, с Дори. Но затем он пишет о представлении готам горной территории на берегу моря, то есть высказывается за южнобережный вариант локализации этой хоры (282, с. 8, 10).

Наконец, в 1979 г. Л. В. Фирсов, включившись в дискуссию, призвал вернуться к старому варианту представлений, согласно которому Дори находилась в Юго-Западной Таврике между Главной и Внешней грядами Крымских гор. Существование «длинных стен» на перевалах с VI в. кажется автору сомнительным, скорее, по его мнению, эти преграды создавались в период жизни княжества Феодоро и обращены они не на север, а на юг — против генуэзцев (272, с. 113).

Несколько ранее, в 1977 г., вышла монография Л. В. Фирсова по вопросам радиоуглеродной хронологии памятников Крыма. Основное место в ней уделено Херсонесу, по Мангупу приводятся результаты определения образцов деревянных конструкций из оборонительных стен. Пробы были взяты из сооружений, датированных по внешним признакам не ранее XIV в. На основании анализов они были отнесены Л. В. Фирсовым к IX—X вв. (271, с. 169—170). Результаты новей-

* На XI сессии Института всеобщей истории по византиноведению (Севастополь, сентябрь 1983 г.) с интересным докладом выступил С. А. Иванов, проанализировавший терминологию Прокопия во фрагменте, посвященном стране Дори. Он также пришел к выводу о локализации Дори на Мангупском плато. Слабым местом этой гипотезы является несоответствие численности готов, которая должна была превышать 20 тыс. человек, и площади плато (около 90 га). Такая концентрация населения была просто нереальной.

ших работ не подтверждают столь ранние даты сооружений, из которых бралось исследовавшееся на радиокарбон дерево (см. приложение 2).

Археологическое изучение оборонительных сооружений Мангупа возобновилось в 1967 г. Здесь начала работу экспедиция Института археологии АН УССР и Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе под руководством Е. В. Веймарна. Первоначально изучение оборонительных стен ограничилось вырубкой растительности и незначительной зачисткой участка обороны в верховьях ущелья Капу-дере у главных городских ворот; продолжались эти работы и в следующем году.

В 1969 г. под руководством Е. В. Веймарна и И. И. Лободы (Бахчисарайский историко-археологический музей) начались раскопки юго-восточной куртины цитадели в районе вылазной калитки. Они велись до 1972 г. Кроме этого, были обмерены комплексы пещерных казематов, расположенных вдоль обрыва мыса.

С 1969 г. автор настоящей работы начал изучение уже известных оборонительных сооружений, а также приступил к поиску остатков стен на необследованных ранее участках мысов и ущелий плато. За три года были обнаружены новые звенья крепостного ансамбля Мангупа, которые позволили в общих чертах реконструировать контуры главной крепостной ограды, дискретно размещенные укрепления которой обеспечивали неприступность всей территории плато и верховьев балок (79, с. 171).

С 1973 г. оборонительная система городища становится главным объектом работ отряда Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе, с 1975 г. экспедиция приобрела самостоятельный статус.

Археологическим раскопкам подверглись следующие памятники комплекса крепостных сооружений: две оборонительные стены на западном и восточном склонах мыса Чамну-бурун, башня в верховьях Табана-дере, оборонительная линия на восточном склоне мыса Чуфут-Чарган-бурун, участок второго оборонительного пояса в верховьях Лагерной балки, оборонительная стена и полукруглая башня в Гамам-дере, следы ранней оборонительной стены на западном мысе Елли-бурун, оборонительная система цитадели на мысе Тешкли-бурун. Общая площадь раскопок составила 1230 м². Была произведена детальная топосъемка плато. Материалы этих исследований легли в основу данной работы.

Мангупское плато * расположено на водоразделе Каралезской и Шульской долин в 20 км к юго-западу от Бахчисарая. Оно представляет собой гору-останец, сложенную мшанковыми известняками мощностью до 60—70 м, покоящимися на мергелях верхнего мела, отделенную от основного массива Внутренней гряды тектоническими и эрозийными процессами. Плато возвышается в виде скального острова, превышая уровень окрестных долин на 250—300 м. Высота его над уровнем моря достигает 584,5 м.

Между плато и находящимся на север от него массивом Чардаклы-Баир пролегает глубокая долина Джан-дере. С юго-восточной стороны находится долина Алмалык-дере, по ее склонам проходила в древности главная дорога в город, единственная доступная для колесного транспорта в настоящее время. Южное подножие плато обращено в обширную долину, именованную среди греко-татарского населения Ай-Тодор (204, с. 133). Название долины, вероятно, связано с одноименным селом, находящимся сразу за невысокой грядой, ограждающей долину с юга. От массива Шулдана, расположенного к западу, Мангун отделяется узким извилистым ущельем Ураус-дере. По нему проходит современное шоссе, связывающее Бахчисарай с Севастополем.

Нередко в литературе форму плато в плане сравнивают с растопыренной четырехпалой кистью руки. Аналогия достаточно выразительная. С севера и северо-востока массив прорезается тремя ущельями, боковые обводы которых образуют обрывы мысов. За очертания плато мы принимаем линию края обрывов, а там, где их нет, продолжение горизонтали, соединяющей участки обрывистого склона.

Крайний западный мыс, самый большой по площади, называется Чамну-бурун (Сосновый). Его западный и приблизительно одна треть восточного обвода окаймлены отвесными обрывами, достигающими высоты 70 м. В нескольких местах они разрываются узкими расклинами, по которым без особых затруднений возможен подъем на поверхность мыса. Большой распадок шириной до 200 м существует в северной части его восточного склона.

* Местное население в XVIII—XIX вв. называло плато Баба-кая (Отец гор) (130, с. 419).

Соседний к востоку мыс называется Чуфут-Чарган-бурун*. Треть его западного и две трети восточного склона в основном представляют извилистую кайму отвесных обрывов, лишь в трех местах имеющих труднодоступные расселены, по которым возможен подъем на плато. Южная часть склонов мыса — пологая, вернее, образованная уступчатыми террасами (такой же характер имеет и южная часть восточного склона Чамну-буруна).

Между упомянутыми двумя мысами лежит широкое (до 300 м) и относительно пологое ущелье Табана-дере. Название переводится как «Кожевенный овраг». Этот промысел караимов существовал здесь до конца XVIII в. (204, с. 133). До сих пор в верховьях балки хорошо видны ванны, вырубленные в скале, предназначавшиеся для вымочки кож. По балке проходит современная туристская тропа. Подъем по ней для здорового человека в среднем занимает 40—45 минут. Местами тропа совпадает с остатками дороги, которая еще в довоенное время была наезжена. О подъеме по ней верхом на лошадях красочно писал Е. Марков (172, с. 405), упоминает о ней и П. С. Паллас (204, с. 133).

К востоку от Чуфут-Чарган-буруна находится мыс Елли-бурун (Ветреный). Большую часть его составляют вертикальные обрывы, местами имеющие отрицательную крутизну. Пологой является лишь южная половина западного и короткий отрезок восточного склонов у основания мыса (истоки ущелья Капу-дере).

Между этим мысом и предыдущим пролегает балка Гамам-дере (Банная). Она короче и круче Табана-дере. Максимальная ширина ее — до 250 м. По литературным данным, в прошлом здесь была наезженная дорога на

* В. Х. Кондораки связывал это название с оборонительным комплексом в западном обрыве мыса. В месте, где стена примыкала к скале, есть несколько пещер, из которых якобы караимская стража опрашивала въезжающих в город, отсюда «Мыс вызова иудеев» (130, с. 422). Несомненно, что этот топоним имеет отношение к караимскому району города, кладбище которого находится на склонах ущелья Табана-дере; однако происхождение этого названия полностью пока еще не выяснено. Существовал и другой, более короткий вариант названия — Чуфут-бурун (172, с. 405).

плато (130, с. 420). Следы сильно заросших двух дорог были обнаружены во время разведок 1971—1972 гг. Подняться на Мангуп здесь можно за 30—40 минут.

Особо следует остановиться на небольшой балке, впадающей в Гамам-дере с юго-запада. Она образована участком пологого склона Чуфут-Чеарган-буруна и северо-западного склона мыса, известного в обиходе под названием «Таврского пятачка». По словам Е. В. Веймарна, это название появилось в 1938 г. после того, как на мыске были обнаружены фрагменты лепной керамики таврского типа. Для удобства топонимической номенклатуры мы предлагаем название Таврский мыс, а для безымянной ранее балки, в связи с размещением в ее верховьях с 1967 г. лагеря археологической экспедиции, название Лагерная балка. За последние десять лет эти новые топонимы хорошо прижились. Подъем на плато в этом районе не составляет большого труда. Верховья Лагерной балки выводят непосредственно к большой базилике (брауновской) и к дворцу князя Алексея. Склоны Таврского мыса, господствующие над средней частью Гамам-дере, представляют собой неприступный обрыв. К югу, к истокам балки, он переходит в уступчатые террасы.

Крайний северо-восточный отрог Мангупского плато, Тешкли-бурун (Дырявый), — самый высокий из мысов, но в то же время наименьший по площади (1, 2 га). Его ровная поверхность имеет уклон к северо-западу. Окаймляют ее отвесные обрывы высотой до 40 м. Попастъ на мыс можно только с юго-запада, т. е. со стороны плато. Тешкли-бурун выделяется своей изолированностью среди других отрогов и наиболее удобен для создания на нем укрепления.

Тешкли-бурун и Елли-бурун широко разведены пролегающей между ними балкой Капу-дере (Овраг ворот). Склоны ее, покрытые мергелевыми осыпями, весьма круты и трудно преодолимы при подъеме. В эту балку выходит главная проезжая дорога, проложенная по юго-восточному борту под северо-западным склоном Тешкли-буруна.

Южная кромка плато, несмотря на общее впечатление неприступности, которое она производит при взгляде на нее из Ай-Тодорской долины, на самом деле имеет несколько доступных для подъема участков. Самый значительный — шириной до 100 м. Это — уступчатый склон, протянувшийся от района современного триангуляционного знака до боль-

шой сталактитовой пещеры. Есть также два узких распадка с тропами, из которых наиболее известен западный, со спуском к пещерному монастырю, расположенному в большом естественном гроте под южным обрывом. Узкие и крутые расселены южного склона возле большой пещеры и у оконечности юго-западного фланга второй оборонительной линии дают возможность, хотя и с трудом, но все же без специального снаряжения подняться и спуститься с плато.

Сравнительно ровная поверхность Мангупского плато имеет уклон к северо-западу. Высшая точка его находится в окрестностях триангуляционного знака, самые низменные участки — основания мысов и истоки балок (речь, естественно, идет не о самих балках). Наименьшая абсолютная высота этих участков — до 540 м над уровнем моря.

Южная, не расчлененная балками часть плато покрыта травянистой растительностью степного характера, она распространяется и на плоские пространства мысов. Лишь изредка, отдельно или небольшими группами, здесь встречаются кизил, дикая яблоня, груша, барбарис, терн. К истокам балок древесная поросль становится гуще, в балках же и на склонах мысов она образует труднопроходимую чащу. Именно на таких участках находится большинство вновь открытых оборонительных сооружений городища.

Это говорит о том, что Мангупское плато представляет собой территорию в значительной мере укрепленную самой природой и, что очень важно для крепости, снабженную водой (52, с. 283), выходящей в виде источников в балках и под южным обрывом. Наиболее значительные источники находятся в верховьях Табана-дере и Гамам-дере. В первой известно даже три источника, дававших воду не только для питья, но и для нужд кожевенного производства*. Название второго оврага также связано с изобилием в нем воды. В Капу-дере известно два выхода. Небольшой источник находится под восточным обрывом Елли-буруна на территории кошар, открытых раз-

* Интересно, что в конце XIX в. был построен водопровод к дворам деревни Ходжасала под северным подножием Мангупа, принадлежащем помещику Абдураманчикову. Вода из верховьев Табана-дере (191, с. 69—70) подавалась по железной трубе, которая до сих пор сохранилась на западном склоне Чуфут-Чеарган-буруна. В верховьях балки есть следы более древнего водопровода из гончарных труб (12, с. 219).

ведкой 1968—1969 гг. (66, с. 133—135), в настоящее время он практически не функционирует; второй источник выходил из грота под северо-западным обрывом Тешкли-буруна. Функционировать он перестал вероятно тогда, когда его русло в скале было перехвачено колодцем, пробитым с поверхности мыса в XIV в. Под южными обрывом известны по крайней мере три выхода воды, но, как и источник под Елли-буруном, они не имели для крепости жизненного значения. Вопрос о происхождении родников на Мангупском плато остается дискуссионным (100, с. 82).

Обеспеченность плато водой, природная труднодоступность несомненно привлекали сюда людей еще в глубокой древности. Самые ранние следы пребывания здесь человека относятся к энеолиту. В Лагерной балке и на Тешкли-буруне в 1977—1979 гг. были обнаружены кремневые вкладыши, диоритовые топоры и тесла, а также другой инвентарь, относящийся к этой эпохе*.

Среди новых материалов, относящихся к ранним этапам заселения плато, следует отметить и кремневые наконечники стрел эпохи ранней бронзы. Что касается раннего железного века, то вывод о существовании на Мангупе следов таврского поселения был сделан еще в довоенные годы (261, с. 387). В наших раскопках были обнаружены фрагменты чернolощенных неорнаментированных лепных сосудов. Они обычно сопровождаются позднеантичной и раннесредневековой тарной и столовой керамикой и, возможно, являются таврским наследием в культуре этнически конгломерированного населения горных районов Крыма I тысячелетия н. э. (73, с. 182; 74, с. 190—191).

Материалы первых веков нашей эры представлены главным образом фрагментами светло-глиняных амфор, краснолаковых сосудов, монетами и, вероятно, одним надгробным памятником, вторично использованным в кладке стены северо-западного нефа большой базилики (261, с. 366, 368). Позднеантичные находки на Мангупе вместе с археологическими данными по его округе, на наш взгляд, свидетельствуют о постепенном освоении поздне-

скифским населением горных районов полуострова и, в частности, верховьев долин рек Альмы, Качи, Бодрака, Бельбека. Процесс заселения мог быть обусловлен ростом численности населения государства, связанным с новым притоком сарматов, начавшимся с рубежа нашей эры (73, с. 184). Во всяком случае, нет оснований относить появление населения на Мангупе только к III в., ставя это в связь с готскими и гуннскими вторжениями (73, с. 186), оно существовало и до того. Однако с IV в. действительно ощущается активизация жизни на плато, что выражается в резком увеличении количества археологического материала, большая часть которого приходится на VI—VII вв. (в целом для поздней античности и раннего средневековья).

К настоящему времени нет никаких данных о существовании на плато каких-либо оборонительных сооружений до начала эпохи раннего средневековья. Никто из современных исследователей не высказывает мысль о возможности существования крепости ранее второй половины V в.

Рассмотрим крепостные сооружения, относящиеся к эпохе раннего средневековья. Отметим, что раннесредневековый этап существования поселения представлен массовым археологическим материалом, полученным при исследованиях в различных местах городища.

Обращаясь к оборонительной системе Мангупа, все исследователи исходили из того, что ее магистральная линия в раннее средневековье проходила по тем же рубежам, что и в период жизни княжества Феодоро (XIV—XV вв.), т. е. совпадала с поясом стен и башен, пересекающих плато по линии юго-запад — северо-восток и отделяющих от застроенной территории мысы Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун (рис. 1). Отмечали, что ранние квадратные кладки прослеживаются в верховьях Капу-дере и в нижней стене в Табана-дере (А. Л. Якобсон), которая определялась как передовая.

Таким образом, визуально в крепостных сооружениях на поверхности плато квадратная кладка отмечалась лишь на небольших участках главных крепостных ворот (Капу-дере). Наличие ее в основании остальных куртин и башен главной линии обороны подразумевалось. При такой схеме незащищенными оставались бы упомянутые мысы, склоны которых, как отмечалось, имеют несколько доступных для подъема участков, некоторые шириной более 100 м (восточные склоны Чамну-буру-

* К энеолиту грузинские археологи относят зарождение поселений под защитой природных укреплений (Квацхлеби), которые в дальнейшем дополнялись искусственной фортификацией, превращались в укрепленные селения «даба» и крепости, например Уплисцихе (175, с. 5—6).

на и Чуфут-Чаргана-буруна)*. По ним неприятель мог бы беспрепятственно подняться на плато, с тыла ударить по нижней стене в Табана-дере и широким фронтом вести атаку на главную оборонительную линию, не прикрытую даже рвом. Слабость такой оборонительной системы несомненна. В ней полностью игнорировались бы преимущества «естественной фортификации»** Мангупа, а они диктовали необходимость включения в крепостной полигон всей территории плато.

Археологические разведки 1970—1972 гг выявили остатки защитных стен на Чамну-буруне. В пяти расселинах на его западном склоне были найдены как следы кладок, так и хорошо сохранившиеся стены.

Важное значение для формирования нового представления о компоновке крепостной системы Мангупа имело открытие остатков оборонительной стены в Лагерной балке (61, с. 393). Уже во время разведки рядом были найдены фрагменты гранитных ядер, позволившие определить участок, на который был направлен основной удар турецких войск в период осады 1475 г. (63, с. 265). Это подчеркивало значение данного оборонительного звена в крепостном комплексе. Постели ранней стены были выявлены на западном склоне мыса Елли-бурун ниже оборонительной стены с башней, господствовавшей над средней частью балки Гамам-дере.

Таким образом, к началу систематических раскопок оборонительных сооружений городища были накоплены данные о существовании системы укреплений, обеспечивавшей полную изоляцию плато, препятствовавшей проникновению на него даже мелких групп неприятеля. Она создавалась с учетом естественных факторов неприступности, характерных для данной местности.

В крепостном ансамбле в свете новых данных стала хорошо заметна его расчлененность на три укрепленных линии (рис. 2). Первая — внешняя, обеспечивавшая оборону уязвимых мест всего контура плато и максималь-

но подчиненная своим начертанием естественным рубежам. Вторая — это непрерывный пояс стен с башнями, протянувшийся от юго-западного обрыва до западного края Гамам-дере; в ее начертании менее всего учтены особенности местности. И, наконец, укрепление на мысе Тешкли-бурун, несомненно, являвшееся цитаделью. Выбор места для нее был подсказан естественной конфигурацией плато. Различия в технике строительства и тактических решениях этих поясов наглядно свидетельствуют о одновременности их появления. Действующий крепостной узел, состоящий из этих трех элементов, сложился довольно поздно, не ранее превращения Мангупа в столицу княжества Феодоро (XIV—XV вв.). Именно тогда окончательно был реализован господствовавший в античную и средневековую эпохи принцип последовательной обороны (303, с. 32), в соответствии с которым укрепление имело главную крепостную ограду или внешнюю линию обороны, вторую линию (ретраншемент), или тыловую позицию, и цитадель.

Данная глава посвящена сооружениям главной линии обороны. Для удобства обозначения элементов оборонительной системы мы ввели следующий порядок их нумерации. Укрепления главной линии обороны (в дальнейшем — ГЛО) обозначаются буквой А, второй линии обороны (в дальнейшем — ВЛО) — В и цитадель — С. Римские цифры указывают номера укреплений, арабские — номера башен, буквами обозначаются отдельные куртины. Нумерация идет с запада на восток (рис. 2). Под укреплениями для ГЛО мы понимаем сплошные оборонительные линии, опирающиеся флангами на неприступные обрывы. ВЛО (линия В) и цитадель (С) рассматриваются как отдельные укрепления.

Укрепления могут быть объединены в более крупные участки — фронты, которых можно выделить три. Западный, совпадающий с западным склоном мыса Чамну-бурун, для которого характерно дискретное расположение укреплений. Далее, Северный фронт с участками в Табана-дере, Гамам-дере и Капудере. Здесь линии, пересекавшие балки, дополнялись укреплениями на восточных участках склонов. Каждый такой участок решал задачу обороны балки путем организации оптимального фронтального и флангового обстрела. Это был самый сложный по инженерным решениям и самый большой по протяженности искусственных оборонительных ру-

* По словам Е. В. Веймарна, еще до Великой Отечественной войны было известно о существовании остатков оборонительной стены на восточном склоне мыса Чамну-бурун, но объяснения этому факту не давалось.

** До середины XVIII в. существовал специальный термин, обозначавший естественные укрытия и препятствия, создававшие удобства для обороны, — «естественная фортификация». Он весьма соответствует условиям Мангупа и других крепостей горной Таврики (286, с. 37).

бежей фронт. К нему относится ВЛО, страхующая его передовые рубежи. Цитадель на мысе Тешкли-бурун занимала промежуточное положение, она участвовала как в обороне участка Капу-дере Северного фронта, так и обеспечивала защиту северо-восточного фланга Южного фронта.

Последний включал укрепления, которые перекрывали расселины, и один пологий участок склона на окраине плато, выходящий своей обрывистой кромкой на Ай-Тодорскую долину, а также в балку Алмалык-дере. В этой последовательности расположены фронты мы и будем рассматривать конкретные примеры оборонительных звеньев.

Показательным для характеристики ГЛО является Западный фронт, представленный укреплениями западного склона мыса Чамну-бурун, обращенного в ущелье Ураус-дере. Территория мыса никогда не была застроена, об этом говорят редкие и маловыразительные находки фрагментов керамики. Данный район плато скорее всего предназначался для содержания скота. Труднодоступность склонов, удаленность крепостных сооружений мыса от наиболее посещаемой части плато защитили их от разрушения в период угасания городища и после того, как люди окончательно покинули Мангуп в начале 90-х гг. XVIII в. (156, с. 39). С этого времени руины построек разбирались жителями окрестных сел для строительных целей (36, с. 28).

Нелюбая сохранность ряда звеньев обороны на Чамну-буруне объясняется и тем, что поддержание стен на периферии обширной крепостной территории требовало, при возведении их, придавать кладкам особую прочность: ремонты обходились бы слишком дорого из-за трудностей доставки материалов, поскольку большей частью эти сооружения располагались не у кромки плато, а были опущены в расселины иногда до середины склона. Отсюда понятно стремление использовать блоки больших размеров. Кладка велась с большой тщательностью, сооружениям обеспечивался значительный запас прочности. Эти обстоятельства позволяют рассматривать Западный фронт как наилучшим образом сохранившийся оборонительные сооружения, относящиеся к начальному периоду функционирования ГЛО и не подвергнувшиеся, как показали исследования, существенным переделкам на протяжении всей жизни поселения.

Выразительным примером строительной техники и тактических решений, применявшихся в

ГЛО, является защитный рубеж А. I в крайней южной расселине на западном склоне мыса. В месте нахождения укрепленной линии расселина имеет ширину, равную 11 м. Выше и ниже она расширяется до 15—20 м. Крутизна склона составляет от 30° до 40°. Край расселины от оборонительной стены до устья представляют собой крутые обрывы высотой до 30—50 м. Местами, в нижней части, их поверхность имеет следы рубки, что свидетельствует об искусственном удалении выступов, по которым можно было бы подняться на плато мыса, минуя оборону. Такого рода подтеска скалы для усиления ее неприступности делалась при строительстве крепости Уплисцихе (Грузия) (175, с. 27). Тщательная подготовка местности перед укреплениями в предвиденье осады была правилом при обороне византийских крепостей (13, с. 94—96).

В устье расселины, при переходе ее южного края в западный обрыв мыса, на отдельно стоящей глыбе известняка был устроен наблюдательный пост. К небольшой площадке на ее вершине вели вырубные ступени. Отсюда хорошо просматривалось подножие обрыва и все ущелье Ураус-дере. Прямая зрительная связь с расположенным выше рубежом позволяла одновременно предупреждать о приближении неприятеля в недоступной для наблюдения отсюда зоне. Такого рода сигнальный пост известен и на противоположной стороне ущелья (12, с. 233).

На северном склоне расселины и выше, и впереди края оборонительной стены на 7—10 м находятся горизонтальные уступы, имевшие, вероятно, боевое значение. С их высоты (15—20 м) ручным метанием камней можно было поражать все предполье укрепления А. I. Таким образом, неприступность дефиле обеспечивала не только стена, но и ряд других сооружений, предназначавшихся для наблюдения за подступами и для флангового обстрела. Последнее было учтено и в планировке укрепленной линии, возведенной по тенальному принципу, наиболее приемлемому в условиях сильно пересеченной местности (148, с. 10, 28; 155, с. 72—73; 303, с. 41). Короткий левый фас укрепления, образующий с главным фасом угол в 140°, служил последнему и фланком, компенсируя значительный мертвый угол перед стеной, стоящей на крутом склоне.

Стена сохранилась до уровня боевой площадки. Кроме того, на длинной куртине остался нижний пояс кладки бруствера с более поздней надстройкой в южной части. О кото-

рой будет сказано ниже. Археологические исследования 1978—1979 г. позволили выяснить конструкцию и строительную историю сооружения. Для его возведения было выбрано самое узкое место расселины. Поверхность скалы здесь трещиноватая, сильно коррозированная, по трассе стены она тщательно выровнена. Из хорошо отесанных блоков, размеры которых составляют $0,4 \times 0,5 \times 1,1$ м, была выведена однородная постелистая тычковая однослойная кладка* высотой до 3,9 м (рис. 3). Судя по верхнему, доступному для наблюдения ряду, блоки скреплялись друг с другом пиронами (рис. 4). Признаков применения известкового раствора обнаружено не было.

Через щели, в месте примыкания длинной куртины к скале, удалось прозондировать всю толщину стены и установить, что обычной забутовки в ней нет. Там находится спрессованный щебень и мелкий бутовый камень, не скрепленный вяжущим раствором. Этот слой доходит до уровня верхнего ряда кладки (рис. 5). Учитывая крутизну склона выше стены, можно предполагать, что тыльный панцирь там отсутствует. Вероятнее всего, после возведения стены была сделана щебнево-бутовая подсыпка, снивелировавшая застенное пространство под уровень боевой площадки, но это не означало создания настоящего валганга, поскольку боевой площадкой служила лишь поверхность верхнего ряда блоков; ее ширина без учета толщины бруствера составляет 0,8 м.

О характере бруствера можно судить по сохранившейся его нижней части на длинной куртине. Он сложен из блоков размером $0,35 \times 0,65 \times 1,0$ м, поставленных на ложки. Для связи применялись деревянные скрепы, на что указывают хорошо сохранившиеся гнезда. Вероятно, второй пояс кладки бруствера состоял из таких же блоков, а общая высота прикрытия достигала 1,3 м при высоте обороны не менее 5,2 м**. Учитывая крутизну предполя, этого было вполне достаточно. Бруствер при этом имел относительно небольшое по сравнению с требуемым в равнинных условиях превышение (до 2,4 м) (112, с. 17)

* В соответствии с классификацией С. Д. Крыжицкого (138). В дальнейшем мы будем пользоваться его терминологией. Пояснения см. в Приложении 1.

** Вслед за А. Н. Кирпичниковым мы понимаем под высотой обороны расстояние от опорной плоскости (подошвы) бойницы (бруствера) до уровня напольной стороны (121, с. 54).

над боевой площадкой, но достаточно защищал обороняющихся от прицельных выстрелов неприятеля. Более высокий бруствер затруднял бы действия по противнику в ближней зоне. Данных о зубчатом венчании парапета нет, что можно сказать и обо всех остальных сооружениях ГЛО раннесредневекового времени. В подобных случаях исследователи все же обычно предполагают существование в прошлом зубцов, ссылаясь на аналогии византийских крепостей в Северной Африке (200, с. 36). В качестве примера можно также привести византийскую крепость Кудна на средиземноморском побережье Малой Азии, где реставраторами восстановлены кремальеры, в среднем имеющие высоту 1,0—1,25 м, стоящие на бруствере высотой 0,95 м. (319, с. 58). О том, что византийцы большое внимание уделяли возведению надежного бруствера, свидетельствует Прокопий Кесарийский, сообщающий об особой заботе, проявленной Велизарием при подготовке крепостных сооружений Рима к обороне; воины восхваляли предусмотрительность главнокомандующего и «особенно его опытность, высказанную им при постройке брустверов» (219, с. 124).

За боевой площадкой на поверхности подсыпки лежит слой известняковых глыб, некоторые из них имеют в поперечнике более 1 м. Они образуют террасу, возвышающуюся над уровнем площадки от 1,4 до 1,8 м. Камни лежали настолько плотно, что натечная земля между ними почти не проникла. Терраса за стеной — несомненно искусственное сооружение. Невозможно представить, что глыбы, многие из которых имеют массу до тонны, скатывались сверху и задерживались у стены. На крутом склоне они сбили бы бруствер, не защищавшийся щебнево-бутовой подсыпкой. Верховья расселины сложены трещиноватыми известняками, подвергающимися постоянному воздействию выветривания и размыва. Это создавало опасность срыва больших скальных блоков, что и было учтено при строительстве стены*. Для защиты ее верха на слой присыпанного балласта уложили глыбы известняка, образовавшие террасу. Она служила своего рода улавливателем, а в некоторых случаях и трамплином, перебрасывающим катящиеся камни через парапет.

* О падении больших камней с западного склона Чамну-буруна свидетельствовал П. С. Паллас (204, с. 123).

Вывод о существовании стены и насыпи-террасы как элементов конструкции укрепления подтверждает глыба, лежащая в южной части боевой площадки длинной куртины (рис. 3—4). Несомненно, что она не могла скатиться сюда с борта расщелины, иначе бруствер был бы полностью разрушен, чего на самом деле не наблюдается, хотя глыба опирается на блоки нижнего ряда его кладки. Важно отметить, что пространство между парапетом и террасой было заполнено натечной землей с включением мелких камней, накопившейся после того, как оборонительное сооружение перестало использоваться. Других глыб на боевой площадке, кроме описанной, не было. Вероятно, она была уложена в террасу рядом с боевой площадкой и вскоре после установки достаточно плавно опустилась на площадку, вызвав лишь обрушение верхнего ряда кладки бруствера. Удалить эту помеху без полного разрушения парапета было невозможно, как нельзя было и поставить ее на место, поскольку произошла бы подвижка всего каменного навала на данном участке. В дальнейшем на южном фланге длинной куртины, на уцелевших блоках бруствера, была выстроена из меньших по размерам штучных камней стенка в однорядной, орфостатной сложной системе кладки (тычком-логом), сохранившаяся на высоту двух рядов. Возможно, эта кладка обрамляла край возвышенной площадки, образованной насыпью из бутового камня среднего и крупного размера, компенсировавшей, отчасти, сокращение боевой площадки и обеспечивавшей проход с террасы на короткую куртину.

Для датировки описанных событий в жизни укрепления А. I большое значение имеет находка в каменной россыпи, на глубине 1 м от дневной поверхности с восточной стороны упомянутой глыбы, клада из восьми монет. Они лежали стопкой на камне с плоской поверхностью, находившемся в полости между глыбами, причем перекрывавшие его камни лежали так плотно, что земля между ними почти не проникала. Вероятно, монеты были спрятаны здесь вскоре после того, как из каменной насыпи сдвинулась глыба; в противном случае, при сотрясении, вызванном ее смещением, монетный столбик рассыпался бы. В составе клада * находилась одна медная

монета, известная по опубликованному А. В. Орешниковым экземпляру из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда (203, с. 4, табл. В, рис. 12). Она была предварительно определена как херсонская, времени правления Василия I, этот вывод поддерживает И. В. Соколова (245, с. 33). Остальные семь монет являются медными имитациями солидов Льва III (исходный тип см.: 306, PL. I.7). Таким образом, если принять традиционную датировку позднейшей монеты, то перекрытие нижнего фланга боевой площадки глыбой и возведение второго яруса кладки парапета может быть отнесено к концу IX в. Однако, на наш взгляд, более убедительным является отнесение данной монеты ко времени остальных семи монет клада, т. е. на век раньше*.

Важно отметить, что на одном из камней стенки второго периода на стороне, обращенной в кладку, находится вырубленный знак. Это позволяет получить отправную дату для хронологизации подобных символов, обнаруженных на других участках обороны, что будет показано ниже (рис. 18, 44).

Большое значение для формирования нового представления о ранней крепостной системе Мангупа имело открытие остатков укрепления А. XIV, защищавшего Лагерную балку и пологий участок склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Это пока наиболее изученное звено Северного фронта. Оборонительный рубеж состоит из трех куртин (рис. 6) общей протяженностью около 230 м. Куртина А перекрывает Лагерную балку, связывая отвесный обрыв Таврского мыса с пологим участком восточного склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун, где она примыкает к куртине Б.

Благодаря общему уклону поверхности плато к северо-западу в Лагерную балку на протяжении всей жизни поселения проникал вместе с натечной землей археологический материал. Балки были естественными накопителями смываемой и переносимой ветром земли. Заращение их лесом началось отно-

* Определение И. В. Соколовой (отдел нумизматики Государственного Эрмитажа) и В. А. Сидоренко (отдел археологии Крыма ИА АН УССР).

* Данная атрибуция подробно аргументируется в статье о чамну-бурунском клада, принятой к публикации в сборник кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета им. А. М. Горького (написана совместно с В. А. Сидоренко).

сительно недавно *. Балки играли важную роль не только благодаря наличию в них выходов воды, но и потому, что в известной степени защищали от осенне-зимних холодных северных и северо-восточных ветров, беспрепятственно обдувающих поверхность плато.

В 1975—1979 гг. в Лагерной балке были открыты остатки раннесредневековых усадеб, весьма важные для понимания начального этапа жизни Мангупского городища (80, с. 262). Благоприятным для исследования было и то обстоятельство, что балку пересекают две оборонительные линии: в верховьях — ВЛО, в устье, при впадении в ущелье Гамам-дере, — ГЛО. Расстояние между ними составляет около 150 м. Разница в высоте между горизонтами оснований стен по тальвегу достигает 20 м. В этих условиях возведение оборонительной стены, пересекающей балку, неизбежно должно было привести к задержанию на ней земли с археологическим материалом. Существование же двух защитных рубежей, находящихся на разных уровнях, позволяло предполагать существование каскадов культурных напластований, отражающих различные периоды функционирования оборонительной системы и поселения в целом.

В укреплении А. XIV можно выделить четыре основных строительных периода. К первому относятся куртины Б и В, сохранившиеся местами на высоту до 2,0 м.

Лицевой панцирь куртины Б выполнен из квадров, имеющих средние лицевые размеры 0,92×0,65; 0,5×0,47; 0,79×0,48; 0,3×0,4; 0,29×0,45 м. Камни хорошо подогнаны друг к другу, что видно по тонким зазорам, косым швам и фальцам, выполненным при совмещении блоков. Почти на всем протяжении куртины выдержана строгая рядность кладки (рис. 7). Подавляющее большинство блоков уложено тычками, лишь в верхней части сохранившейся кладки некоторые из них построены логом. Аналогичный характер имеют кладки лицевых панцирей стен ряда крепостей

ранневизантийской эпохи на территории Болгарии (198, с. 19).

Забутовка выполнена из ломаного камня средних размеров, залитого известковым раствором с песком и редкими включениями цемянки. В качестве гидравлической добавки использована цемянка, но в небольшом количестве, что характерно и для ряда ранне-средневековых кладок Херсонеса (108, с. 270—271), хотя, как известно, Витрувий рекомендовал добавлять цемянку в количестве до 1/3 части объема песка (69, с. 46). Попутно отметим, что для оборонительных стен и башен Мангупа позднесредневекового периода характерно применение в растворах крупных заполнителей, что приближает их к бетонам.

Тыльный панцирь выложен ломаными камнями средних размеров, у которых подтесывалась сторона, обращенная наружу. Для оборонительных стен Мангупа такой прием весьма характерен. Следы облицовки штучным камнем тыльной части кладки известны пока только на участке главных городских ворот в Капу-дере.

Толщина куртины Б достигала 1,8 м. О высоте ее судить трудно из-за утраты значительного количества камня в результате сильного разрушения стены в период турецкой осады 1475 г. и последующего расхищения его местным населением. Вероятно, превышение гребня бруствера над подошвой стены составляло 6—7 м. Большая высота на участке куртин Б и В была не нужна, так как ниже лежащий склон имеет труднодоступные эскарпы в виде естественных террас, возможно подвергшиеся проработке в результате ломки камня. Повышение боевой площадки привело бы здесь к значительному увеличению мертвого пространства, что было особенно опасно на северном фланге укрепления, плохо обеспеченном продольным обстрелом. Толщина куртины Б не покажется малой, если сравнить ее со стенами ранневизантийских крепостей на Балканах, так для 36 из 78 крепостей в Болгарии эта величина колеблется от 1,5 до 2,0 м (200, с. 35). Основанием для нее, как и для куртины В, является поверхность материковой скалы, вероятно подвергавшаяся предварительной подтеске. Об этом можно судить по выдержанности горизонта основания стены, а также по сопоставлению с другими участками обороны. Так, на противоположном склоне балки Гамам-дере, по западному краю мыса Елли-бурун, ниже стены с башней А. 8, хорошо прослеживается вы-

* На фотографиях конца XIX — начала XX вв. (фонд А. Л. Бертье-Делагарда, хранится в ККМ) видно, что на плато были лишь островки кустарниковой растительности и отдельные группы сосен (в Табана-дере). Развитие леса задерживала его вырубка, проводившаяся жителями деревни Ходжа-сала, существовавшей до 1944 г. у северного подножия Мангупа. Лесоохранные мероприятия послевоенных лет привели к быстрому облесению плато, особенно балок и участков древней застройки.

рубленая в скале постель оборонительной стены, относящейся к раннему этапу жизни крепости; этот прием восходит к эллинистическим строительным традициям (162, с. 81).

За куртеной Б находится вырубленное в скале помещение. Известны подобные сооружения и при других укреплениях Мангула, а также средневековых крепостей Таврики, например Чуфут-кале (14, 162). Эти укрытия для сторожей считались теоретиками древней фортификации обязательным элементом крепости (52, с. 287).

Рассмотрим стратиграфию культурных напластований, связанных с куртеной Б, и основные этапы ее строительной истории. В раскопе УП-А за стеной выявлено три слоя (рис. 8). На поверхности материковой скалы заполняя пространство между тыльным панцирем и находящимся за ним уступом скалы, находился слой темно-коричневой земли толщиной до 0,8 м, давший немногочисленные находки фрагментов амфор с частым зональным гребенчатым рифлением, датируемых VI—VII вв. (302, с. 14—16). На основании этих находок и аналогичных кладок А. Л. Якобсон отнес сооружение стены к VI в. (300, с. 112).

Выше залегал слой, исключительно насыщенный известковым раствором, аналогичным тому, который использовался в сооружении.

В верхней части этот слой состоит только из комков вяжущего материала. В северной части раскопа у стены толщина его достигает 0,7 м. В южной же она значительно меньше, а местами слой там и вовсе не прослеживается. Археологические находки в нем крайне редки и фрагментарны. Определению поддаются лишь обломки упомянутых амфор. Накопление отвердевшего строительного раствора за стеной обычно связано с процессом ее строительства (227, с. 17). Поверхность слоя в дальнейшем была утрамбована и покрылась тонким слоем земли, но в дальнейшем накопление почвы здесь по неясным причинам прекратилось.

В период осады 1475 г. укрепление А. XIV стало одним из главных объектов турецких атак. На него обрушился огонь осадных орудий калибром 40 и 35 см. С этими событиями связана находка скелета, вероятно, защитника города, погибшего в результате обрушения верха стены при попадании в ее основание гранитного ядра весом около 90 кг. Каменная россыпь с тыльной стороны могла быть создана и до осады с целью усиления стены

против ударов ядер. Интересно, что в натечной земле, покрывающей этот валганг и прилегающей между камнями, в подавляющем большинстве встречены раннесредневековые материалы, главным образом датируемые VI—VII вв. Вероятно, на последнем этапе жизни Мангула-Феодоро (XIV—XV вв.) в окрестностях стены не было ни жилой, ни хозяйственной застройки.

Несколько иную конструкцию имеет куртина В, начинающаяся от короткого фланка, перпендикулярного оборонительной линии (рис. 9). Склон мыса за ней становится гораздо круче, он сбегает в балку уступами высотой до 0,8 м и шириной 1,2—1,5 м. Крутизна склона, образованного раскатом камня и натечной земли с тыльной стороны стены, достигает 40°. Основанием для куртины является поверхность одного из скальных уступов.

Стена здесь не имела забутовки, а состояла как бы из двух соединенных панцирей из тесаного камня, так называемая двухслойная двухлицевая кладка (138, с. 36, рис. 9). Толщина ее достигала 1,2 м и была достаточной, так как скала перед фасом опускается крутым уступом в ущелье Гамам-дере и является дополнительным препятствием для противника, исключая возможность применения тарана. Отметим, что по куртине В в 1475 г. турки вели интенсивный обстрел, имея, вероятно, сведения о ее небольшой толщине. До настоящего времени сохранились лишь нижние ряды кладки этой стены, причем на многих камнях хорошо видны следы ударов ядер.

В целом можно констатировать, что куртины Б и В укрепления А. XIV в дошедших до современности частях сохранили кладку, относящуюся к первоначальному периоду существования ГЛО.

Гораздо сложнее строительная история участка укрепления, перекрывавшего устье Лагерной балки (куртина А). До его создания в балке находился могильник позднеантичного времени, состоявший из склепов, вырубленных в материковой скале, и грунтовых могил. Причем склепы, вероятно, размещались ближе к бортам балки, а могилы ближе к тальвегу, где слой земли был толще. В связи с началом работ по возведению оборонительной линии рост могильника приостановился. Погребальные сооружения, попавшие в зону строительных работ, были полностью или частично уничтожены при добыче камня или при

земляных работах. Следы их выявились при исследованиях тыльной части укрепления и, в особенности, на участке стыка куртин А и Б, где южный фланг куртины Б пересек срезанные почти до уровня пола дромос и камеру небольшого склепа (рис. 10). Аналогичные следы и разбитые закладные плиты из мергеля были найдены на противоположном склоне Лагерной балки.

Археологические исследования 1973—1977 гг. показали, что куртина первого строительного периода, пересекавшая балку, не сохранилась. Поиски ее следов необходимо продолжать. Однако есть достаточные основания для утверждения об ином ее планировочном решении, по сравнению с куртиной А, частично сохранившейся до настоящего времени. На это указывает характер стыка куртин А и Б. Куртина Б продолжается за стыком на 16 м; именно этот отрезок проходит через остатки склепа. К месту, где она оканчивается, должен был, вероятно, примыкать западный фланг куртины А первого периода, но последняя была полностью разобрана. Сохранившаяся куртина А пересекает балку в 10—15 м ниже предполагаемой трассы ранней стены. Существующая куртина А имеет иной по сравнению с куртинами Б и В строительный характер. Она разделяется по характеру кладки на два участка. Первый — от юго-восточного фланга, выходящего на обрыв Таврского мыса, до позднесредневековой, квадратной в плане, башни (см. главу IV) и второй, от башни до стыка с куртиной Б. На обоих участках техника кладки трехслойная двухлицевая, но на первом для лицевого панциря использованы крупные блоки из ноздреватого мшанкового известняка довольно грубой отески с лицевыми размерами $0,8 \times 0,4$; $0,4 \times 0,3$; $0,8 \times 0,65$ м (рис. 11); аналогичные кладки известны в крепостных сооружениях протоболгар IX—X вв. на территории Румынии (318, с. 62). На втором же участке лицевой панцирь имеет явно переложенный характер (рис. 12); строгая рядность здесь отсутствует. В кладке использованы блоки с лицевыми размерами $0,37 \times 0,37$; $0,3 \times 0,39$; $0,9 \times 0,3$; $0,9 \times 0,45$; $0,7 \times 0,52$; $0,44 \times 0,58$ м. По характеру обработки поверхностей и качеству материала многие из них идентичны квадратам, из которых сложен фас куртины Б, однако некоторые блоки выполнены грубее, лицевая поверхность их обработана не зубаткой, а бучардой. Так, например, были обработаны камни панцирей оборонительных стен Маяцкого городища (161, с. 17).

Следует отметить, что в лицевом панцире куртины А блоки зачастую уложены на узкую грань (ложок), образуя однорядную простую орфостатную кладку, весьма ненадежную без прочного основания. В куртинах Б и В такой прием кладки не отмечается.

На некоторых квадратах с хорошо отесанной поверхностью, несомненно происходящих из более ранней постройки, встречается куски прилипшего вяжущего раствора, насыщенного цемянкой; подобная картина наблюдалась и в постройках болгарской Плиски, где использовались строительные материалы из ранневизантийских построек (181, с. 15—22; 182, с. 87).

Толщина отрезка куртины А, пересекающего тальвег балки, достигает 3,5 м, это самая большая величина для выявленных оборонительных сооружений Мангула.

Тыльный панцирь на обоих участках выложен из грубо отесанных, более мелких по размерам, чем в лицевом панцире, блоков.

Важная особенность второго участка куртины А состоит в том, что основанием для него является не материковая скала, что типично для всех сооружений ГЛО первого периода, а культурный слой, представляющий собой землю черного цвета, насыщенную фрагментами позднеантичной и раннесредневековой керамики (не позднее VII в.). Этот слой выявлен на всех раскопах, заложенных в устье Лагерной балки. В нем найдены римские и византийские монеты от Юлии Домны до Юстиниана I. Вряд ли такая строительная особенность куртины А связана с поспешностью при ее возведении. Скорее здесь нужно видеть определенную архитектурную традицию. Важно отметить сходство наблюдаемой картины со строительными приемами в фортификации Подонья и Северного Кавказа, где в крепостях VIII—IX вв. часто встречается постройка стен без фундамента на грунт, нередко даже прямо на дерн, без какой-либо инженерной подготовки поверхности (250, с. 66). В качестве примера можно привести Саркел (277, с. 14), Маяцкое (161, с. 10—11), Хумаринское (38, с. 17—18; 39, с. 97) городища. Сознательное следование этому принципу при сооружении куртины А проявляется и в том, что на северо-западном ее фланге толщина земли над скалой невелика, от 0,5 до 1,0 м, тем не менее здесь не было сделано попытки вырыть котлован и поставить стену на материковую скалу. Несколько иная

ситуация отмечается на противоположном фланге, о чем будет сказано ниже.

Естественно, что кладка на столь пластичном основании была подвержена деформации. В особенности страдал лицевой панцирь, представлявший собой щит для относительно монолитной забутовки. На участках раскопов IV и V отмечено сильное выпирание наружу 2—4 рядов блоков панциря, что при раскопках не позволило здесь продолжить углубление в подстилающий кладку слой до материка. Аналогичным образом вела себя кладка и на городищах Подонья, например на Ольшанском (106, с. 3).

По структуре куртина А также близка к оборонительным стенам тех немногих крепостей Хазарии, которые возводились с применением тесаного камня в кладке панцирей. Причем концы блоков, обращены к забутовке, не утапливались в нее, а только примыкали к ней (рис. 13). Однако видеть в таких деталях только хазарское влияние на крымскую фортификацию не приходится. Исследователи отмечают, что мастера—строители каганата перенимали технические достижения у более развитых соседей (210, с. 44). Кладка с применением квадров продолжала широко применяться на территории Первого Болгарского царства (218, с. 25). Можно добавить, что примеры крымских крепостей, с которыми хазары познакомились в конце VII—VIII вв., несомненно также оказали влияние на развитие их фортификации. Именно в Таврике Хазарский каганат имел наиболее тесный контакт с византийской культурой. Захват ряда крепостей в горных районах полуострова—Дороса (Мангуца), Эски-Кермена и других—позволил хазарам близко познакомиться с их военно-инженерными особенностями и, в то же время, передать некоторые собственные приемы местного населению, вероятно принимавшему участие в восстановлении оборонительных сооружений.

Следует отметить, что в качестве связующего в куртине А использован раствор с илчотной примесью цемьянки, по крайней мере визуально, близкий к примененному в куртине Б, что подтверждает мысль о влиянии местных ранних строительных традиций на втором этапе функционировавшая крепостной системы Мангуца.

Полная высота куртины может быть восстановлена с достаточной точностью по одному полному (раскопы VI—VI—А) и двум частичным разрезам участка (раскопы П-П-А

и IV-IV-А). Она могла достигать 7 м на юго-восточном фланге и 8 м в районе тальвега (рис. 12—13).

Отметим еще одну планировочную особенность куртины А: ее кладка полного профиля, т. е. трехслойная однолицевая, заканчивается не дойдя 6 м до куртины Б. От этого места до стыка тянется лишь однорядная или местами двухрядная кладка из тесаных камней, продолжающая линию лицевого панциря, причем следов выборки забутовки не выявлено (рис. 14). Создается впечатление, что первоначально куртина А не смыкалась с куртиной Б; лишь позже этот промежуток был застроен стеной из блоков с подсылкой бутового камня с тыльной стороны. В связи с этим выступает проблема дороги, подошедшей к укреплению по западному склону Гамам-дере. Следы ее были выявлены разведками 1972—1973 гг., но оставалось неясным, как дорога проходила на территорию городища, ведь нигде в обороне этого участка не было отмечено признаков ворот. Остается предполагать, что, по крайней мере, на втором этапе существования укрепления, въезд находился между несомкнутыми флангами куртин А и Б. Это вытекает из универсального правила фортификации о том, что ворота всегда располагаются в той части фронта, которая наиболее защищена от нападения, т. е. при т. н. «клещевом» начертании—во входящем углу (155, с. 184). Не исключено, что здесь было какое-то устройство для временного перекрытия этого проема, но главной защитой этого уязвимого в случае нападения неприятеля участка было расположение стен «в нахлест»: отрезок куртины Б, заходивший вверх по склону Лагерной балки, выполнял здесь фланкирующую роль. Таким образом получалось устройство воротного проезда, называемое клавикулой (315, с. 26) или в древнерусской фортификации—захабом, известное в Изборской (226, с. 170—171), Островской (226, с. 187—188; 228, с. 152) и других крепостях; судя по описанию К. Н. Мелитаури, не исключено, что клавикулла была создана в Мцхетском укреплении (175, с. 60—61).

Кроме соображений архитектурного характера, для датировки куртины А можно привлечь археологические материалы. При сооружении ее юго-восточного фланга, проходящего по склону Таврского мыса, как уже отмечалось, были использованы квадры не из старой постройки, а специально для этого изго-

товленные. Это, вероятно, связано с тем, что новая трасса куртины А, по нашим расчетам, на 15—20 м длиннее гипотетической линии, по которой проходила куртина А первого строительного периода. Кроме того, стена второго периода проложена по местности с большим перепадом высот, отсюда следует, что на ее сооружение потребовалось, как минимум, на 15% больше материалов, чем для стены первого периода. В абсолютных значениях это выражается так: если для возведения всего укрепления А.XIV понадобилось около 1400 м³ камня, из них на блоки внешнего панциря приходится 240 м³ (около 6,5 тыс. шт.), то на новую куртину пришлось добавить около 180 м³ камня. Добыча его велась непосредственно на участке строительства, о чем свидетельствуют следы ломки на поверхности материковой скалы. По заключению геологов Симферопольского госуниверситета имени М. В. Фрунзе, здесь же добывались и заготовки для блоков панциря, в то время как для стен первого строительного периода брался плотный мшанковый известняк из глубинных пластов. Вероятно, его добыча велась в обнажениях под обрывами мысов. Такая каменоломня известна в Табана-дере.

В отличие от северо-западного фланга, основание куртины А стоит на скале, что потребовало перед строительством закладки траншеи, достигавшей на исследованном участке (раскоп П-А) глубины 0,5 м. Она затронула погребальные сооружения упоминавшегося выше некрополя. На поверхности скалы отмечены следы разрушенных склепов и закладные плиты. Для датирования некрополя важна находка светлоглиняной амфоры (тип С) второй половины III в. н. э. в раскопе IV-A (281, с. 18—19, рис. 7). Раскоп раскрыл на участке в тальвеге балки тыльную сторону вала, образовавшегося на месте куртины А. Амфора была установлена вверх дном в россыпи бутового камня в слое, связанном со строительством куртины. Очевидно, сосуд был найден строителями в одном из погребений и сохранен в качестве курьеза. Фрагменты таких амфор часто встречаются в надматериковом слое. Отметим также находку денария Юлии Домны и прекрасной сохранности монету Феодосия I.

Строительство второго варианта куртины А сопровождалось не только разрушением древнего некрополя, но и появлением новых захоронений в непосредственной близости от стены. На поверхности скалы были найдены

кости детских скелетов очень плохой сохранности, сопровождавшиеся стеклянными бусами. Особенно важным для решения вопроса о дате куртины было женское захоронение, обнаруженное в строительной траншее. Скелет лежит впритык к тыльному панцирю. На костях и черепе сохранились следы вяжущего раствора, который во время погребения был еще пластичным. В дальнейшем траншея была засыпана и в нее было уложено несколько целых керамид, характерных для IX—X вв. На черепе найдены две серьги салтовского типа, датируемых VIII—IX вв. (определение К. И. Красильникова). Этим же временем датируются и бусы.

Различия в приемах подготовки основания стены, характере использованных строительных материалов, техники кладки позволяют предполагать, что юго-восточный и северо-западный участки куртины А возводились одновременно двумя строительными артелями с отличающимися навыками и традициями в пределах одного исторического периода жизни поселения (IX—X вв.).

Укрепление А XIV дало также большую группу эпиграфических находок, знаков, высеченных на панцирных блоках. Поскольку на этом участке они особенно многочисленны и связаны с наиболее изученным памятником Северного фронта, то имеет смысл рассмотреть их вместе с аналогичными материалами, полученными на других участках ГЛЮ, тем более что, по нашему мнению, появление этих изображений относится к одному времени, лучше всего запечатленному на Мангупе куртиной А второго периода.

Рассматриваемые знаки вырезаны на гранях известняковых блоков, использовавшихся при возведении панцирей стен. Важность такого рода памятников для изучения средневекового зодчества давно уже отмечалась исследователями (284, с. 250).

Разного рода маркировки строительных материалов широко применялись в зодчестве задолго до средневековья. В эллинистическую эпоху использовались буквы греческого алфавита (162, с. 72), унаследовали эту систему и зодчие Константинополя. В позднесанидских постройках известны пометки мастеров, облегчавшие установку камней и подгонку их в кладке. Широкое распространение получила система строительных знаков в западноевропейском каменном (307, с. 44—45; 322, с. 47) и восточнославянском деревянном зодчестве (240).

В Крыму метки в виде греческих букв известны на оборонительных стенах Херсонеса эллинистического времени. В позднеантичное время в Северном Причерноморье появляются многочисленные знаки, связанные обычно с сарматским влиянием: им посвящена обширная литература. Отметим исследование Э. И. Соломоник, наиболее полно освещающее эту проблему (246), а также обобщающую работу В. С. Драчука (99). В средневековую эпоху в Крыму получают распространение разнообразные тамгообразные знаки, генезис которых пока окончательно не выяснен. Многие из них схожи со знаками сарматского круга, в том числе и те, что встречаются в позднесредневековое время; другие аналогичны символам древнерунических систем письма, в особенности тюркской. Большое сходство отмечается со знаками линейных начертаний, встречающихся на золотоордынской керамике, подробно рассмотренных М. Д. Полубояриновой (215).

Знаки, обнаруженные на оборонительных сооружениях Мангупа, весьма разнообразны по начертаниям. Круг аналогий для них очень велик, что в известной степени объясняется однообразием знаковых систем у многих народов мира и связанно с простотой и немногочисленностью элементов, слагающих знаки. Поэтому путь формального анализа, направленного на поиск аналогий, а от них к датированию, вряд ли будет успешным (99, с. 54—56). Необходимо рассмотреть знаки в контексте памятника, с которым они связаны, а затем попытаться включить их в круг синхронных явлений.

Из археологически изученных укреплений Мангупа больше всего меток дали два: описанное А. XIV, а также А. VIII на восточном склоне Чамну-буруна. Это объясняется значительными размерами линий, перегораживавших широкие распадки в обрывах, они соответственно содержали большое количество строительных материалов, в том числе маркированных. Кроме того, эти участки обороны меньше всего подверглись переделкам в позднесредневековое время. Все изображения исполнены острым орудием. В сечении они напоминают угол или полукруг (для широких линий). Толщина линий варьируется от 0,25 до 3,0 см. За исключением трех случаев, фигуры вырезаны весьма аккуратно и четко.

Находки камней с метками, связанными с оборонительным званием А. XIV, распределяются следующим образом: в кладке лицевого панциря — 5 (3 — в куртине А и 2 — в кур-

тине Б), в каменном завале перед фасом укрепления — 9 (возле куртины А — 6, Б — 3). Два квадрата с метками обнаружены ниже по склону Гамам-дере в отдалении до 100 м от линии обороны, поэтому установить их связь с той или иной куртеной нельзя.

При рассмотрении знаки можно разделить на две группы: 1-я — знаки упрощенных линейных начертаний и 2-я — знаки линейно-круговых начертаний.

1-я группа. Наиболее простые знаки — в виде косоугольного и прямого креста. Все они связаны с куртеной Б. Один находится на фальцованном квадрате в кладке лицевого панциря (рис. 15, 1), две другие метки найдены в завале, причем на обоих камнях знаки поставлены у края зеркала (рис. 15, 2, 3). Аналоги чрезвычайно многочисленны, не имеет смысла приводить их, но нужно отметить, что с христианской символикой эти знаки вряд ли связаны.

Знаки более сложных начертаний, кроме одного (рис. 15, 8 куртена Б), найдены в развале стены (рис. 15, 4, 7) возле куртины Б, (рис. 15, 5, 6) возле куртины А. Для знака № 4 наиболее близкие аналогии* известны на кирпичах в Саркеле (99, табл. XXXVIII, 252, 276), и в Плиске (284, табл. I, 57).

Знак № 5 имеет аналогии, правда, не бесспорные, в изображениях на известняковой плите из Пантикапея, так называемой «энциклопедии» сарматских знаков (99, табл. II, 12; IV, 228, 292). Знак № 6 имеет много аналогий среди сарматских знаков (99, табл. IX.) 705; III, 125; XXXVIII, 258), знаков-марок Западной Европы (99, табл. XX, 23, 26) и знаков Маяцкого городища (99, табл. XXIX, 62). Можно также указать на сходные изображения из Плиски (284, табл. XIX, 465, 57—59), а также Силистренского городища, где они сделаны на калиперах VI—X вв. (16, с. 20, табл. IV). Знак № 7 имеет аналогии на Маяцком городище (99, табл. XXIX, 60). Для № 8-го больше всего аналогий встречается в памятниках сарматского круга (99, табл. IX, 709; X, 718; XXXIX, 367), однако наиболее близкие дают Плиска (284, XIX, 80—81), Маяцкое городище (161, с. 32, рис. 37, 6), раннесредневековая керамика Урцекского городища (165, с. 90) и, наконец, римско-византийская колонна с метками вто-

* Для удобства ссылки на аналогии делаются в основном на монографию В. С. Драчука (99), где есть сводные таблицы, содержащие необходимые сведения о происхождении знаков.

рой половины IX—начала X в. (128, с. 261, рис. 5, 23). Блок с рассмотренным знаком находится по соседству с блоком со знаком № 1. Оба этих знака можно считать наружными, вырезанными на поверхности камней, уже находившихся в кладке. Что касается других приведенных знаков, то они расположены на широких гранях (зеркала) штучных камней и, скорее всего, наружу не выходили. Следует добавить, что эти метки поставлены на камнях или грубо обработанных, по сравнению с находящимися в нижних рядах, или же разрезанных для подгонки в ряды кладки, не дошедшие до нашего времени, составлявшие верхнюю часть стены. Только два квадрата, найденные на склоне далеко от стены, имеют хорошо обработанную поверхность и линейные знаки на зеркалах, т. е. внутренние по своему положению в кладке. Такое расположение знаков, как будет далее показано, характерно для вторичной кладки панциря куртины А, вероятно и эти блоки принадлежали ей. Знак № 9 (рис. 15) универсален как для позднеантичной (99, табл. II, 85, 87, 88, 90, 91, 93, 94; III, 60, 88), так и для всей средневековой эпохи (99, табл. XXV, 19; XVIII, 25); из датированных аналогий можно указать знаки на керамиде из Малого дворца Плиски (IX—X вв.) (16, с. 13, табл. III) и калиптере из Преслава (16, с. 11, табл. III). Широкий хронологический диапазон знака № 10 (рис. 15). Наиболее сходен с ним знак на известняковой плите из Пантикапея, хотя у него более длинный средний элемент (99, табл. IV, 216), некоторое сходство отмечается с изображениями на кирпичиках из Саркела (99, табл. XXVIII, 17, 62, 275).

2-я группа. Все эти знаки найдены на блоках куртины А. Простейший вариант — это два круга, соединенные линией. Таковы знаки № 11—12 (рис. 16). Первый вырезан на грани блока лицевого панциря, обращенной к забутовке (рис. 16, 11), второй — на квадрате в каменном завале перед стеной; им аналогичны тамги крымскотатарские и западнокавказских горцев (99, табл. XXII, 93, 94; XXV, 172). Пять знаков представляют сочетание круга и соединенных линейных элементов. В их расположении отмечается определенная закономерность. Наиболее простые высечены на широких гранях хорошо отесанных квадратов, относящихся к первому строительному периоду (рис. 16, 13—15). Знак № 13, самый незатейливый, состоит из трех элементов, он находится на сколотой поверхности квадрата, обнару-

женного в завале. Два же других — в кладке лицевого панциря, оба — на гранях, обращенных в кладку. Знаки № 16 и 17 выбиты на гранях блоков, которые изготавливались при реконструкции куртины А. Особенно грубо обработан блок со знаком № 16. Знак № 17 находится на лицевой стороне большого блока в лицевом панцире на юго-восточном фланге куртины А, как уже отмечалось, отличающемся по характеру кладки и использованию строительных материалов от северо-западного фланга. Композиционно это наиболее сложный знак из рассматриваемой серии. Поиск аналогий для знаков № 13—17 уводит в круг (99, табл. XI, 817; XXIV, 804) сарматских и сасанидских памятников (99, табл. XXIV, 7, 8). Очень редки подобные изображения на салтово-маяцких городищах, только Плиска дает нечто подобное (284, табл. L 56—58). Близкий по характеру знак был обнаружен в 1938 г. при раскопках безымянной гробницы VII у западной стены большой мангупской базилики (рис. 16, 18), он находился на одной из плит южной стенки; плита, скорее всего, вторично употреблена. М. А. Тиханова видела в этом знаке монограмму, подразумевая, видимо, грекоязычную аббревиатуру (261, с. 360). Однако эпиграфические материалы из раскопок оборонительных сооружений позволяют включить его в число знаков, выделенных нами во вторую группу. Все аналогии этого изображения датируются первыми веками н. э. (99, табл. XI, 820, 826, 827; XIII, 49, 51; XIV, 3, 11; XI, 463; XVI, 150). Более отдаленное сходство с этим мангупским знаком имеет знак № 57 в башне Плиски (284, табл. L, 57), а также знак на керамиде X в. из объекта 31 (Плиска), но в отличие от нашего 18-го, в нем круг сочетается не с Т-образным элементом, а с М-образным (16, с. 11, табл. III).

Укрепленная линия А. VIII перекрывает обширный участок пологого склона на восточном краю Чамну-буруна. Сохранившиеся в неперестроенном виде участки кладки позволяют установить конструктивное ее сходство с куртиной Б укрепления А. XIV. Только в лицевом панцире здесь использованы блоки еще большего размера (1,1×0,7×0,4 м). Раскопки здесь затронули небольшой участок кладки, поэтому достаточно полная картина развития этого звена обороны пока еще не воссоздана; данный памятник приводится только как иллюстрация к вопросу о строительных метках, которых здесь было найдено 29. Из этого количества только две находятся на камнях,

стоящих *in situ*, причем на сторонах, утопленных в кладку (рис. 17, 24; 18, 39). Обнаружены они были при зачистке участка в средней части укрепленной линии. Было установлено, что стена здесь перекладывалась по крайней мере дважды. В то же время, несмотря на значительную протяженность сохранившейся в неперестроенном состоянии кладки (около 100 м при высоте 2 м), нигде больше знаков не обнаружено. Все остальные их находки сделаны в россыпи строительного камня на нижележащем склоне. Вероятно, это, как и в куртине Б укрепления А. XIV, свидетельствует о концентрации блоков с метками в верхних рядах кладки лицевого панциря, подвергавшихся перестройке. Отметим, что в крепостных сооружениях салтовских городищ знаки находились в основном на лицевых сторонах, однако невозможно учесть знаки в сохранившихся кладках на скрытых сторонах камней. Если, например, на Маяцком городище известен всего один такой случай (24, с. 266), то на Мангупе — 5. В то же время архитектурные памятники Плиски дают значительное количество «внутренних» знаков (284, с. 250—253), там они, вероятно, даже многочисленнее «наружных» (284, с. 255).

1-я группа знаков представлена на укреплении А VIII 24-мя экземплярами. Самый простой из них (рис. 17, 19) имеет себе подобный только в Плиске (182, с. 80, обр. 146, 13; 284, табл. XLIX). Т-образный и близкий к нему У-образный знаки (рис. 17, 20, 21) могут рассматриваться как разновидности одного типа, распространенного так же широко, как крестообразные знаки; последние на данном участке представлены тремя экземплярами, из которых № 24 находится на перестроенном участке стены на обращенной в кладку стороне грубо отесанного блока. Знак № 25 выбит на широкой грани хорошо отесанного, но оббитого с одной стороны квадрата. Он также представляет вариацию Н-образного знака, известного, например, как знак Рескупорида III (рис. 17, 25) (99, табл. XIV, 6), близка к нему метка на кирпичах из Саркела (99, табл. XXVIII, 50). Знак № 26 высечен на зеркале блока, № 27 — аналогичный ему — на обломанном с одной стороны камне в завале стены (рис. 17). Диапазон аналогий соответствует предыдущему типу: это и знак на известняковой плите из Горгиппии, и метки на кирпичах из Саркела (99, табл. V, 342; XXVIII, 36), близкие по форме изображения дает Хумаринское городище (141, с. 302), где они датирую-

тся X—XI вв. Похожие знаки есть на днищах горшков, найденных А. Л. Якобсоном на Кыз-кермене, дата их — VIII—IX вв. (298, с. 110), а также на черепицах из Баклы (IX—X вв.) (302, с. 98). В двух экземплярах обнаружены «двуузбы» (рис. 17, 28, 29). Аналогичен знак на красноглиняной амфоре из деревни Семеновки Крымской области и татарская позднесредневековая тамга (99, табл. IV, 207; XXV, 39). «Триденсы», представленные в четырех разновидностях (рис. 17, 30—33), находят аналогии в татарских тамгах (99, табл. XXV, 56) и знаках на черепицах из Эски-кермена и других городищ Юго-Западного Крыма (302, с. 100, рис. 62, 70—72), № 32 походит на изображение «триденсов» на монетах боспорских царей римского времени (от Рескупорида II до Савромата IV) (99, табл. XIII, 2, 3, 5, 11, 12, 14,) и на «знаки Рюриковичей» (99, табл. XXI, 52). Близок к нему и знак № 33, хотя прямых аналогий ему нет. Знак № 34, типа «гогофы», известен на мраморном льве из Ольвин (99, табл. IV, 247; XLVI, 79) и в Плиске (284, табл. L 43). Чрезвычайно широк круг аналогий для знака № 34: от сарматских (99, табл. V, 335; 165, с. 90, рис. 2, 52) до салтово-маяцких (99, табл. XXVIII, 64) и западнокавказских (99, табл. XXIII, 2) знаков.

2-я группа линейно-круговых знаков на том же участке А. VIII представлена пятью экземплярами. Два из них (рис. 8, 36—37) близки к рассмотренным № 13 и № 18, № 38, 39, 40 (рис. 18) — наиболее сложные по начертанию знаки на всех выявленных на Мангупе. Следует вообще отметить широкую вариабельность подобных типов символов и распространенность их от позднеантичного до раннесредневекового времени (99, с. 93).

Кроме рассмотренного участка обороны, на мысе Чамну-бурун, на его западном склоне, найдены три камня со знаками. Близ оконечности мыса, где узкую и крутую расселину перекрывала очень плохо сохранившаяся стена (А. V), у подножия обрыва найден квадрат с двумя знаками № 41, 42 (рис. 18). Первый знак имеет аналогии среди меток на керамидах из Плиски (16, с. 16, табл. IV; 284, табл. L, 35—37), второй известен там же, но на камне (284, табл. XLIX, 21). Наконец, в кладке стен А. II и А. I обнаружены одинаковые по начертанию знаки № 43 и 44 (рис. 18), идентичные № 26 и 27. Первый находится на лицевой стороне камня, второй, как отмечалось, на обращенной в кладку (рис. 18, 44). Его появление может быть датировано IX в. Аналогичны по

форме и времени знаки из Урцекского городища (141, с. 302).

Наконец, нужно упомянуть находки из Капу-дере, где при исследовании остатков главных городских ворот были найдены три знака, № 45—47, и один, № 48, при раскопках у фаса северо-западной куртины (над Капу-дере) на склоте лицевой части квадрата (рис. 18).

Знак № 45 высечен в центре зеркала большого квадрата из завала пилона ворот (его размеры $0,9 \times 0,46 \times 0,45$ м). Символ этот встречается весьма часто. Как и № 48, он известен в качестве меток на кирпичях и тамг средневекового Крыма (99, табл. XXIV, 5), но появляется он еще в позднеантичное время (99, табл. IV, 193; XXXVIII, 239); за пределами Крыма такие изображения дает Плиска (284, табл. X 1,6). В том же завале найден знак № 46, близкий к № 35, но крупнее по размерам. Знак № 47 оказался на камне в россыпи в средней части склона Капу-дере. Аналогичны ему метки на кирпичях из Плиски (284, табл. 1, 17). Знак № 48 может рассматриваться как аналогичный № 42 (рис. 18). Можно добавить, что он весьма близок к знакам на гончарных горшках VIII—IX вв. из Кыз-кермена (298, с. 110) и херсонских черепицах IX—XIII вв. (302, с. 96, рис. 59, 72, 83—89; 150, рис. 97, 62—65).

Из рассмотренных данных можно сделать следующие выводы. Известные к настоящему времени мангупские знаки ставились не только на камнях, добытых в каменоломнях, но и взятых из других, более ранних построек. Нельзя выявить какой-либо связи с размерами и пропорциями камней. Чаше изображения выбивались на широких гранях, на которые обычно ставились в кладке блоки. Таким образом, большинство знаков можно считать, по терминологии К. Шкорпила, «внутренними» (284, с. 250). Можно согласиться с мнением, высказанным Н. Е. Макаренко на основании изучения материалов Маяцкого городища о том, что невозможно разделить знаки на группы по назначению, например, для постановки, отметки каменотесов и др. (161, с. 33—34). Трудность при выявлении подобных закономерностей объясняется большим разнообразием их форм и очень редкой повторяемостью однотипных изображений, что отмечается и на других городищах (284, с. 252). Устойчивые формы, многократно повторяющиеся, известны только на кирпичях, выходящих из определенного числа матриц, как, например, в Саркеле (22, с. 94). Однако такое разнообра-

зие вполне объяснимо, если видеть в знаках семейно-родовые символы, имевшие юридическое значение. Возможно, отметки на камнях делались во время строительно-ремонтных работ, которые приобрели в масштабах Мангупа значительный размах. В них принимало участие большое число людей, представляющих различные семьи, но не потерявших еще связь между собой в рамках патронимий (134). Сходные объяснения аналогичных знаковых систем, но без указания на патронимии, давались и ранее, например П. С. Ефименко (102, с. 69), Н. Е. Макаренко (161, с. 54), М. И. Артамоновым (22, с. 54), Ст. Михайловым (180, с. 156), Э. И. Соломоник (246, с. 16), В. С. Драчуком (99, с. 54). Еще в 60-х гг. XIX в. попытку сопоставить знаки, обнаруженные в искусственных пещерных сооружениях средневекового Крыма с тамгами кабардинских землевладельцев, сделал художник Струков (6, с. 1).

Считая, что патронимическими могут быть лишь достаточно сложные по композиции знаки с присоединенными варьирующими элементами, отражающими развитие вириархальной линии родства, попытаемся выделить группировки родственных семей, непосредственно ведущих или контролировавших ремонт укреплений, учитывая, безусловно, гипотетичность такой реконструкции. В основу выделения групп положена устойчивость определенных элементов, условно считаемых нами исходными, а также характер присоединения к ним дополнительных деталей. Подобным образом, например, развивались хаузмарки при переходе от отца к сыну (235, с. 288—290) и династические тамги золотоордынских ханов (215, с. 173—174). Все включенные в классификацию знаки распадутся на восемь групп, которые будут обозначаться прописными буквами.

Группа А включает знаки № 9, 10, 19, 20, 21, причем № 9 и 21 принадлежат одной семье и встречаются на укреплениях А. XIV и А. VIII.

Группа Б — № 42 и 48. Знаки найдены на противоположных сторонах Мангупского плато. Первый — на одном блоке со знаком № 41 под укреплением А. V, второй — в районе цитадели.

Группа В включает знаки № 4 и 5, встреченные только возле укрепления А. XIV.

Группа Г — знаки № 25—27, 43—45. В нее входят две пары идентичных знаков (26, 27 и 43, 44) и весьма близкие к ним № 25 и 45. Все они, кроме одного, № 45, найденного в

Капу-дере, обнаружены на Чамну-буруне, причем № 26 и 27 в пределах одного укрепления, а № 43 и 44 на соседних участках обороны (А. I и А. II).

Группа Д—знаки № 28—34. Это наиболее четко локализованная группа, связанная с укреплением А. VIII.

Группа Е—знаки № 6, 35, 46, наиболее разбросанные территориально: № 6 найден у А. XIV, № 35 у А. VIII, № 46 у главных городских ворот. Отметим близость двух последних изображений. При этом последнее помещалось на лицевой стороне камня, так как одна из пересекающих линий имела, вероятно, продолжение на соседнем блоке.

Группа Ж, наиболее многочисленная № 13—18 (А. XIV), 36—39 (А. VIII). Наиболее однородный массив образуют № 13—17, причем внутри него можно выделить два типа знаков, близких между собой, но поставленных на разных по качеству камнях: № 13—15—на хорошо отесанных блоках вторичного использования, № 16—17—на грубо обработанных блоках, использованных при реконструкции куртины А. Знаки № 36—39 относятся к укреплению А. VIII, два последних из них, композиционно весьма сложные, возможно, могут быть выделены в особую группу. Знак № 18, единственный пока известный в большой базилике, скорее всего, попал сюда в результате вторичного использования камня при сооружении поздней гробницы.

Группа З—знаки № 11—12, 40, последний из укрепления А. VIII. Два первых очень схожи и, вероятно, принадлежат одной родственной ячейке.

В эту классификацию не включены крестообразные знаки и встреченные в одном экземпляре. Они могли бы быть выделены еще в четыре группы, но, даже учитывая формальность предложенной схемы, это было бы преждевременным. Итак, можно предположить, что по крайней мере около десятка патронимий оставили свои знаки на камнях оборонительных стен Мангупа.

Дата знаков может быть установлена прежде всего на основании археологической ситуации. Надежно определяется хронология знака № 44, датированного монетным кладом второй половины VIII в., и знаки, приуроченные к куртине А укрепления А. XIV второго строительного периода. Как будет показано ниже, их дата может быть сужена до IX в., его первой половины. Как известно, в VIII—IX вв. в горных районах Таврики производилась

строительная керамика с разнообразными строительными метками, многие из которых совпадают со знаками на камнях крепостных сооружений Мангупа (302, с. 28, 67—70). По нашим наблюдениям, в раннесредневековых слоях городища черепицы со знаками отсутствуют, немногие граффити на гончарных сосудах являются буквами греческого алфавита. Первые клейменные черепицы появляются не ранее IX в., причем они малочисленны, а знаки на них самых простых линейных начертаний.

Датировка рассмотренных эпиграфических памятников по аналогиям в качестве метода, исходного для решения проблемы, вряд ли возможна. С другой стороны, отталкиваясь от дат, выведенных на основании исследований Мангупа, можно с достаточной уверенностью включить эти знаки в круг синхронных памятников Причерноморья, связанных с появлением в регионе тюркоязычных этносов (269, с. 218). Еще М. И. Артамонов, анализируя знаки Маяцкого городища, отмечал большую схожесть с метками из древней болгарской столицы Преслава, чем с византийскими памятниками (23, с. 141—142). Отличны они и от германских и рунических знаков, за исключением случайных совпадений простейших начертаний (176, с. 12, табл. 1). Сходство многих мангупских знаков с сарматскими, с одной стороны, и татарскими тамгами, с другой, пока, вслед за В. С. Драчуком, приходится считать случайным явлением (90, с. 93). Отметим, что аналогий из первой группы подбирается больше, чем из второй. Однако археологических доказательств прямой преемственности от первой группы нет. На основании многолетних раскопок можно констатировать отсутствие преемственности между материалами V—VIII и IX—X вв. В конце первого периода поселение пришло в упадок, о причинах которого будет сказано ниже; второй же характеризуется значительным сокращением заселенной территории и полной сменой материальной культуры. Именно тогда появились знаки на оборонительных стенах. Предполагать их появление в XIII—XIV вв. не приходится. Это вытекает из приведенных выше археологических обоснований, к тому же все эпиграфические памятники времени княжества Феодоро, связанные с крепостными стенами, грекоязычные.

Характеристика укреплений Северного фронта была бы неполной без упоминания о стенах, предохранявших самые опасные в оборонном значении участки плато—его балки.

Как уже отмечалось, здесь требовались наиболее мощные укрепления, способные противостоять не только ударам осаждающих, но и действию природных факторов: балки были и являются естественными водосбросами для ливневых и снеговых вод. В верховьях балок находятся источники с постоянным и весьма значительным дебитом. Кроме того, оборонительные линии здесь являлись своего рода плотинами, за которыми накапливалась надувная и натечная земля. Слой ее с тыльной стороны стены, возведенной в Гамам-дере в начале XVI в., ныне составляет не менее 8 м. Именно здесь, на участке укрепления А. XV (рис. 19), можно лучше всего проследить изменения, произошедшие в строительной технике и тактике крепостной обороны на протяжении всего средневековья. Перед началом археологических исследований на этом участке стоял вопрос о том, совпадает ли современное начертание укрепленного рубежа с первоначальным. Оказалось, что елли-бурунский (восточный) фланг укрепления когда-то проходил по краю обрыва десятью метрами ниже сохранившегося до наших дней участка стены с прямоугольной в плане башней А. 8. Была зачищена вырубка (постель) этой ранней стены, показывающая, что она следовала своим начертанием изгибам скального уступа (рис. 20).

Показательно, что перед ныне существующей стеной находится пещерное сооружение, обращенное выходом к Гамам-дере и представляющее существенную опасность для обороны участка, поскольку оно располагалось непосредственно на эспланаде и могло служить укрытием для противника. После открытия вырубки для основания ранней кладки стало ясно, что пещера первоначально находилась за ней и служила убежищем для стражи (рис. 20). Такая же ситуация отмечалась и на участке укрепления А. XIV.

Постель ранней стены начиналась ниже башни А. 8 и, дойдя до сохранившейся стены, исчезала под ней. Это позволяет предполагать, что ранняя и поздняя линии, пересекавшие балку, совпадали, что было подтверждено при археологических раскопках, проведенных у стыка оборонительной стены с восточной стенкой полукруглой башни А. 6, стоящей в тальвеге. Это одно из самых мощных сооружений оборонительной системы Мангупа. Башня сложна, как и вся эта укрепленная линия, из различного штучного и бутового камня. Высота ее от уровня современной дневной поверхности до

верха мерлонов составляет почти 13 м, ширина горжи — 4,7 м (рис. 21). Башня и весь участок обороны считались до наших исследований ранними, по крайней мере восходящими к феодоритскому времени. Однако раскопки показали, что на самом деле надземный массив кладки стен и башни возведен в турецкое время. Основанием для него стала стена времени княжества Феодоро, разбитая турецкими ядрами в 1475 г.; в свою очередь, она базировалась на кладке, внешний панцирь которой был выложен квадратами с лицевыми размерами $0,7 \times 0,25$ м, сложенными на известняковом растворе с обильным добавлением цемьянки — признак, который многие исследователи считают присущим позднеермискому и ранневизантийскому строительству (198, с. 28). Было установлено, что к этой кладке, не вперевяз с ней, примыкает стена башни, но не полукруглой, а прямоугольной в плане. Закругление ее фаса было осуществлено на последнем этапе функционирования сооружения, то есть после захвата крепости турками.

Прямоугольные башни преобладали в оборонительном зодчестве IV—VI вв. на территории Болгарии, где они обычно сочетались с башнями других планов (200, с. 37), в том числе и с до сих пор не известными в Крыму треугольными и пятиугольными (42, с. 115). Преимущественно прямоугольными были башни соседнего с Мангупом Херсона. В болгарском регионе прослеживается тенденция к сокращению в ранневизантийских крепостях числа башен, они устанавливались лишь в самых необходимых местах (201, с. 37). Это наблюдение вполне применимо к Мангупу.

К сожалению, раскоп у башни А. 6 удалось довести лишь до глубины 3,3 м от современной дневной поверхности, так как дальнейшее углубление стало невозможным из-за обилия крупных бутовых камней и квадратов, образовавших завал перед стеной в результате разрушения ее турецкой артиллерией. Удалять камни с этой глубины было чрезвычайно сложно. Можно предполагать, что была достигнута лишь верхняя часть сохранившейся раннесредневековой кладки стены, пересекавшей балку; насколько она продолжается в глубину, пока остается неясным. Также неясно, имеют ли под собой древнее основание две прямоугольные в плане башни с открытой горжей* А. 5 и А. 7, стоящие по сторонам

* В литературе нет термина для обозначения башен с открытой тыльной стороной; их именуют башнями с открытой горжей.

тальвега, на расстоянии короткого перестрела (35 м) от башни А 6.

Выбор места для возведения ворот диктовался необходимостью обеспечения обороны конечного участка главной подъездной дороги, подведенной к плато с юго-востока. Она огибала верховья обширной балки Алмалык-дере по водоразделу ее с Ай-Тодорской долиной и, постепенно прижимаясь к юго-восточному склону Мангула, круто огибала оконечность Тешкли-буруна, проходя уже вдоль северо-западного его склона, достигала ворот, за которыми превращалась в городскую улицу. Несомненно, дорога была сложным инженерным сооружением, прокладка которого на мергелистых и известняковых склонах требовала большого объема скальных и земляных работ. Последний отрезок ее от оконечности мыса до ворот проходил по искусственной подсыпке, укрепленной вертикально поставленными крупными камнями (12, с. 162—163). Сооружение дороги, вероятно, осуществлялось параллельно с возведением крепостных сооружений. Подъездной путь становился неотъемлемой частью крепостного ансамбля. Естественная композиция плато подсказывала именно этот, наиболее удобный вариант трассы дороги. Все другие возможные средневековые маршруты, прежде всего по ущельям Гамам-дере и Табана-дере, были гораздо круче и практически не подходили для колесных повозок, хотя выючные животные, а также всадники могли по ним подниматься. Однако главные ворота в крепости были одни. Это составляет особенность ранневизантийской фортификации по сравнению с римской. Такая закономерность хорошо прослеживается на примерах балканских крепостей V—VII вв. (200, с. 37).

Местоположение ворот было избрано с учетом, во-первых, их малозаметности для противника, во-вторых, возможности защиты относительно малыми силами и, в-третьих, экономии средств при строительстве.

Увидеть ворота можно было только с поворота дороги за оконечность мыса Тешкли-бурун. Снизу из долины, даже при безлесных в прошлом склонах, они были малозаметны из-за большого расстояния, и кроме того, сложенные из мшанкового известняка, они сливались по цвету с обрывом мыса.

Надежная оборона ворот обеспечивалась прежде всего расположением дороги, которая более чем на 700 м могла подвергаться обстрелу с господствовавшего над ней обрыва. Особенно эффективен был обстрел противни-

ка из луков с края мыса Тешкли-бурун, представлявшего собой естественный бастион, под прикрытием которого находился главный въезд в крепость (рис. 26). Противник, даже сумев пройти под обстрелом по дороге к воротам, оказывался в самом невыгодном положении, так как мог действовать против ворот на узком пространстве между обрывом и дорогой, проходившей по краю крутого склона Капу-дере, на котором нельзя было совершать маневры сколько-нибудь значительными силами. Кроме того, существовали предвратные укрепления, следы одного из них заметны у оконечности мыса. Непосредственно же перед воротами сохранились остатки барбакана, в котором дорога проходила в узком коридоре и на расстоянии около 60 м от ворот пересекалась стеной, примыкавшей к обрыву мыса, одновременно она прикрывала грот с исыаским ныне источником. Визуально наблюдаемые следы этого укрепления скорее всего относятся ко времени не ранее XIV—XV вв., но не исключено, что основано оно было гораздо раньше.

Рассмотренное решение главного подъездного пути типично для ряда раннесредневековых горных крепостей Крыма и Кавказа. Особенно показательны в этом отношении Хумаринское городище на плато Калез в Карачево-Черкесии (38, с. 24). Описанная ситуация позволяла отказаться от возведения при воротах специальных фланкирующих устройств в виде башен, или эпикампиев. Уже в конце XVIII в. ворота пребывали в руинах, что зафиксировано самым первым известным их изображением, помещенным в экспликацию к плану крепости, составленному русскими военными топографами в начале 90-х гг. XVIII в. (II). Благодаря этому рисунку, а также приведенному в первой главе свидетельству академика Келлера, можно с уверенностью судить о характере перекрытия ворот. Оно представляло собой коробовый свод, опиравшийся одной стороной на пилон, являвшийся завершением оборонительной линии А. XVI, а другой — на скальную стену, в которой были вырублены попарно, один над другим, четыре уступа, служившие пятнами подпружных арок (рис. 22—23). При расчистке каменного завала в воротном проезде были найдены принадлежавшие им клинчатые камни.

Самой ответственной частью конструкции ворот, принимавшей на себя распор свода, был пилон, поэтому его основание, стоящее на склоне, сооружалось с особым запасом проч-

ности. Зачистка перед торцом пилона выявила лежащие под ним массивные плиты доманого известняка. Они образовывали мощную платформу, на которой зиждилась вся конструкция пилона и связанного с ним участка оборонительной стены (рис. 22). Плиты достигали высоты 0,7 м, длины до 2 м, ширины до 1,2 м. По форме они приближались к параллелепипеду. Добывались эти блоки, очевидно, в ближайших окрестностях, возможно, даже на участке, занятом воротами. Об этом свидетельствует, в частности, рельеф поверхности материковой скалы, сохранившей следы ломки и перекрытой уложенными в платформу плитами. Укладка производилась без специального выравнивания скалы, поэтому плиты лежат не совсем ровно по отношению друг к другу, а платформа в целом имеет небольшой уклон к северо-востоку, соответственно падению рельефа материка. Подгонка блоков под один уровень, несмотря на их не совсем правильную форму, осуществлялась довольно тщательно, зазоры оставлялись минимальные. Правда, ряды блоков, уложенные под торцом пилона, сильно выступающие из-под него, имеют между собой промежутки от 0,1 до 0,7 м, но, вероятно, это сделано сознательно, с целью использования образовавшихся каналов для отвода дождевой воды из воротного проезда. Это предположение подтверждается отсутствием забивки этих промежутков камнем или щебнем: грунт, заполняющий их,—наносной. Нижние ряды кладки пилона перекрывают сверху эти желоба, связанные с заворотной частью проезда системой межблочных промежутков.

Оконечность пилона сохранилась на высоте до 5,2 м (не считая высоты платформы). Она представляет собой вышку, от которой в верхней части осталось бутовое ядро. Вероятно, по высоте она достигала верхнего обреза воротного фронтона. Возведение этого элемента конструкции относится к последнему этапу жизни сооружения, так как его кладка закрыла древнюю квадратную кладку (рис. 24), являющуюся продолжением лицевого панциря оборонительной линии А. XVI, сохранившегося почти на всем ее протяжении. Участок этой кладки в районе ворот часто приводился исследователями в качестве яркого примера раннесредневековой строительной техники (Е. В. Веймарн, А. Л. Якобсон). Считалось, что этот участок дошел до нас в неперестроенном виде. Правда, иногда высказывались сомнения в этом, поскольку в кладке панциря применялись мел-

кие камни, которые подсовывались под блоки с целью выравнивания рядов. Однако такой прием отмечается и в хорошо датированных оборонительных сооружениях юстиниановского времени, например, в Тамугаде (321, с. 91) и в дунайских крепостях (200, с. 71).

Позднейшее утолщение пилона связано, вероятно, с турецким строительством. В качестве вяжущего материала в нем использована известь с большим добавлением песка с примесью тальки и крупнотолченой керамической крошки, отмеченная на Мангупе в некоторых кладках XVI—XVIII вв.

С торцовой и внутренней сторон остатков пилона из забутовки выступают квадры, относящиеся к дотурецкому ядру сооружения. Облицовка пилона и оборонительной стены со стороны воротного проезда особенно сильно пострадала от хищнической выборки камня, но тем не менее некоторые квадры, выполнявшие несущую роль для арки перекрытия, сохранились, будучи особенно прочно перевязанными с забутовкой и между собой. Характер взаимоотношения забутовки с выступающими из нее квадрами указывает на то, что этот участок оборонительной системы неоднократно реконструировался. Здесь на первоначальное ядро, сложенное из бута и тесаного камня, было наложено утолщение из бута. Об этом говорит и разнообразие вяжущих растворов, прослеженное в кладке тыльной стороны стены, где насчитывается пять их видов.

Как же отмечалось, второй опорой для воротного перекрытия мог являться только вертикальный обрыв Тешкли-буруна, тянувшийся вдоль дороги. Над участком воротного проезда давно известна группа усыпальниц, вырубленных в скале. Непосредственно под их входными отверстиями проходит горизонтальная двухступенчатая вырубка шириной до 0,05 м. Поверхность скального обрыва от этой вырубки до поверхности дороги имеет явные следы ломки камня и последующей подтески. Возможно, что в период возведения воротного комплекса здесь добывали строительный материал и одновременно нивелировалась территория будущего проезда. На вертикальной поверхности скалы под усыпальницами, на участке, противоположащем по отношению к пилому, как отмечалось, находятся четыре вырубки, расположенные попарно одна над другой. Расстояние между крайними их точками, лежащими на одном горизонте, составляет 2,4 м, что, вероятно, соответствует ширине первоначальной воротной арки. От нее сохра-

нился прерывающийся ряд бутовых камней длиной около 2,1 м, выявленный в двухступенчатой вырубке под усыпальницами (рис. 22). Важно отметить, что сложены они на растворе, состоящем из извести с мелким песком и толченой керамикой. Причем этот раствор существенно отличается от позднего раствора, использованного при возведении пояса утолщения на оконечности пилона. Он близок по консистенции к раствору, на котором сложены ранние участки кладки укрепления А. XIV.

Несмотря на неоднократные переделки, можно предполагать, что в целом параметры ворот оставались на всем протяжении существования крепости без особых изменений. Пролет арки составлял 3,8 м, полезная ширина проезда — 2,6 м, поскольку он был стеснен выступающим из-под пилона краем платформы.

Полотно дороги на участке проезда представляло собой горизонтальную поверхность материковой скалы, покрытую плотным утрамбованным слоем известнякового щебня и стеса толщиной до 0,4 м. Вероятно, это покрытие образовалось не сразу: первоначально поверхностью дороги служила скала, позже, по мере развития строительных работ, покрывавшаяся отходами. Аналогичным образом формировалось дорожное полотно на участке у главных ворот Эски-Кермена (233, с. 26).

Характерные черты конструкции главных ворот Мангупской крепости позволяют связать их с подобными памятниками на территории Болгарии, например, с крепостью у с. Кривня, относящейся к ранневизантийскому времени. Такого рода ворота Д. С. Овчаров выделяет в особую группу, отмечая как особенность их суженность от 2,3 до 2,7 м (200, с. 38), что наблюдается и на Мангупе. Не исключено, что в период военной опасности ширина воротного проезда могла сужаться еще сильнее за счет возведения дополнительных стен. Вероятно, так можно объяснить находку фрагмента кладки, стоящей на щебневой поверхности дороги в центре воротного проезда. Примеры таких заграждений и сужений проезда также многочисленны в болгарских крепостях, обычно они толкуются как свидетельство усиления внешней угрозы (110).

В ГЛО нам остается рассмотреть укрепление Южного фронта. Обрыв, окаймляющий плато с юго-востока, юга и юго-запада, имеет четыре доступных для подъема участка. Самый большой по протяженности (100 м) перекрыт оборонительной линией А. XVII (рис. 26), подчиненной в своей планировке

контуру скального уступа, являющегося основанием кладки. Ниже по склону в этом месте есть еще несколько таких же уступов, тянущихся параллельно друг другу.

В дошедшем до нас виде укрепление восходит к позднесредневековому времени. Об этом ясно свидетельствует характер кладки, в которой использованы архитектурные детали, вероятно взятые из находившейся рядом церкви базиликального типа, от которой сохранилось только вырубленное в скале основание (66, с. 126). Эта постройка была полностью разобрана, возможно, в связи с перестройкой оборонительной стены. В северо-восточном фланге этой стены находилась калитка, прикрытая эпикамнем, через нее проходила пешеходная тропа из верховьев Алмалык-дере.

Не исключено, что более ранняя линия обороны проходила по одному из нижележащих уступов. На это указывает существование на склоне перед фасом стены двух пещерных сооружений, служивших, вероятно, укрытиями для караульных у тыльной стороны древней, несохранившейся стены. В связи с перенесением укрепленной линии выше по склону, пещеры оказались вне крепости, ситуация здесь соответствовала описанной для элли-бурунского фланга укрепления А. XV.

Укрепление А. XVIII состоит из короткой однокуртинной линии, закрывавшей труднодоступный узкий распадок в районе большой сталактитовой пещеры. Кладка стены здесь однородная, постелистая, тычковая из блоков среднего размера, вероятно, она восходит к первому периоду существования оборонительной системы.

Пешеходная тропа из Ай-Тодорской долины поднималась на плато через распадок, прикрытый укреплением А. XIX, но кладка его до настоящего времени не сохранилась, однако о ее существовании есть упоминания в краеведческой литературе начала XX в. (139, с. 263).

Наконец, завершает Южный фронт укрепление А. XX, обнаруженное в 1975 г. Это короткая (6 м) стена, по конструкции аналогичная А. XVIII. От нее остался только нижний ряд камней. Закрываемая этой стеной расселина настолько узка и крута, что подняться по ней может только достаточно ловкий и не обремененный грузом человек. Далее обрыв до расселины с укреплением А. I неприступен, какие-либо искусственные защитные сооружения здесь не требовались.

Необходимо остановиться еще на одном оборонительном сооружении Южного фронта. Это — обширный пещерный каземат, расположенный в 165 м к югу от цитадели. В него ведет лестничный спуск, начинающийся в 2 м от наземной часовни, раскопанной в 1968 г. (66, с. 127—128). Апсиды ее выходила на обрыв как раз над амбразурой каземата. Возможно, первоначально под этой церковью находился вырубленный склеп, в дальнейшем расширенный и превращенный в боевое помещение. По своим размерам он является самым большим из оборонительных казематов Мангупа (рис. 25), предназначавшихся, вероятно, для постоянного пребывания в нем караульных. Об этом говорит наличие различных вырубков в стенах для установки полок: возможно, здесь был настлан пол, а стены обшиты досками или утеплены как-то иначе. Рядом с лестницей находилось небольшое помещение — темная каморка, служившая, вероятно, для отдыха.

Интересно устройство двух амбразур каземата. Первая представляла собой обширный проем, через который можно было выйти на обрыв. Не исключено, что значительная высота проема — 2,3 м — позволяла использовать его как амбразуру для метательной машины, стоявшей в каземате и посылавшей снаряд вверх под углом 35° к горизонту. На край обрыва выходил через этот проем узкий желоб, в конце которого была прорублена вторая амбатура, предназначенная для стрельбы из ручного оружия. Сочетание этих двух бойниц позволяло вести как дальний обстрел из баллисты (?), так и ближний стрелами и камнями. Такая схема ведения огня, а также выбор местоположения каземата диктовались необходимостью контроля важного участка главного подъездного пути. В этом месте дорога, ведущая в крепость, огибала верховья оврага Алмалык-дере, а каземат позволял поражать неприятеля как на марше под обрывом плато, так и на противоположном склоне оврага, отстоящем на 250—300 м. Важно отметить, что больше нигде на плато, кроме мыса Тешклибурун и укрепления А. XI в Табана-дере, нет казематов, предназначавшихся для ведения активной обороны.

Архитектурно-археологический анализ сооружений ГЛО позволяет прийти к следующим выводам. Оборонительные сооружения возводились из местного строительного материала — мшанкового известняка. Преобладающим типом конструкции стен является *opus quadra-*

tum в сочетании с *opus caementicium* (51, с. 3) в трех вариантах.

Первый — *opus implectum* (в дальнейшем — эмплектон), представленный укреплениями А. VIII, А. XIV; вероятно, такую же структуру имели А. X и А. XV. Крепостные стены здесь, как правило, трехслойные двухлицевые. Лицевой панцирь выкладывался из тесаных блоков, кладка его могла быть однорядной постелистой ложково-тычковой или однорядной постелистой тычковой. Тыльный панцирь выкладывался из ломаного, грубо обработанного камня с подтеской наружной (фасадной) стороны. Только на участке главных ворот этот панцирь сложен из тесаного камня, т. е. это была парадная часть стены, выходившая на дорогу. На забутовку шел грубо оббитый рваный камень. Судя по раскату, оставшемуся от укрепления А. X, в нем использовались обломки скал массой в несколько тонн.

Второй вариант — двухслойная двухлицевая кладка, известная пока только на примере куртины в укреплениях А. XIV. Применение забутового камня здесь сведено к минимуму, лицевой и тыльный панцирь практически соединены. Применялся этот конструктивный прием на менее ответственных участках, мало подверженных опасности воздействия осадных орудий.

Третий тип — двухслойная однолицевая кладка с панцирем, выложенным из тесаного камня и прилегающей к нему с тыла забутовкой без особого внутреннего панциря. Так были возведены стены в крутых узких труднодоступных расселинах (укрепления А. II—А. VII, А. IX, А. XII, А. XIII, А. XVIII—XX). В эту же группу можно включить и укрепление А. I, панцирь которого с тыла не имел забутовки, но там была сделана бутово-щебенистая подсыпка. Не исключено, что подобный прием был применен при возведении других укреплений Западного фронта, не подвергшихся археологическим раскопкам.

Следует отметить, что, кроме одного случая, в сооружениях ГЛО не употреблялась кладка с правильным чередованием тычков и ложков. Исключением является надстройка парашета в укреплении А. I, где, как было показано, она относится ко времени не ранее второй половины VIII в. Нет примеров такой кладки и в Тамугаде — эталонной ранней византийской крепости в Северной Африке (321, с. 64).

На участках обрывов, где существовала опасность проникновения на территорию крепости вражеских лазутчиков, ставились одно-

слоистые двухлицевые стены без забутовки, представлявшие собой фактически брустверы, вполне достаточные для прикрытия нескольких караульных. Примерами могут служить укрепления Южного фронта А.ХVIII—XX.

Такое разнообразие техники кладки характерно для ранневизантийской фортификации, что хорошо прослежено на примере крепостей

Дунайского лимеса, а это подтверждает мысль о том, что военно-инженерное дело этой эпохи пошло по пути творческого переосмысления римского наследия. Оно выразилось в смелых планировочных решениях и разнообразных технических приемах их осуществления (200, с. 23).

Глава III. Проблемы исторической интерпретации и хронологии главной линии обороны Мангупской крепости

Архитектурно-археологическое изучение оборонительной системы Мангупа неизбежно ставит вопрос о создателях этого грандиозного произведения фортификационного искусства. Вряд ли можно сомневаться, что в замысле и реализации проекта крепости проявились традиции и приемы позднеантичного военно-инженерного дела. Влияние античного наследия в средневековом Крыму неоспоримо (208, с. 98—99; 296, с. 185; 301, с. 94). Но, с другой стороны, скудность источников пока не позволяет объективно оценить реальные масштабы вклада Византии — главного проводника античных традиций в Таврике. Поэтому важно рассмотреть оборонительные сооружения ГЛЮ на фоне состояния военного дела в зоне распространения одновременных культурно-исторических явлений (Кавказ, Таврика, Малая Азия, Балканы, Италия, Северная Африка). Это дополнительные возможности для лучшего понимания рассматриваемых нами памятников (96, с. 21).

Строительство крепостей в горных районах широко развернулось в V—VI вв. в связи с усилившимся натиском варварских племен на границе Византийской империи (145, с. 61). Потеря стратегической инициативы армией империи вынуждала направить основные усилия на строительство протяженных оборонительных линий и отдельных приграничных опорных пунктов. Византийское военное командование не было уверено в успехе полевых сражений (221, с. 14, 21). Характерным является сооружение при императоре Анастасии пограничной крепости Дары в Месопотамии (207, с. 58). В рамках этих оборонительных мероприятий создавались как отдельные опорные пункты, так и системы, состоявшие из различных по тактическому назначению фортификационных сооружений: кастеллы, башни, стены, засеки, обычно они обозначались термином «лимес».

Чаще всего византийские власти заботились об обороне старых городских центров (146, с. 76—77). В Таврике это были Херсон и Боспор. С другой стороны, зрела необходимость создания надежной защиты границ обширных территорий путем создания новых крепостей, не привязанных к городам (146, с. 59). Именно такой крепостью, видимо, первоначально и являлся Мангуп.

Необходимо отметить, что и в считающихся классическими лимесами системах крепости отнюдь не выстраивались в строгие линии, а располагались с учетом возможности их взаимодействия, с кажущейся порой хаотичностью. Такова, например, компоновка Балканского лимеса, состоявшего из трех линий: Дунайской, Балканской и Странджанской. Обычно расстояние между крепостями составляло 5—10 км, были и парнорасположенные укрепления на соседних вершинах или на противоположных берегах реки (200, с. 19—21).

Поскольку основание укреплений ГЛЮ, как было показано выше, может быть отнесено к начальному этапу раннего средневековья, то это позволяет привлечь к анализу данные по военному делу той поры. Исходя из них, можно судить о том, что в представлении специалистов крепостной войны того времени укрепленная позиция на господствующей высоте имела значительное преимущество по сравнению с равнинной (52, с. 280), а преимущества местности Вегетий ставил даже выше, чем храбрость (52, с. 279). Хотя это не был призыв к пассивной тактике в горной войне. Наоборот, византийские авторы при описании боевых действий в этих условиях осуждали отказ от активных действий обороняющихся (13, с. 74—75). Это соответствовало принципам горной войны, выработанным в XIX в. По словам Ф. Энгельса, «с точки зрения стратегии наступление в горной вой-

не имеет решительное преимущество перед обороной». Но далее он отмечает: «Это значит лишь, что оборона не должна быть только пассивной, что она должна черпать свою силу в маневренности и всюду, где позволяют условия, обороняющиеся должны действовать наступательно» (2, с. 117—118).

Преимущество обороняющегося заключалось в его действиях на внутренних операционных линиях, позволявших оптимально сосредоточить силы. Наступающий же пользовался внешними линиями, вынуждавшими его разделять свои силы. Таким образом, наступление можно признать выгодным для обеих сторон, возможным же оно было лишь для того, кто владел инициативой (289, с. 539—540).

Стратегическая оборона должна была базироваться на системах опорных пунктов, которые в случае неудачи наступательных действий могли принять под свою защиту отступающие контингенты войск и не допустить развития успеха противником. Именно такого рода укрепленные районы создавались византийским правительством на пограничных территориях, большая часть которых была занята гористым ландшафтом. Организация обороны в таких условиях требовала закрытия всех горных проходов, что почти неизбежно приводило к чрезмерному распылению сил с тенденцией к линейному (кордонному) их расположению. Такая кордонная оборона опасна тем, что прорыв ее в одной точке вызывает крушение всей линии (289, с. 539). Таким образом, сильная тактическая оборона в горах отнюдь не обеспечивает успех в обороне стратегической. Несомненно, что наряду с другими этот фактор сыграл роковую роль в судьбе римско-византийского лимеса на Дунайском пограничье империи в конце VI—VII вв.

В условиях горной Таврики жесткая полая оборона («длинные стены») должна была дополняться созданием отдельных опорных пунктов, которые служили бы базами как для военных операций, так и для контроля за близлежащей к Херсону территорией. Гарнизоны таких крепостей могли состоять не из византийцев, а из местных жителей: федератов империи, аланов и готов. Защита мангупских стен должна была преимущественно опираться на силы местного населения, иначе, пожалуй, не имело смысла идти на колоссальные затраты при их сооружении.

Мангупская крепость представляла собой отличный опорный пункт, господствовавший над горным проходом, через который, возможно, пролегал важный торговый путь, связывавший Херсон с предгорьями и степью. Здесь могли укрываться большие воинские контингенты, ведущие наступательные или оборонительные операции.

С вершины плато взор охватывает огромные пространства западной части полуострова, такое удобство для дальнего наблюдения за приближением кочевников особенно ценилось византийскими военачальниками (313, с. 221). К этому можно добавить, что в минувшую войну преимущества местоположения Мангупа были использованы немецко-фашистским командованием в период штурма Севастополя. На плато был оборудован наблюдательный пункт командующего армией Манштейна, так писавшего о своих впечатлениях: «Перед нами открылось незабываемое зрелище. Это был единственный в своем роде случай в современной войне, когда командующий армией видел перед собой все поле сражения» (168, с. 245).

Как уже отмечалось, строительство укреплений Мангупа осуществлялось в соответствии с практикой позднеримского военного дела. Были учтены возможности основных осадных средств того времени. Не зря весьма компетентный автор инструкции по полиоркетике (147, с. 49—50) писал, что знающие искусство осады «вместе с тем являются сведущими в средствах обороны, т. к. одна и та же наука охватывает эти противоположные отрасли...» (18, 427). В практике фортификации данное положение было справедливым всегда. К этому можно добавить, что, кроме эффективности осадных машин, учитывались и возможности размещения на стенах активных средств противодействия штурму (154, с. 111—112).

Стенобитная техника в Северном Причерноморье позднеантичного и раннесредневекового времени находилась на высоком уровне. Это относилось не только к военному делу городов с греко-римскими традициями, но и к кочевникам — пришельцам из Центральной Азии и с Дальнего Востока. Опустошительное гуннское нашествие показало, что варвары отлично умели изготавливать и применять осадные орудия, которые, вероятно, заимствовали у китайцев (283, с. 8). Это показала осада Херсонеса Фракийского (13, с. 158—159), а также разрушение «легко и беззаботно»

участков «длинные стены» в окрестностях Константинополя (13, с. 150).

Главным средством бреширования в рассматриваемое время служили тараны различных конструкций (18, с. 486; 20, с. 399—401; 52, с. 283; 219, с. 141—147), действие которых было хорошо изучено на различных по материалу и кладке сооружениях (18, с. 435). Таран и другие осадные машины были посланы Юстинианом II в Таврику для сокрушения крепостных стен опального Херсона (279, с. 65).

В условиях Мангупа применение такого рода орудий было весьма затруднено отсутствием, как правило, перед стенами ровных участков. Наиболее тараноопасным местом крепости были главные ворота в Капу-дере, но доставка к ним орудий по дороге, огибающей Тешкли-бурун, была почти нереальной, поскольку осажденные, находясь на господствующей высоте мыса, могли сверху эффективно поражать камнями и стрелами маломаневренные и тихоходные на горной дороге повозки, тягловых животных и сопровождавших их людей.

В принципе возможным было использование тарана в тальвегах Табана-дере и Гамам-дере. На это указывает применение в кладке стен большого размера и тщательная их подгонка. Отметим, что кладка из достаточно крупных квадратов применялась и в укреплениях, к которым полностью исключалась доставка не только тарана, но и каких бы то ни было других стенобитных средств. Обеспечение такого запаса прочности характерно также для оборонительной системы Эски-Кермена (231, с. 115—116, 146).

Для подступа к стенам и эскалады применялись также такие средства, как гелепелы, снабженные самбуками, и толено для перехода на боевую площадку штурмуемой стены (52, с. 284—286; 219, с. 141), черепахи (20, с. 398—399; 52, с. 283), винеи, лестницы (52, с. 283). Конечно, рельеф плато Мангупа исключал возможность использования осадных башен, остальные же приспособления могли быть развернуты на подступах к стенам. В балках, например, были условия для подвода черепах, правда, только на узких участках тальвега или против ворот. Это средство было применено византийцами, в частности, при осаде Оногуриса (13, с. 74). Более простые по устройству и легкие винеи широко использовались при осаде крепостей, стоявших на возвышенностях. Их, например, Велизарий

выдвинул против укреплений Урбина (219, с. 222—223). Штурмовые лестницы были наиболее простым и в то же время эффективным средством, которое можно было без особого труда изготовить в условиях осады (219, с. 141). Для них практически не было непреступных стен. В случае необходимости лестницы, оказавшиеся короткими, связывались тут же под стенами во время приступа, как это было при осаде Неаполя в 536 г. (219, с. 108—109).

Лестницы и веревки с крючьями представляли опасность для большинства укреплений Мангупа, особенно для участков на мысах, где стены не просматривались с плато. Это обстоятельство учитывалось, и стены кое-где строили в высоту, не считаясь даже с увеличением мертвых пространств перед фасадами, которые старались компенсировать созданием дополнительных позиций для флангового обстрела.

Широчайшее распространение в качестве осадных средств получили в античную и средневековую эпохи метательные машины. В Европе и в Передней Азии — преимущественно орудия торсионного действия, различные по устройству и величине, а значит, и по тактическому назначению. Малые баллисты и катапульты поражали защитников на стенах. Большие — разрушали зубцы, амбразуры, а в некоторых случаях даже участки стен, хотя последнее случалось редко. Это удалось, например, Деметрию Полиоркету при осаде Родоса в 305—304 гг. до н. э., где после многодневного обстрела была разрушена наскоро построенная городская стена (44, с. 292). Почти не знает таких случаев китайская догнестрельная артиллерия, история которой хорошо освещена в письменных источниках (283, с. 230—231).

Возможности применения метательных орудий против стен Мангупа также были ограничены недостатком ровных участков и низким расположением относительно обстреливаемых стен возможных артиллерийских позиций. Здесь еще отчетливее проявилась бы слабость тактического применения этого оружия: необходимость его расположения вблизи объектов обстрела (225, с. 159). Оптимальная дистанция для действия камнеметов против крепостных стен составляла от 80 до 150 м (120, с. 28; 283, с. 133), при этом меткость стрельбы была достаточно высока. Как показало опытное метание снарядов весом до 80 кг на дистанции 120—175 м, отклонение от цели не превы-

шало 1 м (114, с. 48—49). Предельная дальность боя катапульта, по данным античных авторов, могла достигать 710 м (29, с. 415). По оценкам современных исследователей камнеметы в основном могли стрелять на расстоянии до 200 м, хотя в отдельных случаях, по не совсем достоверным данным, даже до 1000 м (167, с. 12).

Вес каменных снарядов катапульта мог достигать 75 кг, но обычно не превышал 20. При этом значении энергия снаряда при действии на стену с расстояния 100 м при начальной скорости 60 м/сек составляла 35,7 Т·м, а коэффициент полезного действия — около 0,2 (167, с. 12). У орудий XIV—начала XV в. эти параметры, соответственно, равны 51 и 0,5 а для 48-фунтовой пушки первой половины XIX в. — 75 и 3 (159, с. 131). Использование камнеметов имело смысл лишь при концентрации значительного количества их на участке обстрела. Например, при осаде Солуни славяне только против восточной части города установили свыше 50 орудий (28, с. 13—14). Китайские источники сообщают об установке камнеметов в несколько линий от 30 до 50 в каждой (283, с. 236). Для действий против укрепленной линии требовалось выстраивать машины в ряд, что было весьма затруднительно на крутых склонах балок Мангупа.

Вероятно, опаснее камнеметов для защитников Мангупа были стрелы лучников. Дальность стрельбы в гору могла достигать 160 м, оптимальная же дистанция — 60 м (174, с. 30—31).

В арсенале византийской полиоркеттики было и такое осадное средство, как подкопы под оборонительные стены. В полном соответствии с указанием Вегеция (52, с. 286) Нарзес в 552 г. успешно провел подземноминную операцию против крепости Кумы, которую удерживали готы, но даже разрушение участка стены не привело к ее падению, что Агафий Миренейский объясняет влиянием фактора природной неприступности местности, имевшей недоступные обрывы и крутые расщелины (13, с. 29—21).

При создании фортификационного ансамбля Мангупа были учтены и господствовавшие представления о тактике осад и штурмов крепостей. Полководцы нередко прибегали к ложным, отвлекающим штурмам (13, с. 138), вели атаку в нескольких пунктах, маскируя направление главного удара (18, 428). Для растянутой и сложной по конфигурации ГЛО

Мангупа эти приемы были весьма опасны, особенно при действиях в ночное время. Опыт крепостных сражений диктовал необходимость надежного укрепления и тщательной охраны даже незначительных на первый взгляд расщелин. Недооценка этого приводила к трагическим последствиям для осажденных, как это было, например, при осаде укрепления Тяхар в Лазике, куда византийцам удалось пробраться через узкую, плохо охраняемую расщелину (13, с. 120—122). В другом случае, при осаде Неаполя, войны Велизария сумели проникнуть в город через канал водопровода (219, с. 105—110).

В целом можно констатировать, что совершенствование военной техники в V—VII вв. вызвало ответную реакцию в области крепостного строительства, выразившуюся как в инициативном использовании античного наследия, так и в выработке новых технических и тактических приемов (200, с. 12). Это особенно проявилось в горной фортификации, где условия местности диктовали особые планировочные решения, не всегда соответствовавшие классическим канонам (200, с. 23). Это можно с полным основанием отнести к ГЛО Мангупа.

Перейдем к распространению принципов организации ГЛО (рис. 26). Ее магистральная линия проходила по естественным неприступным обводам плато и дополняющим их искусственно созданным укрепленным рубежам, образуя замкнутый крепостной полигон, имевший не линейный (полосный) характер укрепленной полосы, а узловый, что вообще характерно для горной фортификации (286, с. 31—32). Пересеченный рельеф северной части плато — глубокие балки, крутые склоны — создавал значительные трудности при проектировании и возведении оборонительных сооружений. С другой стороны, господствующее положение мысов над подступами облегчало горизонтальное и вертикальное дефилирование укреплений.

Наибольшие усилия фортификаторов требовались при укреплении балок, являвшихся самыми слабыми местами позиции. Недостаточно было просто пересечь их стенами. Следовало хорошо продумать систему начертания куртин для обеспечения в сложных условиях эффективного фронтального и анфиладного обстрела. При реальной силе крепостной позиции, расположенной на господствующей высоте, у нее была и слабость, обусловленная наличием значительных мер-

вых пространств на подступах к укрепленным рубежам. Для компенсации ее было необходимо лишь значительно сократить высоту крепостных стен, что облегчало бы их эскаладу противником, либо применять тенальное начертание куртин, что требовало бы значительного увеличения протяженности обрывов (148, с. 28).

Судя по доступным для наблюдений участкам ГЛО, ее создатели избрали компромиссное решение: сохранены высоту стен минимально достаточной для пассивной защиты, не менее 5 м, они применили в балках и в ряде других мест простейший вариант тенального начертания, представленный одним входящим углом, причем стремление к экономии средств выразилось в весьма значительном его растворении, существенно снижавшем преимущества в ближней обороне*. Примером служит линия в Гамам-дере (А.XIV и А.XV) и в Капу-дере (А.XVI), общее начертание куртин которых образует входящие углы, соответственно равные 168° , 150° и 136° . Здесь хорошо проявляется закономерность: чем уже защищаемый участок, тем острее угол сведения флангов, т. е. эффективнее фланговый обстрел. На длинных фронтах приходилось экономить, сокращая протяженность линий и расширяя угол тенали. При этом слабая перекрестная оборона, близкая по эффективности к фронтальной, устранила фортификаторов, поскольку в условиях открытой местности (а она, как говорилось выше, была открытой, без растительности, до недавнего времени) она позволяла открывать стрельбу по неприятелю с дальнего расстояния и, следовательно, подвергать его продолжительному обстрелу. Глубокая же перекрестная оборона эффективнее на пересеченной местности, имеющей естественные укрытия, пользуясь которыми неприятель без урона может близко подойти к укреплению: в этой ситуации интенсивностью обстрела нужно было компенсировать его малую продолжительность (148, с. 10). Для узких дефиле Мангуна характерны как раз более крутые всходы, имевшие укрытия в виде неровностей поверхности скальных бортов, а также неирросматривавшихся пространств под обрывами возле устьев дефиле. Подобные ситуации характерны для ряда византийских крепостей, располагавшихся

* Для раннего периода развития средневековой фортификации характерно стремление к облегченным вариантам в ущерб требованиям тактического характера (310, с. 223).

в горной местности на территории Болгарии, таких, например, как Пауталия (42, с. 115), Абритул (109, с. 19).

Особо следует остановиться на первоначальной линии в Табана-дере. О ней можно судить по гигантскому задренованному раскалу камня, находящемуся ста метрами ниже сохранившейся до настоящего времени стены. По нашим наблюдениям, здесь также, вероятно, была реализована тенальная планировка. В период турецкого владычества раннее укрепление А.X было разобрано, и его материал использовали при возведении новой линии А.XI, которая датируется надписью 1503 г. В ней также применена теналь, угол которой составляет 146° , что близко к предыдущим значениям.

К сожалению, большие укрепленные линии в ущельях, такие, как А.XI и А.XV, дают представление о позднесредневековой их компоновке, поскольку неоднократно подвергались перестройкам (последняя была при турках). Археологическое же их изучение крайне затруднено многометровыми каменными завалами перед фасадами и мощными земляными натеками с тыльной стороны стен. Все же на основании раскопа возле башни А.6 можно говорить о полном совпадении ранней и поздней оборонительных линий (теналей) в укреплении А.XV.

Применением тенальных линий достигалась хорошая оборона пространства склонов перед стенами. В самом же слабом месте этой системы, т. е. вершине угла*, приходящемся на тальвег балки, необходима была башня, которая существенно усиливала обстрел опасного участка. Другое слабое место тенального фронта — его фланги: ведущийся от них противником продольный обстрел был губительным для стоящих за бруствером защитников, особенно на стенах, лишенных зубцов. Поэтому в условиях ровной местности внутренние углы в тенальном начертании обязательно чередовались с внешними (исходящими).

* Внутренний (входящий) угол укрепления дает перекрестную оборону, обеспечивающуюся фронтальной обороной каждой прямой линии, составляющей угол. Оптимальный угол косоприцельной стрельбы при фронтальной обороне не может превышать 30° . Эти параметры приняты для ведения ружейного огня; при стрельбе из лука величина угла сокращается еще больше. По этой причине перед средней частью тенального фронта эффективность огня с флагов — минимальная (155, с. 56, 72—73).

Такая система была разработана еще античными фортификаторами и известна под названием «зубьев пилы». (52, с. 281).

В условиях Мангула фланги тенальных линий в балках примыкали к обрывистым склонам мысов, которые представляли возможность ведения флангового обстрела в полном соответствии с правилом фортификации о том, что наиболее эффективный фланговый огонь исходит от линии, перпендикулярной к линии обстрела (4, с. 332). Это обстоятельство и позволило применить упрощенную схему начертания укреплений. Удобство входящего угла было особенно заметным при строительстве линий в низинах, что подтверждается использованием его на упомянутых участках крепости Херсонеса (40, с. 129). На ровной же местности, при мысовом расположении укрепления, фортификаторы Таврики предпочитали исходящий угол (Чуфут-Кале, Сюреньское укрепление), поскольку его внутреннее пространство хорошо защищалось от обстрела. Недостатки же его — значительный необороняемый сектор по капитали, слабая оборона ровов или ближних предстенных пространств — компенсировались возведением в вершине угла башни или заменяющего ее привратного выступа (эпикампия) (44, с. 312). Такое начертание укрепления вынуждало противника, спасаясь от фронтального обстрела со стен, атаковать их стык, специально для этого укрепленный (148, с. 9).

Внутренние углы в оборонительной системе Мангула применялись не только в больших по протяженности укрепленных линиях, но и в коротких, защищавших всхоопасные теснины, например, на Западном фронте.

Для обороны обширных пологих участков или уступчатых склонов применялись прямые линии, фасады которых в зависимости от изгибов горизонтали то выступали вперед, то отступали назад. Образовавшиеся в местах стыка куртин короткие фланки обеспечивали, будучи перпендикулярными линии фронта, контроль мертвого пространства перед фасадами*. Правда, действенность стрельбы с них

была невысокой, поскольку обстрел мог вестись, как правило, лишь с одной стороны и не более чем одним воином. Это существенно снижало эффективность фланговой обороны и возлагало всю тяжесть боя на фронтальную, при которой противник подвергался более длительному обстрелу и с большего расстояния (52, с. 288; 148, с. 10). В условиях голых, весьма крутых и хорошо просматривавшихся склонов этот принцип был вполне оправдан. Ближняя же оборона обеспечивалась ручным метанием камней через бруствер (20, с. 395; 29, с. 422; 40, с. 149; 52, с. 287; 118, с. 179), что было опасным для наступающих уже на средних дистанциях из-за рикошетов от наклонной или уступчатой скальной поверхности. Запасы камня для нужд обороны в распоряжении защитников были неограниченными. Использовались они даже в эпоху распространения огнестрельного оружия, о чем свидетельствует Эвлия Челеби (см. главу I).

Небольшие по ширине расселины, как правило, защищались короткими однокуртинными стенами, примыкавшими флангами к скальным склонам. Они возводились всюду, где только была малейшая возможность подняться на плато. Например, одна из теснин на западном склоне Чамну-буруна, прикрытая оборонительной стеной А.II, была практически неприступна без специального скального снаряжения. Такая же картина наблюдается на западном склоне мыса Чуфут-чарган-бурун с укреплением А.XIII. При сооружении этих стен был учтен гораздо позже сформулированный принцип горной войны о необходимости надежной защиты всех без исключения горных проходов, в противном случае даже небольшая лазейка размыкала бы оборонительную линию, делая позицию открытой (289, с. 539). В этой связи уместно вспомнить цитируемое Ф. Энгельсом правило горной войны, сформулированное Наполеоном: «Где может пройти козел, там может пройти человек; где пройдет человек, пройдет батальон, а где батальон, там армия» (2, с. 116).

* Подчиненность планировки защитной линии рельефу местности хорошо выражена и в оборонительной системе Константинополя. Для стен, расположенных в равнинных условиях, характерно прямолинейное начертание, фланкирование их целиком обеспечивалось башнями (323, с. 41). Оборонительные же рубежи, прикрывавшие город с моря, имели более сложное начертание, которое подчинялось из-

гибам береговой линии. Башни здесь редки, расстояние между ними слишком велико даже для обеспечения минимального перестрела (323, с. 269). Несомненно, это связано с тем, что роль фланкирующих позиций возложена на уступы куртин. Как известно, со стороны моря не ожидалось активных действий неприятеля, что роковым образом сказалось при турецкой осаде города в 1453 г.

ГЛО Мангупа несомненно создавалась с максимальным учетом факторов естественной неприступности, главный из которых — расположение укреплений на крутых склонах, как отмечал еще Вегеций: «Тот, кто идет вверх по склону, ведет двойной бой — и с местом, и с врагом» (52, с. 269). Прекрасно понимал значение природной неприступности крепостной позиции Прокопий (219, с. 130, 198—199).

Природная сила позиции в условиях Мангупа позволила почти отказаться от строительства башен, переложив всю тяжесть обороны на фасы и фланки стен, а также командные высоты обрывов. Это был довольно опасный допуск с точки зрения византийских принципов фортификации. Отсутствие башен даже при позиции, услаженной естественными препятствиями, рассматривалось как небрежность строителей (219, с. 190). Следует отметить, что в практике византийской фортификации безбашенные укрепления действительно редки, находятся они в горной местности, создававшей значительные трудности для действий неприятеля. Такова, например, крепость Алисумасе (Турция), описанная Б. В. Фармаковским, имеющая базилику и пещерные сооружения (267, с. 421). Возможно, безбашенной была более поздняя (не ранее XI в.) крепость Асеня (Петрич) в Болгарии, расположенная на вершине труднодоступной возвышенности, окруженной большей частью обрывами от 30 до 100 м высоты (277, с. 5). Малочисленные башни в византийских крепостях Северной Африки, где местность была труднопроходимой (313, с. 284).

На Мангупе достоверно известна пока только одна башня (А.6), относящаяся к первому строительному периоду ГЛО. Вероятно, и в Табана-дере, в вершине угла тенали ранней линии А.Х, должна была стоять башня.

С созданием ГЛО в крепостной полигон была включена максимально возможная площадь как плато, так и балок, которые были пересечены оборонительными рубежами. Лишь в балке Капу-дере, глубокой и крутой, почти не имевшей полезной площади, линия стен погибала ее верховья.

Территория Мангупа, обеспеченная защитой ГЛО, составила около 90 га. Таким образом, крепость не имела себе равных в ранне-средневековом Крыму. Грандиозное фортификационное строительство имело целью создать крепость, которая могла дать укрытие не только большому гарнизону, но и мирному населению, спасавшемуся от военной угрозы

вместе с имуществом и скотом. Для содержания последнего, благодаря наличию воды, имелись наилучшие условия в сравнении с другими «пещерными городами», которые так же, как и Мангуп, имели резервную площадь для выгона, но гораздо меньших размеров и без источников воды (Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Кыз-Кермен).

Несомненно, что укрывшееся за стенами мирное население не было пассивным созерцателем осад. Оно активно привлекалось к обороне. По образному выражению историка фортификации В. Яковлева, «лишних ртов» в крепостях не существовало» (303, с. 31). Да и трудно представить себе, как силами только одного гарнизона, пусть даже значительного, можно было обеспечить надежную охрану всех сооружений ГЛО, длина которых в совокупности составляла около 1500 м при общей длине оборонительного контура плато около 6600 м*. Трудность защиты растянutoй линии крепостных стен осознавалась византийскими военными, что прекрасно выражено Прокопием в рассказе о реконструкции укреплений города Кесарии, где «из-за величины стен не хватало сторожевых отрядов, чтобы нести их охрану, да и заботиться о сохранности этих стен ввиду их большого протяжения местным жителям было не под силу» (218, с. 271).

В условиях Мангупа еще следует учесть разбросанность укреплений не только по горизонтали, но и по различным уровням, размещение их на склонах и в расщелинах, отсутствие прямой зрительной связи между отдельными узлами. Это обстоятельство заставляло иметь в крепости значительный оперативный резерв для маневров внутри полигона при атаке противника на различные пункты и при генеральном штурме. Согласно указаниям поздних военных трактатов, во время вылазки гарнизона на стенах должны были оставаться те, кто их охранял (118, с. 179).

Опираясь на установки, выработанные фортификаторами в XIX в., когда оборона крепостей старого образца была еще реальностью, можно ориентировочно наметить количество защитников, необходимое только для первой шеренги, т. е. стоящих у бруствера.

* Общая протяженность стен Константинополь составляла около 16 км (192, с. 158), из них на сухопутные приходилось 6806,5 (89, с. 2). Длина оборонительной линии средневекового Херсона составляла 1800 м.

При установленной норме около 1 м на человека (70, II, с. 512), мы получим уже 1500 человек. При этом следует учитывать контингент, необходимый для контроля главной подъездной дороги с поверхности мыса Тешкли-бурун и охрану участка главных городских ворот в Капу-дере. Наконец, необходимо было наблюдение и за участками, считавшимися относительно неприступными. Под ними могло происходить перемещение групп неприятеля к местам атак.

Таким образом, для обеспечения надежной обороны крепости необходимо было привлечение около 2000 человек. Это, естественно, теоретически необходимая численность. Реальная же цифра была, вероятно, меньше в 1,5—2 раза. Отсутствие требуемого количества защитников могла компенсировать мобильность контингента.

Все изложенное подтверждает мысль о возможности активного участия в оборонительных мероприятиях как мирного населения Мангупа, так и окрестных жителей, искавших защиты за его стенами. Такое положение вещей не было редкостью в средневековье. Например, охрану стены, запиравшей Фермопильский проход, полностью несли земледельцы, затем их сменил с ведома Юстиниана I отряд воинов в 2000 человек (217, с. 315). Димы Константинополя по приказанию Маврикия в 583/84 гг. во время нападения славян выступили на охрану Длинных стен (279, с. 54). Мирное население ряда болгарских крепостей принимало активное участие в гарнизонной службе (Големаново и Садовско кале) (200, с. 22—23). Аналогичная картина наблюдалась на границе Византии с Ираном. (207, с. 58).

О емкости Мангупской крепости в экстремальных условиях свидетельствует современник осады 1475 г. пушечный мастер Георг Нюрнбергский, сообщавший, что в осажденном городе находилось 15 тыс. человек (331, с. 259). Эта цифра, хотя, вероятно, и преувеличенная, подчеркивает представление современников о многолюдности населения крепости, в течение полугода отражавшей натиск отлично вооруженного и организованного османского войска.

Отметим также, что, по расчетам Е. В. Веймарна, на площади около 10 га эски-керменского городища в XIV в. проживало около 3 тыс. человек. Мангуп же несомненно был более значительным поселением с огромным резервом территории, так что с учетом сбежавшегося под защиту его стен жителей при-

веденная цифра (15 тыс.) не покажется слишком завышенной (68, с. 85).

Таким образом, можно констатировать, что на Мангупском плато в эпоху раннего средневековья была создана крепость, конфигурация укрепленных линий которой оптимально соответствовала природной неприступности местности. О масштабах строительных работ можно судить по тому, что по приблизительным оценкам в оборонительные стены ГЛО было уложено около 15 тыс. м³ камня; по крайней мере четвертая часть этого количества была обработана в виде квадров. Строительные приемы и техника обработки камня соответствовали римско-византийским традициям. Инженерные решения, примененные в ГЛО, свидетельствуют о высоком уровне мастерства ее создателей и об учете ими основных положений полноркетники.

Перейдем к вопросу о времени основания крепости на Мангупском плато. Проблема даты сооружения ансамбля ГЛО тесно связана с проблемой первоначальной ее структуры и дальнейшего формирования оборонительной системы в целом. В историографии Мангупа, как отмечалось, сложилось две точки зрения на этот счет. Согласно мнению А. Л. Якобсона и Д. Л. Талиса, она создавалась с охватом значительной части плато, прикрывая наиболее застроенную его территорию, то есть это та линия, которая определяется нами как ВЛО (линия В). По мнению же Е. В. Веймарна, крепостным сооружением «большого кольца» (66, с. 125) предшествует укрепление на мысе Тешклибурун, возникшее в V—VI вв. и к IX в. превратившееся в цитадель города (66, с. 125, 139).

Эта весьма плодотворная для дальнейшего изучения генезиса города гипотеза имеет, однако, ряд слабых мест. Так, при исследовании базилики и дворца были обнаружены позднеантичные и раннесредневековые материалы (261, с. 362, 364, 370, 373). Они, согласно новейшим данным, в изобилии представлены в других местах плато, в частности, в Лагерной балке (80, с. 262) и в верховьях Гамам-дере*. Здесь были выявлены остатки раннесредневековых усадеб. В группе ранних находок есть и выразительные эпиграфические материалы, обнаруженные в базилике: упо-

* Раскопки остатков усадьбы проводились в 1974—1979 гг. Ю. С. Воронинным (инспекция по охране памятников архитектуры Крымского облисполкома).

мянутая выше надпись с именем императора Юстиниана II, к сожалению, утраченный еще в период раскопок 1938 г. обломок известняковой архитектурной детали с греческой надписью, полеографически датированный, по свидетельству М. А. Тихановой, VI в. (261, с. 386).

Особо следует отметить, что в центральном районе плато крайне редки находки IX—X вв., что не соответствует представлениям о расцвете городской жизни в это время. Затрудняет положение и отсутствие следов ранней оборонительной стены мысового укрепления, хотя в 1981 г. был заложен специальный разведочный раскоп с целью их поиска, открывший поверхность скалы от ворот цитадели до остатков октогонального храма. Сохранившиеся куртины цитадели датируются не ранее XIV в. (80, с. 263). Несмотря на приведенные контраргументы, возможность существования крепостцы на мысу с середины I тысячелетия полностью отрицать нельзя, поскольку, как предполагал Е. В. Веймарн, начертание укрепленной линии в то время могло быть иным, например, она могла проходить и к юго-западу от сохранившейся до настоящего времени (58, с. 121), однако в целом этот вопрос не имеет сейчас принципиального значения для решения проблемы планировки первоначальной оборонительной системы городища. Если такое мысовое укрепление и существовало, то оно могло быть цитаделью большой раннесредневековой крепости. Окончательное решение этого вопроса возможно лишь при перенесении раскопочных работ на эспланаду цитадели.

Проблема датирования сооружений ГЛО сводится в основном к вопросу о времени их основания, имеющему принципиальное значение для дальнейшего изучения раннесредневековой истории Таврики. Археологические материалы, полученные при раскопках оборонительных сооружений, далеко не всегда могут дать окончательный ответ в пользу той или иной из предполагаемых дат. Такая ситуация не раз отмечалась исследователями военного зодчества (91). Необходимо привлечение совокупности всех данных по истории крепости, как археологических, так и письменных (207, с. 51). При общем остром недостатке последних для средневековой Юго-Западной Таврики все же можно считать Мангуп, после Херсона, в наиболее выигрышном положении. Крепость неоднократно упоминается в раннесредневековых источниках, и, хотя досто-

верность этих свидетельств нуждается в тщательной проверке, все же они являются важным подспорьем к данным археологии.

Обширная территория внутри крепостных стен Мангупа изучена пока еще мало, и лишь в последние годы стал поступать массовый материал, относящийся к раннесредневековому периоду; до начала 70-х гг. он был известен в относительно небольшом количестве. Как отмечалось выше, большое значение для понимания раннесредневекового этапа жизни Мангупа имеют археологические материалы Лагерной балки, дающей каскад культурных напластований, сформировавшихся в результате возведения оборонительных линий Северного фронта. Общим для всей территории балки является нижний слой с находками от первых веков н. э. до VIII в. Особенно он велик в верхних балки, где достигает мощности 3 м. Здесь выявлены остатки усадеб VI—VIII вв., исследование которых только началось. Массовый археологический материал представлен в основном здесь амфорами, типы которых хорошо известны по раскопкам Херсона и ряда других причерноморских центров (Истрия), датирующихся VI—VII вв. Кроме тарной керамики найдены фрагменты краснолаковой и стеклянной посуды. Местные керамические формы — лепные миски и горшки с подощенной поверхностью составляют 5% от всего керамического комплекса того времени. В слое были найдены бронзовые монеты Феодосия I, Льва I, Анастасия, Юстина I, Юстиниана I. Даже на слабозаселенном Чамнубуруне при исследованиях оборонительных сооружений найдены керамика и стекло позднеантичного и раннесредневекового времени.

Исключительную важность для понимания раннесредневековой истории Мангупа имеет археологическое изучение катакомбного могильника з устье Алмалык-дере, открытого в конце 40-х гг. Е. В. Веймарном. Раскопки его с 1982 г. ведутся Отделом археологии Крыма под руководством В. А. Сидоренко. Могильник, связанный с главной колесной дорогой, располагался на территории не менее 6 га. Несмотря на ограбленность многих склепов, удалось выявить ряд погребальных комплексов второй половины VII в. В совокупности с данными, полученными при исследованиях на плато, эти материалы наглядно показывают интенсивность жизни Мангупской крепости в раннесредневековое время.

Первый этап в жизни крепости, отраженный перечисленными памятниками, заверша-

ется событиями, запечатленными в стратиграфии раскопов I—I-A в Лагерной балке, заложенных при ВЛО, — мощным слоем пожара и разрушений, в котором кроме массовых материалов VI—VII вв. были найдены фрагменты амфор с зональным рифлением, появляющихся в VIII в. (рис. 27—28).

Слой IX—X вв. известен пока только на отдельных участках на территории мыса Тешкли-бурун; на остальной территории плато находки этого периода немногочисленны. Единственное место, где в публикации отмечается «большое количество обломков сосудов VIII—IX вв., орнаментированных чаще всего врезной волнистой линией или поясом мелкого рифления» в слое, содержащем материалы XII—XV вв., — это остатки усадьбы на восточном краю плато близ триангуляционного пункта (66, с. 129). Но пока больше нигде в раскопках на плато такая картина не наблюдается. Отдельные находки были сделаны в базилике, при раскопках усадьбы в верховьях Гамам-дере и на мысе Чамну-бурун, но они составляют там ничтожный процент по сравнению с материалами VI—VII вв. и XIV—XV вв. Характерно, что в комплексе материалов IX—X вв., наиболее четко представленном на Тешкли-буруне, в сущности отсутствует типичная салтово-маяцкая керамика. Ведущими керамическими формами являются высокогорлые кувшины с плоской ручкой, IX—X вв., широко распространенные в это время в Херсоне и на Тамани (302, с. 33). Вместе с ними найдены белоглиняные поливные мяски, датируемые тем же временем. Интересно отметить, что на Мангупе отсутствуют очень характерные для этого периода амфоры, хотя они производились в ближайших окрестностях, о чем свидетельствуют остатки гончарных печей у сел Голубинка (долина Бельбека) и Баштановка (долина Качи), открытые М. Я. Чорефом. Таким образом, можно констатировать явные отличия в облике материальной культуры на плато и поселений в долинах.

В IX—X вв. большая часть ранее обжитой территории плато пребывала в запустении. Жизнь концентрировалась в основном в северо-западной части плато (рис. 29). Здесь появляются вырубленные в скале винодавильни (тарapanы), находившиеся в пределах обширных усадеб сельского типа (66, с. 134). Вероятно, смещение заселенной территории к Тешкли-буруну можно объяснить непосредственной связанностью этого района плато

колесной дорогой с долиной. Скорее всего, именно туда уходило население из опустевшей крепости. Такой вывод подтверждается данными археологических исследований последних лет, в результате которых были открыты поселения этого времени в Ураус-дере и Джандере.

Запустение поселения на плато не означало прекращения функционирования крепостных сооружений. Исследования укреплений А.I и А.XIV показали, что в IX—X вв. шел ремонт ряда стен, пребывавших до этого в полуразрушенном состоянии. Крепость, таким образом, не угасала, а сохраняла свое боевое значение. Аналогичная картина наблюдалась в это же время на Северном Кавказе, где также известны малонаселенные крепости-убежища, находившиеся рядом с одним или несколькими поселениями (38, с. 98—99; 39, с. 14).

Итак, археологическая ситуация на раннесредневековом Мангупе не соответствует представлениям о возникновении здесь города в IX—X вв. Наоборот, этот период, по сравнению с предыдущим, характеризуется существенным сокращением обжитой территории. Нет никаких свидетельств (как и для предыдущего этапа) о существовании местного ремесленного производства. Можно утверждать, что, как и в VI—VII вв., внешние экономические связи в IX—X вв. были направлены на Причерноморье. Сохранялась ориентировка на Херсон, что выражается, в частности, в поступлении на Мангуп белоглиняной поливной посуды, крайне редко встречающейся на многочисленных поселениях Юго-Западной Таврики.

Второй этап в жизни крепости, так же как и первый, завершается гибелью поселения. Об этом свидетельствуют остатки жилых комплексов с бытовым инвентарем, погибших в пожаре. Они были открыты в раскопках X—X-B у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели. О том, что финал был быстрым, неожиданным, говорит находка клада золотых и серебряных украшений, запрятанного на краю обрыва возле угла разрушенного дома. Захоронение клада может датироваться второй половиной X—началом XI в., что следует из стратиграфической ситуации находки. Однако вещи, составляющие этот комплекс, в основном более древнего происхождения. Так, например, раковинообразные подвески датируются IV в., крест — VI в., треугольные трубчатые под-

вески («городки») — VII в. Неясна дата каплевидных комбинированных подвесок из золота, серебра и стекла, а также круглых литых серебряных застежек. Вероятно, вещи из клада происходят из позднеантичных и раннесредневековых погребений, разграбленных при завершении первого и в начале второго этапа жизни крепости (81, с. 167).

Третий этап существования крепости отражен археологическими материалами XIII—XV вв., о нем будет сказано в четвертой главе.

Установление более узких датировок таких событий, как основание крепости, разрушение и восстановление укреплений, вновь наступившего упадка, требует привлечения данных письменных источников, корректирующих размытые границы археологической хронологии.

С проблемой хронологии и обстоятельств основания крепости на Мангупском плато связан вопрос о локализации Дороса (см. I главу).

Обратимся к свидетельствам источников о Доросе. Впервые этот топоним упоминается в форме «Дорант» в 692 г. в подписи под деяниями пято-шестого Трульского собора, где среди прочих подписавшихся значится Георгий, епископ Херсона и Доранта (331, с. 78—79), что свидетельствует о церковной подчиненности и территориальной близости этих пунктов. Затем Дорос фигурирует вместе с другими, не названными по именам крепостями, в «Хронографии» Феофана при изложении событий, связанных с бегством из Херсона ссыльного императора Юстиниана II (279, с. 62—64). В «Бревиарии» патриарха Никифора уточнено, что Дорос находится в готской земле (279, с. 163), причем в последующем изложении Дорос не упоминается, но, вероятно, подразумевается среди крепостей в округе Херсона, обобщенных под термином «климаты» (к Готии относил климаты и Феодор Студит) (331, с. 105—106), жители которых подлежали репрессиям за враждебное отношение, проявленное ими в свое время к опальному императору (279, с. 63). Византийские авторы в дальнейшем использовали этот термин как собирательное название населенных пунктов в округе Херсона, не уточняя каких именно. Правда, прямых указаний на связь Дороса с климатами не имеется, но при рассмотрении источников в совокупности эта связь выступает вполне реально. В конце VIII в. по «Житию Иоанна Готского»

Дорос предстает как крепость, оккупация которой хазарами приводит к вооруженному выступлению местного населения (50, с. 396—400). С этого времени Дорос исчезает со страниц литературных памятников, возродившись, по мнению многих авторов, в форме «Феодоро»*. Климаты же продолжали упоминались вплоть до XIII в., когда они вместе с Херсоном попали в зависимость от Трапезундской империи (331, с. 160—162). Больше других о климатах писал Константин Багрянородный. Он относил их к области Хазарии и называл количество — девять (132, с. 273).

На основании приведенных сведений можно говорить, что наиболее оживленный период существования Дороса приходится на вторую половину VII — конец VIII в., а столетие между серединой VI и серединой VII в. было временем возведения ряда крепостей в Юго-Западной Таврике. Следует подчеркнуть, что строились они на обжитых местах, на мысах и островных плато, служивших убежищами местному населению еще с тревожной поры начала Эпохи Великого переселения народов. Особенности геологического строения горного Крыма обусловили концентрацию естественных крепостей в юго-западной части Внутренней гряды.

Гряда играла роль естественной границы, разделявшей два региона, два хозяйственно-культурных типа: с одной стороны ее находились земледельцы горных долин, с другой — кочевники-скотоводы степей, бывшие не только источником военной опасности, но временами выгодными торговыми партнерами. С IV в. впервые в истории полуострова Юго-Западная Таврика превращалась в густонаселенный район, наиболее активный в экономической жизни края. Развитие его было тесно связано с Херсоном, единственным уцелевшим от античной эпохи городом-ориентиром, сохранившим связи со старыми приморскими центрами и поэтому неизбежно включавшимся в политическую систему Византии. Положение изменилось с приходом в Таврику хазар, постепенно вклинивавшихся в глубинные районы полуострова. В конце VIII в. ими был захвачен Дорос, а около 840 г. они уже перестраивали эту крепость (об этом см. ниже). К середине X в. хазары, по крайней мере, номинально, еще владели

* На Южном берегу топоним Дори сохраняется по крайней мере до IX в., о чем свидетельствует Равеннский анонимный перипл (327, с. 114).

крепостью. Не исключено, что она вместе с другими климатами переходила из рук в руки. О походе хазар на Херсон и другие города Таврики в правление Романа Лакапина сообщает так называемый «Кембриджский документ», составленный параллельно пространной редакции письма Иосифа (324, с. 6—7). Возможно, что в числе городов, ставших объектами хазарских нападений, был и Мангуп.

Сопоставление данных археологических и письменных источников убеждает, что локализация Дороса на Мангупе имеет веские основания. Кроме топонимической преемственности Дорос-Феодоро, можно указать соответствие археологической ситуации, выявленной при исследовании оборонительных стен Мангупа, сведениям о Доросе нарративных источников.

Рассматривая вопрос о времени и обстоятельствах основания Дороса-Мангупа нельзя не акцентировать внимание на единственном пока известном в Крыму эпиграфическом памятнике с именем Юстиниана I. Материал плиты — местный известняк исключает возможность доставки ее на плато извне, что неоднократно пытались утверждать сторонники гипотезы о преемственности Мангупа от Эски-Кермена. Эта надпись вместе с археологическими бытовыми и нумизматическими материалами подтверждает возможность соотнесения времени начала создания крепости с правлением Юстиниана I, точнее — с последним его десятилетием, не отраженным в трактате «О постройках». Вероятно, именно в это время через свой форпост, Херсон. Византия начинала освоение его округа, основывая опорные пункты для обеспечения политического и идеологического господства в глубинных районах Юго-Западной Таврики. Распространение этого влияния облегчалось системой сложившихся экономических связей Херсона, нацеленных на эти районы уже со II—III вв. н. э.; к IV—V вв. они ограничивались на севере бассейном Альмы (236, с. 13). Основными центрами в этой зоне становились формирующиеся поселения скифо-сармато-аланского населения, сместившегося сюда под давлением племен остготского союза и гуннов. Таким образом, не на голом месте, а, как показывают данные раскопок, на обжитых естественных крепостях Таврики в дальнейшем возводились искусственные укрепления, имевшие столь ясно выраженный римско-византийский облик. Эта же тенденция превращения селищ

в крепости хорошо выражена на примере византийской политики в Подунавье (200, с. 18—19). При Юстиниане здесь завершилось создание нескольких оборонительных линий, следовавших естественным защитным рубежам. В послеюстиниановское время в таких масштабах крепостное строительство Византия здесь больше не проводила (199, с. 225).

Развитие фортификации в раннесредневековой Таврике шло, вероятно, в общем русле, характерном для византийского мира и его окраин, но были и свои особенности. Так, здесь не строились башни треугольной и пятиугольной форм, столь распространенные в укреплениях ранневизантийской поры на Балканском полуострове, в Малой Азии и Сирии, в Италии (Рим, Ардеа) (42). Не характерно для раннесредневековых крепостей Таврики применение чередующихся слоев кирпича и камня, т. е. техники, широко распространенной в пределах позднеримской империи и ранней Византии (41). Все эти особенности рельефно прослеживаются на примерах фортификации Мангупа.

В сложных природных условиях Мангупского плато, находящегося на заморской периферии Византии, в окружении вряд ли дружелюбно настроенного населения, крепостное строительство здесь было нелегким делом. Однако нужно отметить, что сооружения ГЛО позволяют говорить о весьма энергичном строительстве, не ограниченном в средствах и рабочей силе. Профессиональные навыки каменщиков были высоки, инженерное руководство — компетентным. Вероятно, прав А. Л. Якобсон, предполагавший участие строительных артелей из Херсона в возведении оборонительных сооружений в ряде пунктов Таврики. В первой половине VII в., когда город переживал спад экономики, вряд ли была реальная возможность проводить столь масштабное строительство в его окрестностях: скорее всего, к этому времени крепость на Мангупе уже существовала.

Мы далеки от мысли о том, что только херсонские мастера возводили стены Дороса. Речь может идти об их организаторской работе и обучении местных жителей приемам каменных работ. Практика византийского крепостного строительства часто предполагала использование местного населения, без участия которого невозможно представить осуществление замыслов византийской администрации. К тому же это население видело в крепостях не только оплоты византийского владычества,

но и средство защиты от угрозы со стороны кочевой степи — угрозы, нависшей над Таврикой и сохранившейся на протяжении почти тысячелетия. Усиленное проникновение Византии в Таврику во второй половине VI в. было вызвано включением стеного Северного Причерноморья в состав Тюркского каганата, открывшего эпоху господства в этой зоне кочевых и полукочевых тюркоязычных этносов.

Пока еще трудно определить темпы строительных работ по укреплению Мангупского плато, но вряд ли они растянулись надолго. Византийская военно-инженерная практика знала примеры, когда необходимость заставляла путем концентрации всех сил возводить большие крепости за 2—3 года, что по представлениям современников было равносильно внезапному появлению укрепления (207, с. 62).

Мы приходим к заключению, что последнее десятилетие правления Юстиниана I было временем создания первых оборонительных сооружений Дороса-Мангупа, определивших очертание крепостного полигона до позднего средневековья. Непрерывное существование Дороса отмечается до конца VIII в., хотя, видимо, в связи с ослаблением византийских позиций в Таврике с конца VII в. (297, с. 29), поселение все более приобретало черты убежища для окрестного населения и резиденции каких-то формирующихся местных органов власти, выступающих в ряде случаев солидарно с Херсоном против византийских властей, как это было во время карательных экспедиций Юстиниана II (279, с. 165).

На протяжении VIII в. Таврика испытывала усиливающееся давление хазар, еще во второй половине VII в. проникших в восточные районы полуострова. В конце VIII в. хазары прорвали этногеографическую границу, проходившую по внутренней гряде, и вторглись в область формирования средневековой народности Таврики. Именно эти события, вероятно, нашли отражение в «Житии Иоанна Готского», этом уникальном источнике для рассматриваемого периода, кульминацией которого был захват хазарами Дороса (50, с. 399—400) с последовавшим переименованием его в Мангуп.

Наиболее ранние упоминания топонима «Мангуп» содержатся в документах, обнаруженных и частично опубликованных гебраптом А. С. Фирковичем. Как известно, полемика относительно подлинности ряда обнаруженных им памятников до сих пор не завершена. Это относится; в частности, к

припискам на полях свитка Торы, содержащих хронографические заметки, сообщающие о важных событиях в Таврике. Среди них есть сведения о Мангупе. Он упоминается под 843 и 908 гг. как «новый город», построенный хазарами. Д. А. Хвольсон, отвечая на критику со стороны А. Я. Гаркави, считавшего, что топоним «Мангуп» позднесредневекового происхождения, высказал мнение, что название могло сосуществовать с другим, т. е. с Доросом (Дори) или же появиться после овладения крепости хазарами (276, с. 498). Последнее событие Д. А. Хвольсон относит к концу VIII или началу IX в., ссылаясь на другой эпиграф от 805 г., сообщающий о захвате хазарами крепости Дори, которую исследователь отождествлял с Мангупом (276, с. 492).

Среди обнаруженных в собрании А. С. Фирковича манускриптов особенно интересна так называемая пространная редакция письма визирю кордовского халифа Абдаррахмана III Хасдаю ибн Шапруте от хазарского кагана Иосифа, датированная около 960 г. Опубликованное впервые А. Я. Гаркави в 1875 г., оно неоднократно переиздавалось, привлекая внимание исследователей обширными сведениями по истории хазар и соседних с ними народов. Подлинность этого документа в настоящее время не подвергается сомнению (25, с. 9—12; 210, 10 сл.)

Мангуп в нем значится в перечне пунктов, принадлежащих хазарам и образующих западную границу их владений. Несомненно, что здесь Мангуп (Ман-к-т) выступает как укрепленное поселение наряду с другими, имевшими крепости, такими, как Судак, Алушта, Кут (126, с. 102). После X в. топоним «Мангуп» исчезает и появляется во второй половине XIV в. наряду с Феодоро — термином, обозначавшим как город, так и феодальное княжество, столицей которого он являлся.

Итак, с конца VIII — начала IX вв. Мангуп становится хазарским опорным пунктом в зоне византийско-хазарского пограничья. Конечно, до проведения глубокого анализа письменных источников о хазарском периоде жизни крепости, который под силу только гебраптам, трудно уверенно опираться на их сведения. Однако нельзя не заметить их соответствие археологической ситуации, наблюдаемой на Мангупе, где в IX—X вв. выделяются особые комплексы материальной культуры. Этим временем можно датировать

большой ремонт оборонительной системы, который и могли отразить письменные источники как строительство «нового города». В целом же нужно отметить, что собственно хазары, вероятно, не имели большого перевеса в этнической ситуации в крае. Скорее, их присутствие в этом районе было сугубо политическим, нежели реально этническим. Отмечавшаяся фильтрация элементов салтово-маяцкой культуры в глубинные районы Юго-Западной Таврики может быть объяснена не столько сменой населения, сколько общностью протекавших в Крыму VIII—X вв. процессов экономического развития (234, с. 109—110).

Создание к середине IX в. Херсонской фемы и включение в нее области климатов (132, с. 301) означало переход Византии в контрнаступление на хазарские владения.

Глава IV. Оборонительная система столицы княжества Феодоро

К середине XIV в. в Юго-Восточной Европе, в связи с ослаблением Золотой Орды, возникли условия для формирования самостоятельных владений. Так, в это время появляется независимое Молдавское государство (185, с. 112). Сказывается в этом процессе и влияние уже окрепших феодальных государств Центральной Европы (205, с. 190). По данным письменных источников, во второй половине XIV в. в Юго-Западной Таврике возникло феодальное образование под именем Феодоро, имевшее, вероятно, политический статус княжества. Первое по времени упоминание топонима Феодоро относится к 1361—1362 гг. Его содержит надпись, обнаруженная Р. Х. Лепером в 1913 г. в одной из башен ВЛО Мангупа. В 1374 г. генуэзский документ упоминает двойное имя: Мангуп-Феодоро (304, с. 33). Однако ряд авторов полагает, что княжество могло возникнуть еще в конце XIII в. (190, с. 595; 260, с. 328; 297, с. 123), хотя прямых указаний на это источники не дают. Отметим, что на карте, составленной в 1318 г. П. Весконтe, Феодоро отсутствует (47) (карта приложена в конце книги), а на аналогичной карте Черного моря, портолане Гратиоза Бенинкозы (1474 г.), наряду с Каламитой указан Феодоро, названный Сантодеро (133, табл. I).

Территория владений Феодоро в основном определена Е. В. Веймарном. В нее входило

Впрочем, Хазария, ослабленная арабскими нашествиями и войнами с Русью, не могла оказать решительного сопротивления в Таврике. В середине X в., по свидетельству Константина Багрянородного, хазары были способны лишь совершать походы на территорию климатов (132, с. 273). Вероятно, во второй половине X в. они полностью оставили эту территорию, которая становится объектом нападений печенегов (297, с. 74).

Типологически Мангуп IX—X вв. может быть определен как крепость-убежище с относительно малочисленным постоянным населением, для жителей округа он был укрытием на случай военной опасности. Такая ситуация, в частности, отмечается в VIII—X вв. для некоторых районов Руси (228, с. 28).

юго-западное нагорье и Южный берег от Ласпи до Алушты. Однако прибрежная зона Южного берега находилась под контролем генуэзцев, заключивших в 80-е гг. XIV в. договоры с татарами о продаже им территории ЮБК (Готии) и имевших здесь ряд крепостей (331, с. 177—182). Называлась эта зона «капитанство Готия». Вопрос о владении Южным берегом был предметом постоянных военных и дипломатических конфликтов между Феодоро и Кафой, ревниво следившей за попытками Феодоро конкурировать с генуэзцами в области черноморской торговли. Особенно отношения обострились в 20—30-х гг. XV в., когда после сооружения крепости Каламиты (Инкерман) и порта в устье р. Черной князю Алексею удалось захватить опорный пункт генуэзцев на юго-западном побережье — Чембало (Балаклава). Правда, через год, в 1434 г., Генуя вернула крепость, для чего потребовалась организация крупной военно-морской экспедиции под руководством Карло Ломеллино (331, с. 206—210). Напряженные отношения с Кафой сохранялись до начала 70-х гг. XV в., когда общая для соперников турецкая опасность заставила сделать шаги к примирению (331, с. 237).

С северными соседями, татарами, Феодоро поддерживала союзные отношения, выражавшиеся в совместных действиях против генуэзцев, а также в участии в дальних походах,

например, на Литву. Пока неясно, когда произошло сближение Феодоро и крымского улуса Золотой Орды; ведь до середины XIV в. угроза татарского нападения была весьма реальной. Так, в конце XIII в. глубинные районы полуострова подверглись опустошительному нашествию орды эмира Ногая, но и в дальнейшем, по мере ослабления Золотой Орды, в степях Северного Причерноморья нередко создавалась ситуация, угрожавшая оседло-земледельческому населению горных районов. Причиной было соперничество враждебных группировок татарских феодалов, поддерживавших различных представителей Джучидов.

В сложившейся обстановке для княжества Феодоро актуальной проблемой было обеспечение безопасности своей территории в целом и столицы, в частности.

Столицей княжества был Мангуп, больше известный в XIV—XV вв. под именем Феодоро. В это время он выступает как феодальный город, средоточие ремесла и торговли, административный центр, резиденция правящей верхушки. Археологические материалы ясно отражают эту ситуацию. В слоях времени Феодоро в большом количестве встречаются изделия кузнечного ремесла, крайне редкие в раннесредневековых горизонтах. Развивалось собственное производство керамики. Местные ее формы стали превалировать над привозными. Особенно выразительна поливная столовая посуда, в основном производившаяся, как установлено, мангупскими ремесленниками (87, с. 129—130).

В XIV—XV вв. крепость имела не одну, а три оборонительные линии: ГЛО (линия А), ВЛО (линия В) и цитадель (линия С) (рис. 31).

ГЛО полностью сохранила свое значение, а значит, и крепостной полигон оставался без изменений. Несомненно, ряд укреплений ГЛО нуждался в ремонте и, прежде всего, линии стен в балках. Об этом можно судить по надстройке яруса кладки (второго по счету) из не крупного штучного камня на куртинах укрепления А. XV в Гамам-дере. На мысе Чамну-бурун в укреплении А. VIII на участке длиной около 30 м была восстановлена кладка не эмплектон, а бутовая из рваного камня, характерная для оборонительных сооружений XIV—XV вв.

Особенно большие по масштабу работы проводились на самом слабом звене оборонительной системы — укреплении А. XIV. Во-первых, здесь к куртине А была пристроена квад-

ратная в плане башня А.4 размером 3,35 х 3,35 м, толщина ее стен достигала 0,6 м; сложена она из бутового грубоколотого камня среднего размера, углы выкладывались тесаным штучным камнем среднего размера. При строительстве использовался вяжущий раствор из извести и мелкого речного песка, им же были промазаны наружные швы кладки. Башня, как и стена, к которой она примыкает, поставлена была на предварительно выровненную поверхность земли; в основание сооружения был засыпан бутовый камень без связывающего раствора. Внутри башни было помещение для воинов, о чем свидетельствует проход, сделанный в оборонительной стене, причем ряд ее квадров на одном уровне образует порог, на котором был обнаружен скелет защитника крепости, погибшего в 1475 г. В целом создается впечатление, что пристройка башни делалась в спешке, без достаточного инженерного обеспечения. Это сказалось в период турецкой осады: башня А. 4 была почти до основания снесена пушечными ядрами.

Вторым мероприятием по усилению ГЛО была надстройка стен. О характере ее на примере А. XIV судить хотя и трудно, но можно. Верхняя часть сооружения была сбита артиллерийским огнем турок, а также подверглась разборке на последнем этапе жизни поселения (XVI—XVIII вв.). В завале с тыльной стороны стен сохранился слой строительства, содержащий в почти чистом виде известь, песок и мелкую сеяную гальку (рис. 13). Такая консистенция строительных растворов обычно рекомендовалась теоретиками фортификации развитого средневековья для бутовых кладок (15, с. 89). Вероятно, именно такой характер имела надстроенная часть кладки укрепления А. XIV.

Наконец, третье новшество существенно усилило прочность оборонительных стен. С их тыльной стороны была сделана подсыпка из бутового камня, образовавшая валганг с отлогостью, направленной к верховьям Лагерной балки (рис. 13). С одной стороны это укрепило стены, сделало их менее восприимчивыми к ударам метательных снарядов, с другой — облегчило подъем защитников к боевым площадкам.

Появление сооружений последнего типа исследователи обычно относили ко второй половине XV в., связывая их с распространением огнестрельного оружия, ставшего опасным для стен старого образца (154, с. 15—16), которые имели достаточную толщину лишь для сопротивления метательным машинам и не были

приспособлены к обороне от новых орудий (178, с.7). Можно полностью принять мнение П. А. Раппопорта о том, что появление пушек не сразу повлияло на увеличение толщины крепостных стен, а только тогда, когда орудия стали достаточно мощными, чтобы пробивать стены (226, с.194), что в основном стало возможным в последней трети XV в. (122, с.109). И никак нельзя согласиться с дореволюционными авторами, связывавшими эти успехи артиллерии только с началом производства чугунных ядер (1459 г.) (149, с.22—23; 155, с.14; 221, с.75).

В Северном Причерноморье пример превращения каменной стены в валганг путем присыпки к ней земли в XVI в. дает крепость в Белгороде-Днестровском — средневековом Аккермане. Причем, как отмечает М. Г. Рабинович, сделать присыпку с внешней стороны стен не позволял глубокий ров, высеченный в скале (222, с.105).

На Мангупе в укреплении А.XIV также было невозможно прикрыть фас насыпью из-за крутизны естественного контрэскарпа, начинавшегося сразу у подножия стен. Можно с уверенностью отнести создание валганга на укреплении А.XIV ко времени до начала турецкой осады, о чем свидетельствует отсутствие в нем фрагментов гранитных пушечных ядер, в то время как на поверхности этой насыпи и перед куртинами А и Б в завале они обнаружены в огромном количестве.

Вероятно, ремонты были произведены и на других участках ГЛО. Однако в целом она сохранила первоначальное начертание своих рубежей, а значит, и принципы организации активной обороны.

Иную картину представляет укрепленная линия, возведенная на плато и отсекавшая от него два самых больших по площади мыса — Чуфут-чарган-бурун и Чамну-бурун (рис. 31). Невозможно представить, как это делалось раньше, что ВЛО была главной крепостной позицией. Ее высокие (до 8 м), но тонкие (около 1 м) стены, не прикрытые ни рвом, ни протейхизмой, не обеспечивали бы надежную оборону на фронте протяженностью около 700 м, на котором противник мог атаковать эту линию, беспрепятственно развернув штурмовые средства. Открытие ГЛО позволило понять действительное значение оборонительного рубежа, прикрывшего заселенную территорию плато. Его появление, с одной стороны, объясняется тем, что в эпоху развитого феодализма произошли изменения в тактике, на-

ступательного и оборонительного боя, с другой, изменилась социально-экономическая структура поселения на плато. Оно получило достаточно выраженное в планировке районирование. Формировались кварталы, центрами которых становились небольшие церкви с примыкающими к ним кладбищами.

Поселение имело сложную социальную структуру, о чем говорит существование цитадели на мысе Тешкли-бурун и княжеского дворца в центральной части плато.

ВЛО становится конкретно выраженной границей поселения, которое приобрело характерные черты феодального города. Иным по сути оно быть не могло, поскольку в эпоху феодализма укрепления мог иметь только город или замок (228, с.64), но роли замка Мангуп XIV—XV вв. никак не соответствует. Уже само наличие сложной фортификационной системы по примеру средневековой Руси говорит о типологическом месте такого памятника в группе городов (225, с.58). Строгая оконечность ядра поселения крепостными стенами является характерной чертой городов XIII—XV вв. Столь же типично присутствие в них административных резиденций, причем на Мангупе их было две (речь о них пойдет ниже).

ВЛО имеет длину около 620 м. Она протянулась от места, где южный обрыв плато переходит в западный край Чамну-буруна, и до юго-западного склона Гамам-дере, смыкаясь там с укреплением А. XV. Такое расположение линии указывает, что ее создатели считали балки Табана-дере и Лагерную наиболее опасными в случае военной угрозы городу. Возможно, что это — свидетельство неуверенности в способности гарнизона и феодального ополчения обеспечить надежную оборону всего контура плато и предотвратить просачивание через периферийные звенья ГЛО мелких групп неприятеля.

В компоновке ВЛО хорошо выражены иные принципы, нежели заложенные в ГЛО. В целом прямолинейность начертания линии В, за исключением участка, пересекающего истоки балки Табана-дере, говорит о новой системе организации флангового обстрела. Он обеспечивался теперь не танталым расположением куртин, а башнями, расставленными с частотой, зависящей от степени вероятности удара неприятеля по тому или иному участку. Наиболее насыщен башнями северо-восточный фланг ВЛО: здесь на протяжении около 350 м почти равномерно расставлено шесть башен.

среднее расстояние между ними составляет 46 м. Юго-западный участок ВЛО протяженностью 270 м имеет только три башни, причем башня В.2 разрушена настолько, что определить ее местонахождение визуально сейчас очень трудно. О ее существовании можно судить по плану Мангупа, опубликованному А. Л. Бертье-Делагардом в 1918 г. (36, с. 10—11, рис. 2). Судя по нему, расстояние от башни В.2 до В.1 составляло около 95 м, а до В.3—118 м. Такая неравномерность в распределении башен находится в зависимости от защитных свойств рельефа (268, с. 240). Она хорошо прослеживается в ряде русских крепостей XIV—XV вв. (Изборск, Порхов); это, по мнению В. В. Косточкина, свидетельствует о делении обороны на «активную» и «пассивную». Только широкое распространение в крепостной войне артиллерии со второй половины XV в. привело к более строгой ритмичности в расположении башен (135, с. 132—140), обеспечившей равномерное фланкирование участков (228, с. 182).

Как видно, центральный участок обороны Северного фронта, в особенности основание Чуфут-чарган-буруна, считался в крепости самым опасным. Концентрация башен здесь показывает, что удар ожидался прежде всего из Лагерной балки, что подтвердили события 1475 г.

Конструктивно стены ВЛО резко отличаются от раннесредневековых. Кладка эмплектон с применением квадров ушла в прошлое. В XIV—XV вв. главный строительный материал — ломаный известняк, господствует иррегулярная бутовая кладка. Важно отметить, что нигде в сооружениях ВЛО, за исключением башни В.4, перестраивавшейся в турецкое время, не применялся тесаный камень; это указывает на то, что строительство их велось в период расцвета города, не имевшего руин. В кладке использовалось большое количество известкового раствора с просеянным песком. На этом же участке впервые было исследовано основание стены ВЛО и установлено, что при строительстве вначале был вырыт котлован глубиной около 1 м и шириной до 1,5 м, в него был уложен фундамент, заполнивший весь объем котлована, и на нем была возведена стена, толщиной 0,9 м. Несмотря на наличие фундамента, стена, стоявшая на культурном слое раннесредневекового времени, приобрела довольно значительный уклон в сторону ската Лагерной балки (рис. 32). Надо полагать, что куртины, стоящие на мысах,

имели в качестве основания материковую скалу, залегающую там на глубине не более 0,5 м.

Возведение стен из необработанного или грубообработанного камня требовало введения в конструкцию деревянных продольных и поперечных связей, образывавших жесткие пояса, разбивавшие кладку на ярусы высотой 1,5—2 м. Отверстия поперечных балок хорошо видны в стенах, во многих из них дерево неплохо сохранилось. Вероятно, концы балок когда-то выступали из тыльной плоскости стены, служа пальцами лесов, хорошо знакомых по древнерусской фортификации (Изборская крепость) (226, с. 178). Такая анкеровка стены предотвращала рассадку кладки до оптимальной степени отвердения строительного раствора, достижение которой требует десятков и даже сотен лет (108, с. 88).

О характере венчания стен ГЛО можно судить по участкам куртин А и Г, сохранившихся на полную высоту. Здесь хорошо видно, что верх стены с напуском в обе стороны покрыт кладкой из мелкого бута и щебня, образующей кордон для защиты сооружения от дождевой воды. Зубчатого венчания стены не имели. К XV в., как известно, все большее распространение в фортификации приобретал сплошной бруствер, что связывается обычно с появлением огнестрельного оружия, легко разбивавшего отдельно стоявшие мерлоны (155, с. 16; 221, с. 72). Защитники размещались на деревянном помосте, насланном на выступающие из стены балки и, вероятно, поддерживавшемся деревянными столбами. Стрельба велась поверх бруствера, в фортификационной науке это называлось «стрельба через банк» (286, с. 9—10).

Башни сооружались с особой тщательностью, о чем свидетельствует их сохранность. Углы их, в соответствии с требованиями Альберти, выкладывались из крупных грубоколотых камней, уложенных «наподобие рук» (15, с. 83—84), то есть поочередно выступающих то в одну, то в другую сторону. По высоте башни незначительно превосходили примыкавшие к ним куртины, что, вероятно, отражало новые веяния в военно-инженерном деле, связанные с внедрением огнестрельного оружия (154, с. 111—112).

Все башни ВЛО имели открытую горжу. Хотя Альберти рекомендовал строить башни, закрытые с четырех сторон, однако допускал, что можно оставлять открытым тыл тех из них, захватив которые, противник мог вести

оттуда обстрел главной башни (дитадели) (15, с. 135). Нельзя также сбрасывать со счетов относительную дешевизну такой конструкции, а также возможность контроля и зрительной связи со всеми башнями из командного пункта крепости. Последнее обстоятельство, по нашему мнению, было в первую очередь учтено при создании комплекса ВЛО: наряду с укрепленным рубежом в него входил еще один важный элемент — так называемый дворец мангупских князей, расположенный в центральной части плато в 100 м к юго-востоку от большой базилики.

Исследования этого памятника были начаты в 1912 г. Р. Х. Лепером (157, с. 73—79, 146—154); в самом их начале была обнаружена надпись на плите из местного известняка, к сожалению, от нее сохранилась лишь вторая половина текста. Из нее явствует, что в октябре 1425 (6934) г. на плато была возведена какая-то постройка вместе с дворцом. Раскопки этого памятника были продолжены в 1938 г. А. Л. Якобсоном. Исследователь реконструировал дворец как асимметричный ансамбль, «на северной и южной периферии которого высились с одной стороны донжон, с другой — центральное двухэтажное здание. К последнему примыкали одноэтажные, иными словами — пониженные, служебные помещения и хозяйственные пристройки, а к донжону — открытая галерея, объединявшая южную группу построек в единый архитектурный ансамбль» (292, с. 418).

В 1968 г. экспедицией УрГУ под руководством Е. Г. Сурова были проведены раскопки остатков башни, погибшей, как было установлено, в результате сильного пожара. Она была реконструирована как «прямоугольное, приближающееся к квадрату сооружение, вероятно, оштукатуренное снаружи. Доступ в нее мог быть со второго этажа — по съемной лестнице со второго яруса галереи. Башню украшала большая надпись, вставленная в южную стену и, возможно, мерлоны-карнизы... (вероятно, Е. Г. Суров подразумевал машину. — А. Г.). Состояла башня из подполья и трех этажей... Перекрытием второго этажа служили плиты, опиравшиеся на балки... Над этим перекрытием, вероятно, возвышался барьер с мерлонами на высоту, способную защитить стражу, находившуюся на верхней площадке башни» (255, с. 97—98). Е. Г. Суров предложил реконструкцию дворца как замкнутого симметричного архитектурного комплекса (255, с. 98—99). Для проверки этой ре-

конструкции необходимы дальнейшие исследования. Работы Е. В. Веймарна, начавшиеся в 1974 г., к сожалению, не были продолжены.

Для нас весьма важен вывод всех исследователей о крепостном характере комплекса, который вполне типичен для эпохи развитого феодализма, когда в городах дворцы становились замками сеньоров, причем обеспечивающими не только защиту людей, но также материальных ценностей и прежде всего запасов продовольствия (310, с. 195). При раскопках в северной части мангупского дворца были обнаружены в большом количестве обгоревшие зерна пшеницы, проса, гороха и фасоли (65, с. 263—264).

Верхний открытый этаж донжона, как это видно на плане крепости (рис. 31), был прекрасным наблюдательным пунктом, с которого просматривалось внутреннее пространство всех башен ВЛО: все они развернуты горжой ко дворцу. Только башня В. 6 заслонялась массивом большой базилики, оказавшейся расположенной вплотную к обороне после возведения нового ее рубежа.

Рассматриваемая система планировки укрепления, то есть сочетание оборонительной линии с командно-наблюдательным пунктом, получила распространение в Крыму со времени появления итальянских крепостей. Они стали своеобразной демонстрацией достижений западноевропейского военно-инженерного дела. Военное противостояние Феодоро и генуэзских колоний стимулировало изучение военного опыта противника.

А. Л. Якобсон, говоря о крепостных сооружениях, включенных нами во ВЛО, справедливо отмечает их сходство с генуэзскими постройками (297, с. 125). Можно добавить, что и планировка этого узла крепостного ансамбля Мангула очень напоминает крепость Солдайи, где ГЛО опоясывала подножие горы, а управлялась она из Консульского замка, стоявшего на вершине. Конечно, стены и башни Судака более монументальны, но на Мангуле это был второй оборонительный пояс, поэтому его сооружения были скромнее и проще. Все башни здесь одноярусные, в то время как в Судаке были двух- и трехъярусные. В то же время расстояния между башнями в Судаке весьма близки к ВЛО Мангула, составляя в большинстве случаев от 50 до 65 м (238, с. 58—64). В генуэзской крепости Кафы расстояние между башнями составляло около 40—50 м (273, с. 40), причем протяженность внешней оборонительной

линии города достигала в середине XIV в. 5474 м; она была самой длинной в Крыму, составленной из искусственно созданных укреплений. Протяженность ГЛО Мангупа на 1 км больше, однако она проходила по искусственным и естественным рубежам, которые составляли свыше 3/4 общей длины обороны.

Близкое к ВЛО Мангупа решение имеет крепость Чембало, наиболее придвинутая к центральной области владений князей Феодоро. Ее башни в ясную погоду хорошо просматриваются с южной части плато Мангупа.

Особое положение в крепости Феодоро занимал акрополь, располагавшийся на крайнем северо-восточном мысе Тешкли-бурун (рис. 33). Живописные руины этого укрепления более всего обращали на себя внимание путешественников и исследователей. В литературе достаточно подробно описаны его архитектурные особенности, поэтому ограничимся лишь военно-инженерной характеристикой.

Цитадель является типично мысовым укреплением, спланированным с максимальным учетом выгодных качеств рельефа. Пожалуй, ни один другой мыс плато не подходил так для этой роли. Защита его с напольной стороны требовала минимальных затрат: длина укрепленной линии составляла 102 м, в то время как обвод мыса, представляющий собой отвесный обрыв высотой 25—30 м, протянулся на 535 м. Укрепленная площадь равнялась 1,2 га.

Удачным место для цитадели было и потому, что оно могло служить убежищем гарнизону и командованию на случай прорыва неприятелем ГЛО и ВЛО; кроме того, с мыса, как отмечалось, хорошо просматривалась и простреливалась главная колесная дорога, что делало цитадель не только последней надеждой защитников, но и стратегическим ключом крепостного ансамбля в целом.

Важнейшее значение для выполнения первой роли имело напольное укрепление, состоявшее из двух куртин А и Б, длиной, соответственно, 53 и 30 м. Между ними возвышалось трехэтажное здание, именовавшееся в литературе то донжоном, то казармой, то дворцом. Оно выступает из укрепленной линии вперед, обеспечивая анфиладный обстрел перед фасадами стен. Такое планировочное решение говорит об учете иных тактических принципов крепостной войны по сравнению с раннесредневековым временем. Отказ от исходящего угла в начертании линии и придание ей слабой тенальности (прием совершенно не характерный для мысовых укреплений до

XII—XIII вв.)* находит объяснение в увеличении эффективности штурма в тактике осадных действий XIV—XV вв. Это хорошо видно на примере русских крепостей данного периода (228, с. 178). Возросла необходимость усиления фронтального обстрела, но еще важнее было создать максимально интенсивный фланкирующий обстрел. В решении цитадели Мангупа последнее стремление особенно выражено, даже утрировано. Тяжеловесный донжон зримо доминирует над всей укрепленной линией, оттесняя на задний план куртины, отходящие от него к краям обрывов. Такая несоразмерность системы могла возникнуть в результате того, что здание имело не только боевое назначение, но и служило княжеской укрепленной резиденцией, которой постарались придать соответствующее величие. Кроме выразительных размеров, обращает на себя внимание декоративное убранство фасада, обращенного на мыс.

При возведении цитадели происходила расчистка эспланады, о чем свидетельствуют вырубки в скале, открытые в 1975 г. при раскопках у фасадов оборонительных стен и донжона. Особенно показательны расширенные в 1967 г. в 8 м к югу от юго-восточной (Б) куртины цитадели остатки вырубленного в скале основания небольшой одноапсидной церкви, стоявшей над склепом с двумя лежанками. Этот комплекс датируется Е. В. Веймарном по эски-керменским аналогиям приблизительно X в. (66, с. 126—127). Несомненно, что эта постройка была несоместима с укреплением и потому ее (или ее руины) разобрали до последнего камня. Не исключено, что многочисленные архитектурные детали, а также орнаментированные надгробные плиты в кладке стен донжона взяты из этого памятника и других, более отдаленно расположенных, построек.

Фронтальный обстрел эспланады производился с боевых площадок куртины, высота их обороны составляла от 3,5 (Б) до 6 (А) м. Несомненно, что в этом обстреле участвовал и донжон, но его боевые фасадные стены сохранились лишь на высоту цокольного этажа. На втором этаже в юго-восточной стене находится ниша, перекрытая килевидной аркой и заложная кладкой, в которой была проделана бойница. Такая конструкция была весьма распространена как в архитектуре Малой Азии, так и в Восточной Европе. Близкие

* До конца I тысячелетия н. э. в планировке мысовых укреплений господствовал исходящий угол (184, с. 63).

примеры можно найти в башнях Константинополь (323, с. 102—103) или в Изборской крепости (226, с. 178—179). Именно так Альберти рекомендовал сооружать амбразуры в толстых стенах зданий (15, с. 90). В этой же стене находится арочный проем, выводящий на боевую площадку куртины Б. На куртину А можно было попасть с террасы у заднего фасада донжона по лестничному входу через площадку над воротами цитадели. Бруствер сохранился только на участке ворот и на юго-западном фланге куртины Б. Однако, как отмечалось еще в I главе, скорее всего, он перестраивался при турках не ранее второй половины XVII в.

Толщина оборонительных стен цитадели достигала 2,8 м. Структура их трехслойная. Лицевой панцирь выполнен однорядной орфостатной простой кладкой из известняковых блоков со средними размерами 0,4×0,6 м. Наилучший по сохранности участок кладки находится на юго-восточном фланге куртины Б. На остальном протяжении стен нижние ряды облицовки подвергались выборке, в результате чего обнажились большие участки забутовки. Не исключено, что блоки добывались из каких-то полуразрушенных оборонительных сооружений раннего средневековья, скорее всего, в Капу-дере из укрепления А. XVI, где сохранился квадратный пояс лишь на высоту до 2 м, а выше идет бутовая иррегулярная кладка. Ядро куртин цитадели составляет бут среднего и крупного размера, а тыльный панцирь выложен из грубоколотого бута крупного размера.

Лицевая часть северо-западной куртины (А) имеет неоднородную кладку. В верхней и средней ее части уложены квадраты, образующие ровные ряды на протяжении всего сооружения, а в нижней части преобладает равный бутовый камень. Эта разнородность несомненно связана с ремонтными работами, последовавшими за выборкой камня из лицевой кладки. Вероятно, после захвата Мангупа турками цитадель на некоторое время превратилась в каменоломню, а затем вновь ей была возвращена оборонительная функция. Не исключено, что такая реконструкция могла иметь место и во времена Феодоро. Хищническая выборка камня из стен цитадели продолжалась до первого десятилетия XX в. включительно. Так, на фотографии куртины Б, помещенной в путеводителе по Крыму, выпущенном в 1902 г., хорошо видно, что облицовка еще сохранялась на всю высоту в

северо-западной части куртины (33, с. 137), к 20-м гг. она уже была разобрана, частичное ее восстановление произведено в 1974—1975 гг. крымскими специальными научными производственными мастерскими. К сожалению, реставраторы восстановили кладку из штучного камня среднего размера вместо требуемой из больших блоков.

О застройке территории Тешкли-буруна, прикрытой напольным укреплением, пока известно мало. В центре мыса находился небольшой восьмигранный в плане храм, раскопанный Ф. А. Брауном (1890 г.) и Р. Х. Лепером (1912 г.), бывший, вероятно, княжеской капеллой. Это уникальное для христианской архитектуры Крыма сооружение обычно датируют VIII в. (27, с. 16). Однако планировочная привязанность к цитадели, возникшей в период княжества Феодоро, архитектурная цельность и сохранность этого памятника могут быть указанием на более позднюю дату. В Крыму в XIV—XV вв. получили распространение центрально-купольные постройки — мавзолей (дюрбе) татарской знати, имеющие обычно в плане форму восьмигранника (43). Не исключено, что этот «типовой проект» по заказу правителя Мангупа мог быть приспособлен под христианский храм. Этому предположению соответствуют многочисленные малоазийские по характеру детали декора донжона цитадели, двора князя Алексея и большой базилики, хронологически и стилистически сочетающихся с мавзолеями этого типа. В дальнейшем необходимо провести всесторонний архитектурный анализ октогонального храма в цитадели для окончательного решения о его дате и для культурно-исторической интерпретации. Бытовая застройка цитадели затронута раскопками у тыльной стороны куртины А. О существовании такой застройки можно судить также по многочисленным вырубкам на поверхности материковой скалы, свободной от земли в районе оконечности мыса.

На Тешкли-буруне наблюдается наибольшая для Мангупского плато концентрация искусственных пещерных сооружений, которых здесь насчитывается 31. По своему назначению они могут быть разделены на три группы: оборонительные, культово-погребальные и водосборные. Первые две были описаны Е. В. Веймарном на основании наблюдений и зачисток, проведенных в 1938 г. (53, с. 424—428). Что касается водоснабжения цитадели, то этот вопрос был разрешен в 1966 г. расчисткой вырубленного в скале колодца

глубиной 23,6 м. Лишь позже стало известно его описание, сделанное во второй половине XVII в. Эвлией Челеби. Колодец был пробит с расчетом перехвата водоносной трещины, из которой вода поступала в естественный грот в подножие обрыва мыса. Колодец аналогичной конструкции известен также в «новом городе» Чуфут-кале. Привязан к естественному гроту и осадный колодец Эски-кермена (232, с. 199—202).

Оборонительные казематы, как правило, имеют вход с плато в виде люка. В обрыв выходят амбразуры, из которых с высоты 20—30 м просматривалась главная колесная дорога, огибавшая подножие мыса. Характерен одиночный каземат № 2, имеющий узко направленную бойницу (рис. 35). Система обстрела дороги была хорошо продумана с учетом как дальнобойного оружия (лука), так и ручного метания камней. Показательно в этом отношении решение амбразур каземата № 18, входящего в пещерный комплекс III (рис. 35).

Наиболее сложный оборонительный комплекс, известный под названием «Барабан-коба», расположен на оконечности мыса. Он разделен на три яруса. В нижнем находилась, вероятно, тюрьма. В нее вели два лестничных спуска, один ранний, через кругой тоннель, второй более поздний, прорубленный по краю скальной стены.

Два из трех пещерных культовых христианских комплексов Тешкли-буруна непосредственно связаны с обороной. Особенно показательна так называемая «гарнизонная церковь», расчищенная в 1912 г. Р. Х. Лепером. В апсиде ее, нависающей над обрывом, есть бойница, из которой в случае необходимости можно было стрелять по дороге.

Что касается хронологии оборонительного строительства на Мангупе времени княжества Феодоро, то датирование защитных сооружений, выделяемых нами в качестве ГЛО, решалось прежними исследователями единодушно. Они полагали, что основанием их являются раннесредневековые кладки, а видимые надземные части стен относили к XIV—XV вв. (см. I главу). А. Л. Якобсон считал, что строительство крепостных стен и башен было завершено в 20-х гг. XV в. князем Алексеем (297, с. 124), опираясь, очевидно, на содержание инкерманской надписи 1427 г. и мангупской — 1425 г.

Несомненно, что эпиграфические источники дают основную информацию о фортификацион-

ных мероприятиях в Феодоро, их дополняют данные новейших археологических раскопок. В совокупности они рисуют следующую картину. В 60-х гг. XIV в. на плато началось возведение крепостных стен ВЛО, о чем сообщает надпись, найденная Р. Х. Лепером в 1913 г. во вторичной кладке большой базилики. Приведем ее текст в переводе Н. В. Малицкого: «Господи Инсусе Христе боже наш (благослови) основавших (сию) стену, построена эта башня верхнего города почтенной Пойки помощью божией и святого Димитрия и попечением всечестнейшего нашего Хуйтани сотника (достойного?) всякой чести и (совершено) восстановление Феодоро, вместе с Пойкой построены в 6870 г.» (164, с. 9—10). Обратим внимание на упоминание о восстановлении Феодоро, его можно толковать как указание на то, что крепость пребывала в разрушенном состоянии. Действительно, материалы археологических исследований, в особенности в Лагерной балке и в цитадели, показывают, что после X в. наступила пауза в жизни поселения. Возрождение началось после длительного запустения, когда произвели перепланировку старой разрушенной застройки. Отмечается резкая смена материальной культуры, которая уже становится типичной для Таврики XIII—XV вв. (302, с. 157—158). В данном случае связывать это со сменой населения невозможно. Скорее это — результат обживания Мангупского плато тем же населением горных районов, вступившим в новую историческую эпоху — расцвета феодальных отношений. Зримым итогом этого процесса было появление городов. Можно еще раз обратиться к примеру Молдавии, тесно связанной с Крымом политическими отношениями на протяжении XIV—XV вв. Процесс феодализации начался там с IX—X вв., однако развивался медленно, сдерживаемый господством Золотой Орды. Только к концу XIV в. начали зарождаться города в современном понимании этого термина (212, с. 366). Естественно, что на Таврику такая аналогия может быть распространена с известными оговорками. Здесь и до XIV в. существовали города: Херсон, Кафа, Солдайя, Солхат. Однако для внутренних горных районов полуострова — территории, вошедшей в состав Феодоро, это наблюдение вполне приемлемо.

Сотник Хуйтани, организатор строительства новых укреплений Мангупа, по мнению Н. В. Малицкого, может быть отождествлен с Дмитрием, названным Шлецером ханом Ман-

лопским, разбитым Ольгердом в 1363 г. на Сивих Водах вместе с ханами Крымским (Солхатским) и Киркельским (Кыркюрским) (164, с. 11—14).

Особый интерес в надписи представляет упоминание Пойки, построенной, а не восстановленной, вместе с Феодоро в начале 60-х гг. XIV в. По поводу локализации этого пункта высказано несколько предположений. Нашедший и первым опубликовавший надпись Р. Х. Лепер считал, что это — кремль Мангупа, его цитадель, в чем его поддержал Н. И. Репников. А. Л. Бертъе-Делагард полагал, что это скорее часть передовой стены в Табана-дере (36 с. 32). Начиная с А. И. Маркевича распространилась гипотеза о тождестве Пойки с близким по звучанию названием массива Бойка близ с. Соколиного в 20 км к северо-востоку от Мангупа (171, с. 21), на котором известны следы нескольких средневековых поселений (94). Эту точку зрения принял А. Л. Якобсон (299, с. 302). Однако еще Н. В. Малицкий исходя из точного смысла надписи убедительно доказал территориальную неразрывность Пойки с Феодоро (164, с. 10—11). На наш взгляд, это мнение наиболее соответствует наблюдаемой на Мангупе ситуации. Нет ничего странного в том, что цитадель имела особое, отличное от города в целом название. Именно так было во многих крупных средневековых городах, например, в Тбилиси, Дербенте, Семендере и др. (136, с. 373). При раскопках у тыльной стороны куртины А цитадели была открыта строительная траншея (рис. 36), перекрытая слоем строительного мусора. В ней среди малоыразительной строительной керамики были найдены фрагменты неорнаментированной столовой посуды, покрытой зеленой поливой, характерной для слоя XIV—XV вв. Над воротами цитадели, как свидетельствовали Мартин Броневский и Эвлия Челеби (см. I главу) была надпись, напоминавшая по внешнему виду надписи на плитах времени правления Алэксея (30—40-е гг. XV в.). Однако этот тип надписей мог появиться и раньше под влиянием генуэзской геральдики. Интересно, что близкая по внешней фактуре и стилистике надпись есть в стене крепости Монкастро (совр. Белгород-Днестровский), где она датируется концом XIV в. (71, с. 373) — первой половиной XV в. (123, с. 65—66). В это время была сооружена и цитадель крепости (262), которую так же, как и цитадель Мангупа, первоначально считали то генуэзской (188,

с. 480—483), то турецкой, построенной не ранее XVI в. (230).

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что возведение цитадели было начато в 60-е гг. XIV в.* одновременно с восстановлением стен внешнего рубежа, т. е. был произведен ремонт ряда укреплений ГЛО — «восстановление Феодоро». О том, что топоним Феодоро первоначально связывался современниками именно с крепостью, свидетельствует надпись, обнаруженная еще А. Х. Стевеном в башне В. 4, что в верховьях Табанадере (ныне надпись хранится в БИАМ). Дата может быть установлена лишь приблизительно, так как две последние буквы в ее обозначении не сохранились, а первые две указывают 68-е столетие от сотворения мира, то есть XIV в. (164, с. 15—19).

Возведение ВЛО было, вероятно, вызвано важными событиями в жизни княжества, заставившими позаботиться об усилении защиты столицы. Причиной могло послужить резкое обострение отношений с генуэзцами, которым удалось вынудить Золотую Орду после поражения на Куликовом поле подписать договор о передаче им территории Готии, несомненно рассматривавшейся правителями Мангупа в качестве неотъемлемой части своих владений (331, с. 177—182). Особенно экспансия генуэзцев стала ощущаться после захвата ими Чембало и основания там крепости, по-видимому, в 1357 г. (328, с. 129—131). В этой связи обращает на себя внимание надпись на мраморной плите, извлеченная Ф. А. Брауном в 1890 г., вероятно, из той же башни В. 4. Несмотря на фрагментарность текста, В. В. Латышевым (150, с. 55) и Н. В. Малицким было установлено, что речь в ней идет о возведении каких-то крепостных сооружений неким сотником Чичикием в правление хана Тохтамыша, скорее всего в 80-х гг. XIV в. (164, с. 5—7). Не является ли это указанием на строительство ВЛО? Она могла понадобиться не только как новый реальный элемент крепостного ансамбля, но и как своеобразная политическая демонстрация решимости прочно отстаивать позиции Феодоро в борьбе за суверенитет своих владений.

О том, что генуэзцы вынашивали планы захвата столицы княжества, свидетельствует письмо инженера Джованни Пиччинино от 6 октября 1455 г., направленное протекторам

* Вероятно, в это же время начали высекать казематы для контроля главной дороги (82).

банка св. Георгия, к которому перешло руководство колониями после падения Константинополя (1453 г.). В письме содержится просьба предоставить отряд в сто человек, с которым его автор берется захватить крепость Феодоро, но в то время турецкая опасность заставила кафинские власти холодно отнестись к такому авантюрному предприятию (331, с. 232).

Следующим этапом в развитии оборонительной системы города стало возведение в 1425 г. дворца, а затем в 30—50-х гг. был создан валганг на укрепленном рубеже в Лагерной балке. Его сооружение, возможно, было вызвано эффективностью нового осадного оружия — пушек, которые впервые были с успехом применены в Крыму именно против феодалов, отбивших у генуэзцев в 1433 г. Чембало. 7 июня 1434 г. военно-морская экспедиция из Генуи приступила к обстрелу крепости из небольших судовых пушек и в тот же день часть башни и значительный участок стены были разрушены, что фактически решило судьбу крепости; на следующий день она была захвачена, а еще через день без боя сдалась Каламита (127, с. 116—118).

29 мая 1453 г. после двухмесячной осады пал Константинополь, в стенах которого осадные орудия турок пробили огромные брешь. В 1454 г. турецкий флот совершил набег на южное побережье Крыма (127, с. 129—130). Тогда же на Мангупе были получены сведения от пленного турка о намерении Мехмеда II вторгнуться в Крым, о чем князь Мангупский Олобей (Улу-бей) предупреждал в письме и консула Кафы (127, с. 131). Вероятно, это были сведения о встрече и переговорах хана Хаджи-Гирея с командующим турецким флотом Демиром Кахъей, в результате которых было заключено соглашение о доступе турок на Крымский полуостров. Оно окончательно определило ход событий, приведших в 1475 г. к фактическому захвату полуострова Османской империей (237, с. 263).

По мере роста турецкой опасности, вероятно, проводились и другие оборонительные мероприятия, но в основном реконструкция крепости завершилась к 3-й четверти XV в. Это не слишком долгий срок, если учесть, что генуэзцы строили крепость Солдаи с 1371 по 1414 г. (328, с. 107—120), вернее, они совершенствовали ее, перестраивая и подстраивая башни в уже существовавшее оборонительное рубеже. Именно так следует толковать данные судакских надписей. Создание же укрепленной

линии производилось в более сжатые сроки. Продолжительность строительства зависела от концентрации рабочей силы, снабжения и умелости руководства. Известно, например, что крепость Румели-хисар на берегу Босфора строилась под неусыпным наблюдением Мехмеда II в течение 4,5 мес. (1452 г.) (224, с. 69). Возведение стен вокруг Килии началось 22 июня 1479 г. и закончилось «в то же лето руками 8 сотен каменщиков и 17 тыс. подсобных рабочих» (241, с. 52). А императору Мануилу II Палеологу удалось построить укрепленную линию Гексамиллий на Истме со 153 башнями и двумя крепостями за 25 дней! (242, с. 98). К сожалению, сведений подобного рода о средневековых крымских крепостях не сохранилось.

Важным событием в истории Мангупа, представляющим особый интерес для нашего исследования, является его оборона в 1475 г. от турецких войск. Это один из ярких эпизодов крымского средневековья, который воссоздают скудные письменные и многочисленные археологические материалы. Турецкая осада Мангупа была своеобразной апробацией крепости, основанной в раннее средневековье, в условиях применения осадных огнестрельных орудий, а также проверкой на деле ее инженерных решений и тактической силы.

Турецкое завоевание Крыма последовало вскоре после падения Византии. Османская армия была хорошо подготовлена к этой кампании, проведя ряд успешных походов на Балканах. Однако начало 1475 г. ознаменовалось для Османской империи тяжелым поражением при Васлуе (у слияния рек Раковы и Вырлада) от молдавского господаря Стефана (10.01.1475 г.). Предпринимая новое наступление на Молдавию, Мехмед II вначале обрушился на Крым, рассматривая его захват как средство давления на польского короля Казимира, который после падения Мангупа, весной 1476 г., вынужден был заключить соглашение с султаном (239, с. 214—215).

В третьей четверти XV в. турецкая опасность тесно сплела исторические судьбы Феодоро и Молдавского княжества, а их обоих с Московским государством, в котором они видели наиболее реального союзника в борьбе с турецкой военной угрозой.

Связи Феодоро с Москвой прослеживаются с конца XIV в. Существует версия о происхождении знатного княжеского рода Ховриных-Головинных от фамилии трапезундских Гаврасов, правивших Феодоро (331, с. 200—201).

Отношения Феодоро с Молдавией были закреплены в сентябре 1472 г. заключением брака между Стефаном III (Великим) и мангупской княжней Марией (241, с. 27, 64, 118), умершей в 1477 г. (241, с. 29, 65). Елена, дочь Стефана от первого брака с княжной Евдокией, сестрой киевского князя Семена Омельковича, была выдана в 1483 г. за сына Ивана III Ивана (239, с. 218), за которого ранее прочили дочь предпоследнего мангупского князя Исаака (Исайко) (1471—1475 гг.), и переговоры об этом шли успешно в 1474 и 1475 гг. (116, с. 40—41, 87—89), так как Иван III рассматривал этот брак как возможность упрочить свое влияние в Крыму (31, с. 107—108), но в конце 1475 г. Мангуп был захвачен турками.

Письменные источники, относящиеся к этому событию, были собраны А. А. Васильевым (331, с. 249—266). В совокупности они рисуют следующий ход событий. После смерти князя Исаака, последовавшей, вероятно, весной 1475 г., на мангупском престоле оказался неизвестный по имени правитель, возможно, племянник покойного князя. В мае или начале июня он был свергнут младшим братом Исаака Александром, шурином Стефана III, который оказал свою помощь, предоставив корабль и 300 вооруженных валахов, помогших Александру добыть престол и составивших, вероятно, костяк гарнизона, защищавшего Мангуп от турок.

Высадившиеся под Кафой 31 мая 1475 г. османские войска под командованием великого визиря Кедук-Ахмет-паши 6 июня вступили в город, открывший ворота. В течение июня — июля была захвачена вся территория южнобережной Готии. В июле турки подошли к Мангупу и, вероятно, потерпев неудачу в попытке взять его с ходу, вынуждены были приступить к осаде. Союзником их стал некий князь Текур (Течур), возможно, изгнанный Александром предшественник, который подъезжал к стенам города и уговаривал осажденных сдать, но успеха в своих призывах не имел. Предприняв пять неудачных штурмов, турецкий военачальник пошел на хитрость. Якобы отступив с войском от крепости, он оставил в засаде отряд, который, дождавшись выхода защитников за стены, бросился в атаку и на плечах отступающих ворвался в город. Георг Нюрнбергский упоминал о пленении в городе трех королей и 15 тыс. человек жителей (330, с. 206). О том, что последнее число преувеличено, говорилось, а что касается королей

(князей), то, возможно, имелись в виду владельцы феодальных уделов, на которые, вероятно, распадалась территория Феодоро. Кроме того, некоторые источники сообщают о бегстве неких генуэзцев, в том числе и представителей администрации колоний, принявших участие в обороне Мангупа. Город пал в конце декабря 1475 г. Таким образом, осада продолжалась почти полгода, став одной из самых трудных кампаний турецкой армии в Северном Причерноморье.

Остатки оборонительных сооружений хорошо запечатлели события 1475 г. и дополняют сведения письменных источников. Османская армия во второй половине XV в. была прекрасно организована и оснащена (189), превосходя военные силы большинства европейских держав (101, с. 89). Военные успехи турок, в частности на Балканах, объясняются не только военными преимуществами их армии, но и тем, что она имела дело с внутренне слабыми, феодально раздробленными государствами (98, с. 5). Численность ее накануне осады Константинополя достигала 200 тыс. человек (179, с. 12—13).

Для захвата Крыма была снаряжена экспедиция, включавшая от 300 (103, с. 14) до 370 (194, с. 53) судов. В Гейд со ссылкой на генуэзский источник (разведывательное доносение из Константинополя от 19 мая 1475 г.) приводит следующие данные: 180 галер, 3 малые галеры, 170 грузовых судов и 120 судов для перевозки лошадей (77, с. 179). По некоторым данным, под Кафой было высажено сорокатысячное войско (278, с. 150). Со 2 по 4 июня артиллерия пробила первую линию крепостных стен Кафы, цитадель же сдалась без боя 6 июня, далеко не исчерпав всех резервов обороны. Таким образом, с первых шагов по крымской земле турки начали активно применять артиллерию, в развитии которой достигли выдающихся успехов, используя приглашенных или пленных европейских мастеров (330, с. 205). Пушки были главным средством, решившим судьбу столицы Византии в 1453 г. (113, с. 191). По словам А. А. Васильева: «...Мухамед II... был первым государем в истории, который имел в своем распоряжении настоящий артиллерийский осадный парк» (48, с. 75). Турецкие войны второй половины XV в. значительно стимулировали развитие военно-инженерного дела в области осады крепостей (178, с. 12—13). Нельзя согласиться с ранее высказывавшимся мнением о низкой эффективности артиллерии в борьбе против

каменных стен крепостей до начала XVII в. и преимуществе до этого времени стенобитных машин (183, с. 66; 226, с. 199).

Осада Мангупа потребовала от турецкого войска больших усилий и средств. Прежде всего, в связи с условиями открытой местности вокруг Мангупского плато необходима была значительная численность блокадного корпуса (259, с. 121), причем больше кавалерии, чем пехоты (111, с. 38), но первая была весьма мало полезной для действий при штурме в горных условиях (2, с. 111).

Другой проблемой для осаждающих был выбор места решающего штурма. Тактика горной войны вообще требует в таких случаях действий на нескольких направлениях (3, с. 242). Удобными для атаки считались (111, с. 38) фронты, которые составляли выдающиеся вперед части крепостной ограды, так как они могли быть охвачены траншеями меньшего протяжения (таких участков в обороне Мангупа не было), а также фронты, слабо обороняемые со смежных укреплений или слабо фланкированные. Это прежде всего укрепления Южного фронта Мангупа. Но, с другой стороны, они были надежно защищены естественной крутизной подступов, на которых не могли развернуться для атаки какие-либо значительные силы противника. В еще большей степени это относится к Западному фронту. Судьба крепости главным образом решалась на укреплениях Северного фронта.

Выгодны для нападающих и фронты, примыкающие к естественному препятствию, способствующему обеспечению фланга атаки от вылазок из крепости, но в условиях Мангупа эта слабость оборачивалась силой, поскольку со скальных выступов на края линий велся анфиладный обстрел атакующих. К ним относятся и фронты плохо дефилированные, в которых при обстреле издали могут быть сделаны обвалы. Пожалуй, самым уязвимым в этом отношении, исключая Южный фронт, было укрепление А. XIV, где слабо фланкирован был длинный северный фланг — куртины Б и В. Кроме того, этот участок обороны был плохо приспособлен для вылазок. Точно известно, что укрепление А. XIV в данный период не имело ни ворот, ни калитки, о других укреплениях Северного фронта на этот счет данных нет, но следы древних дорог указывают, что стены, пересекавшие ущелья, по крайней мере в XIV—XV вв., ворота имели. Вылазки защитников были тем более опасны для осаждающих в условиях Мангупа, что

первые имели огромное преимущество, наступая сверху вниз, не давая противнику развернуть свои силы в узкой долине (1, с. 100).

Считали слабыми и фронты, не усиленные ретраншементами. Это относится к укреплению А. XV, не имевшему позади себя ВЛО. Развитие действий показывает, что осаждающие имели весьма точные сведения о сильных и слабых местах крепости, это и не удивительно, исходя из присутствия в их стане перебежчиков, таких, как Текур.

Кроме соображений общего тактического характера, мы можем руководствоваться при реконструкции хода осады сведениями из турецких военных трактатов, относящихся к рассматриваемому времени и несомненно знакомых командованию блокадного корпуса. Известно, что Мехмеду II Фатиху в середине XV в. была преподнесена в дар рукопись трактата о военном искусстве (104, с. 284).

В одном из них глава о крепостях начинается так: «Самая мощная и неприступная крепость — это та, что расположена на вершине горы и окружена башнями и зубчатой стеной... Если будет тебе дана такая крепость, как указано выше, то для завоевания ее нужно располагать состоянием Каруна (Креза), жизнью (т. е. долголетием) Нуха (Ноя) и терпением Эюба (Иова)» (105, с. 13). Далее содержится требование на тот случай, если взять крепость с ходу не удалось, то держать прочную блокаду и вести всеми способами разведку укреплений, заранее приготовить необходимые инструменты и материалы для проведения осадных работ, сеять раздор и смуту ложными слухами и подметными письмами среди гарнизона (105, с. 20).

Изложенное дает понять, почему основные действия турки развернули именно в Гамам-дере. Табана-дере не устраивала их потому, что здесь хоть пологость уклона была большей, однако создавалась серьезная угроза удара во фланг с господствовавшей над оврагом укрепленной линии А. VIII, а также А. VI, VII, XII, XIII. К тому же извивающийся тальвег не позволял иметь зрительную связь от подножия плато со штурмующими подразделениями.

Обход мыса Тешкли-бурун по дороге к главным воротам был бы для турок просто самоубийством. Южный и Западный фронты, как уже отмечалось, для развертывания крупных сил нападающих не подходили. Таким образом, оставался лишь один участок Северного фронта — центральное ущелье Гамам-

дере, являвшееся при всей силе Мангупской крепости ее самым слабым местом. Для осаждающих удобной она была по следующим обстоятельствам: во-первых, существовала возможность относительно широкого маневра с атакой по двум направлениям — на А. XIV и А. XV, причем первое укрепление, как говорилось, было самым уязвимым на Северном фронте. Во-вторых, находился обширный участок относительно пологого склона (до 30°), сравнительно удобный для развертывания наступательных действий. Но главным достоинством была возможность установки в Гамам-дере осадной артиллерии, на что не приходилось рассчитывать в других местах.

В развале стен укрепления А. XIV были найдены обломки гранитных ядер правильной шаровидной формы и с хорошо обработанной поверхностью, т.е. пушечные, а не камнеметные (120, с. 31). Некоторые сегменты ядер лежали прямо на поверхности земли. Еще недавно такую картину можно было наблюдать в некоторых местах Стамбула, где ядра лежали на тех же местах, где они упали в 1453 г. (48, с. 76). Находки показывают, что именно в Гамам-дере происходили главные события осады 1475 г. Затем в 1972—1973 гг. при зачистке фасов куртин А, Б и В были выявлены около 20 мест попаданий и даже два ядра, засевшие в кладке. Они позволили установить азимут директрисы стрельбы равный 35°. Встал вопрос о местонахождении турецкой батареи. Расположение орудий на восточном склоне Чуфут-чарган-буруна или в тальвеге Гамам-дере было невозможным, поскольку в таком случае угол возвышения стволов должен был превышать 45°, что исключалось, поскольку эффективность стрельбы сводилась бы на нет большой потерей начальной скорости, которая и так была невелика из-за медленного сгорания пороховой мякоти и, соответственно, малой ударной силы ядра в конце траектории. Дошедшие до нас сведения о применении турками артиллерии показывают, что ее обычно устанавливали на небольшом расстоянии от цели. Например, при осаде Белграда в 1456 г. большая пушка стояла настолько близко к стене города, что отбитый от нее при попадании ядра камень убил турецкого вельможу Караджу, находившегося в укрытии возле орудия (88, с. 26—27).

Дальность действительного огня орудий во второй половине XV в. не превышала 200 м (303, с. 52), хотя дальность достигала

больших значений — до 800 м (21, с. 306) и более. Так, орудие, отлитое Урбаном, послало шестисоткилограммовое ядро на расстояние до 4 км (179; с. 13; 249, с. 77—78). Однако во время осады Константинополя оно было установлено в 500 шагах от ворот св. Романа (89, с. 23).

Для турок под Мангупом оставался единственный вариант установить батареи на западном склоне мыса Елли-бурун. Отсюда можно было обстреливать сразу два укрепления — А. XIV и А. XV, что подтвердили исследования 1977 г. (см. главу II). Разведками 1972 г. были найдены следы дороги, поднимающейся от тальвега по западному склону мыса и обрывающейся в его средней части в районе двух горизонтальных площадок, каждая размером приблизительно 25—30 кв. м.* От них расстояние по прямой до укрепления А. XIV составляло 180 м, угол возвышения — около 15°, а до укрепления А. XV около 200 м с тем же углом (рис. 37). Характерно, что под Константинополем выбор главной артиллерийской позиции у ворот св. Романа (Топкапу) был обусловлен наличием напротив них высоких холмов (89, с. 22). История фортификации знает также много случаев, когда осадная артиллерия устанавливалась на искусственно сооруженных террасах для обстрела стен, стоявших на гребне горы с крутыми склонами (155, с. 11). Пока трудно говорить об искусственном характере площадок на склоне Елли-буруна, но других вариантов размещения турецкой батареи в Гамам-дере не было.

Несомненно, что оборудование артиллерийской позиции турок происходило при активном противодействии феодоритов. В особенности опасным для первых был господствующий над тылом батарей мыс Елли-бурун. Оттуда сбрасывались камни, рикошетировавшие по склону, стреляли из луков. Это требовало надежного укрытия орудий и прислуги. Обычно строительство осадных батарей велось по ночам. Создавались, конечно, не только фасы, но и эполементы, прикрывавшие позицию с боков и с тыла**. Янычар Константин из Островицы, описывая битву под Нико-

* Для размещения орудий по нормам XIX в. требовалось по длине линии огня от 3,7 до 5,0 м (111, с. 67).

** Углубленное укрытие для орудия (ложемент) по нормам XIX в. строилось за полтора часа (148, с. 25).

полем, писал: «... тут мы окопались, поставив орудия и прикрыв их вокруг большими щитами; около себя мы поставили дреколья для того, чтобы с нами ничего не могли бы сделать всадники», причем пока укрепляли орудия было убито 250 янычар (107, с. 87).

Вероятно, наиболее сложной задачей для осаждающих была доставка пушек. Скорее всего, это было сделано морем от Кафы до Балаклавы, затем от Каламиты до Мангупа около 30 км сухопутным путем. Однако история турецкой артиллерии знает немало случаев, когда в горной местности орудия отливались непосредственно у осажденного города (107, с.110), причем делалось это в кратчайшие сроки. Так было при падении на крепость Бобовац (1463 г.) и Скадар (1474 г.) в Боснии (88, с. 20), при осаде Корфу (Коринфа) в 1446 г. (107, с. 80).

Состав артиллерийского осадного парка, развернутого под Мангупом, может быть установлен с достаточной точностью по находкам серий ядер с устойчивыми размерами, поскольку унификация калибров началась только с введением артиллерийской шкалы, предложенной нюрнбергским механиком Гартманом в 1540 г. (167, с. 14). Можно выделить три вида орудий: мелкие, калибром 8, 9, 11, 14, 15 см, именовавшиеся турками «шайка»; средние, для которых зафиксирован только один калибр — 26 см (турецкое название «шаклос» или «пранки»); большие осадные, «мартин», «ейдердехен», «белемез» (самый тяжелый тип, называвшийся еще «шахы») (88, с. 31), на Мангупе они были представлены двумя орудиями калибром 35 и 40. Этот ассортимент вполне соответствует известным тактическим приемам использования артиллерии при осаде крепостей во второй половине XV в. Обычно малокалиберными пушками пристреливали большие орудия или составляли из них демонтирные батареи, разбивавшие зубцы стен, сбивавшие с них защитников и метательные орудия (111, с. 64). Затем приступали к работе тяжелые орудия, разрушавшие стены (178, с. 9—10). Именно так действовала турецкая артиллерия против Константинополя (211, с. 227).

Ядер малых калибров найдено при исследованиях А. XIV около 30. Они изготавливались из мрамора и обычно использовались турецкой корабельной артиллерией (90, с. 49). Однако подавляющее большинство составляют находки фрагментов ядер больших калибров. Крупные части (от 1/2 до 1/4 шара) исчисля-

ются сотнями, более мелкие просто бесчисленны. Материалом для этих снарядов служил гранит, который в то время не мог добываться в Крыму, где он скрыт под мощным чехлом осадочных пород. Даже в конце XIX в. ближайšie к Крыму разработки гранита находились только в Бердянском уезде (92, с. 16). Еще Н. И. Репникова удивляло обилие крупных гранитных ядер (он считал их катапультными, хотя и отмечал идеально круглую форму) во дворах деревни Адым-чокрак (с 1944 г.— Истоки, в настоящее время не существует), что в Ай-Тодорской долине. Эти ядра поселяне свезли с Мангупа (12, с. 56). Можно предположить, что ядра больших калибров изготавливались из малоазийских гранитов и доставлялись в Крым из Стамбула, где снаряжалась эскадра.

Вес ядра диаметром в 40 см был равен 86 кг, а 35 см — 56 кг. Пока это самые большие калибры в истории средневековой артиллерии Крыма. Как известно, на вооружении турецкой армии были еще более внушительные пушки, не говоря уже о чудовищном орудии, отлитом Урбаном. Оно имело в длину 8 м, вес более 30 т и бросало ядра весом в 600 кг (179, с. 13). При осаде крепостей в Сербии использовались орудия калибром 64 см с весом ядра около 370 кг (Ресаве-Манасие), известны там также ядра диаметром 62,5 см (Смедерево), 52 см (Ново Брдо) (88, с. 29, сл. 37—39). Приведем данные некоторых дошедших до нашего времени турецких пушек. В Тауэре хранится бронзовое орудие, состоящее из двух свинчивающихся частей, общая его длина 5,3 м, калибр — 60 см, вес 18 т. Надпись гласит, что отлито оно в 1464 г. для султана Мехмеда II (88, сл. 19). На берегу Босфора установлены в качестве памятников бронзовые пушки времени Мехмеда II. Данные одной из них: длина 4,7 м, калибр 64 см, вес заряда пороха 220 кг; данные второй: длина 4,3 м, калибр 74 см, вес ядра 287 кг (88, сл. 23—24). Интересно, что турецкую старинную пушку, стрелявшую каменными ядрами, видел в 80-х гг. XIX в. в деревне Ходжа-сала у северного подножия Мангупа А. И. Маркевич (169, с. 68). Несомненно, что аналогичные орудия были установлены на позиции в Гамам-дере. Эффект от их действия наглядно демонстрируют стены укрепления А. XIV. Наиболее впечатляющей находкой является ядро калибром 40 см, зашедшее в середине кладки куртины Б на участке раскопа VII (рис. 38).

В особенности густо ядра ложились в стыке куртин А и Б, где ими был обрушен большой участок кладки высотой в 4—5 рядов квадров, легший на предполье. Под ударами ядер рухнула башня А. 4. Однако в целом обстрел велся довольно беспорядочно. Похоже, что только на стыке куртин А и Б была сделана попытка создать удобовосходимую брешь. Сказывалась предельность дистанции для эффективной стрельбы (180 м). Немало ядер падало на склоны перед укрепленной линией, осколки их нередко встречаются в тальвеге Гамам-дере. Были и перелеты, следы которых обнаружены в виде фрагментов ядер в балке Табана-дере выше укрепления А. XI. До открытия в 1971 г. А. XIV считалось, что эти находки указывают на место главного турецкого штурма.

Обстрел, ведшийся по двум направлениям — по А. XIV и А. XV, продолжался довольно долго*, об этом свидетельствуют как малое количество тяжелых орудий (сказывался недостаток места для их установки), так и огромное количество фрагментов ядер. Нужно также учесть крайне низкий темп стрельбы тяжелых орудий в XV в. В день они делали не более десяти выстрелов (90, с. 43; 249, с. 78)**. Кроме того, в XV в. еще не была достаточно разработана теория бреширования стен. Считалось, что легче развалить стену, чем сделать в ней брешь с удобовосходимым обвалом (206, с. 209). В XV в. для образования бреши или обвала в стене начинали обрушать ее сверху, а не так, как это стали делать к XIX в. — выбивать горизонтальную борозду у подножия фаса (155, с. 23; 206, с. 209—210). Даже в XIX в. предельная дистанция стрельбы для брешь-батареи была 500 м, причем удобная для атаки брешь шириной в 20 м на опытных стрельбах создавалась стрельбой из 24-фунтовой пушки при 285-и выстрелах за 5 часов (одежда укреплений из мягкого известняка с облицовкой кирпичом, толщина эскарпа внизу около 4 м. вверх 0,5 м (202, с. 40—41, 48). Такое количество выстрелов осадные орудия турок могли произвести за полмесяца, но, конечно, при гораздо меньшей кучности попаданий. В Константинополе турецкие артиллеристы, создавая

бреши, стремились попасть ядрами в вершины воображаемого треугольника (249, с. 140); не исключено, что тот же прием применялся и на Мангупе. Это тем более вероятно, что на протяжении XVI и XVII вв. турки практиковали все те же тактические приемы и технические средства, которыми они пользовались под стенами Константинополя в 1453 г. (244, с. 64).

Пять штурмов Мангупа, предпринятых осаждающими, доказывают, что их артиллерия далеко не сразу произвела необходимые разрушения. В ходе атак обе стороны несли большие потери: осаждающие — от камней, защитники — от стрел. Наконечников последних найдено больше сотни, причем два из них обнаружены вшившимися в камни оборонительной стены. Турки использовали главным образом узкие, ромбические в поперечном сечении стальные рещешковые наконечники. Турецкие стрелы были преимущественно короткими и легкими, дальность их полета была незначительной, они отскакивали от пластинчатого доспеха, но проникали сквозь кольчугу. Турецкие луки были полукруглой формы кибитью, длиной от 0,9 до 1,2 м. Небольшие размеры и легкость позволяли одинаково пользоваться ими и конным, и пешим воинам (285, с. 25). Обычно при атаке на крепость после артиллерийской подготовки, сочетавшейся со стрельбой из луков, вперед бросались штурмовые группы с лестницами, а шедшие сзади лучники осыпали стрелами защитников, появившихся на стенах (107, с. 111; 211, с. 227).

Содержащаяся в турецких источниках версия о применении Кедук-Ахмет-пашой противоречивого отступления с целью выманивания феодритов за оборонительные стены вполне правдоподобна. Этот прием нередко использовался турками (107, с. 112), например, при осаде Белграда в июле 1456 г., когда, оставив небольшие заставы, они отошли, а сербская пехота вышла за укрепления для занятия оставленных позиций; повернув свои главные силы, Мехмед II нанес ей тяжелые потери, преследуя сербов до рвов (107, с. 79).

Турецкая осада была кульминацией в жизни Мангупской крепости. Она максимально выявила ее сильные и слабые стороны. Здесь произошла встреча позднеримской, по сути, фортификации с новейшим осадным оружием. Так же как и Константинополь, Мангуп встречал турецкую осаду на рубежах, созданных в раннесредневековую эпоху. Стены Феодосия II (408—450 гг.) выстояли два месяца, мангуп-

* Непрерывный обстрел стен Константинополя продолжался более шести недель (224, с. 93).

** Еще в первой половине XVI в. скорострельность свыше 10 выстрелов в день считалась хорошей (34, с. 28).

ские же — около полугода. Сорок дней продолжалась осада Ново Брдо (265, с. 101) и три месяца Смедерева (98, с. 14). На этом фоне о событиях под Мангупом можно говорить как о труднейшей кампании турецкой армии в Юго-Восточной Европе после взятия столицы Византии. Не только «естественная» и искусственная фортификации представляли серьезные трудности для осаждающих. Можно с уверенностью говорить о высоком боевом духе гарнизона, несомненно поддержанного местным населением, собравшимся на защиту городских укреплений. Мужество защитников города было испытано новым оружием турок, имевшим не только большую разрушительную силу, но и огромное психологическое воздействие, особенно на тех, кто знал о пушках только понаслышке; именно так обстояло дело в Смедерево (177, с. 265). В 1478 г. татары обратились в паническое бегство от стен Кафы после демонстрации послу хана Сеид-Ахмета артиллерийского салюта крепости и турецкой эскадры (243, с. 291—292). Феодриты не пали духом при виде пушек. Во время обстрелов на стенах оставались часовые, наблюдавшие за тем, чтобы янычары не добрались к стенам и неожиданным броском не захватили их. Скелет одного защитника был найден на пороге башни А. 4 под завалом стены, рухнувшей при попадании ядра.

Даже после обрушения большого участка кладки куртины А между башней А. 4 и стыком с куртиной Б туркам так и не удалось прорваться в город. Об этом свидетельствует новая куртина А, возведенная из материала разрушенной стены и ломаных глыб известняка (рис. 14; 40). Новая линия соединила фас башни А. 4 с оставшимся после разборки участком кладки куртины Б, оказавшимся после строительства новой куртины А в IX в. за линией обороны. Причем между куртинами А и Б был оставлен проход шириной 1,7 м, выполнявший, вероятно, роль вылазной калитки. Очевидно, в период осады древнее продолжение куртины Б было восстановлено и стало вновь частью боевого рубежа. Толщина куртины А достигала 1,4 м. Основанием для нее послужил слой извести, песка и мелкого щебня, образовавшийся при разрушении и разборке куртины А, он перекрывает сохранившуюся ее кладку (рис. 39). Лицевой панцирь куртины А был сложен из известняковых блоков со средними размерами $0,4 \times 0,5 \times 0,5$; $0,2 \times 0,15 \times 0,15$ м, взятых из куртины А. Сохранились один, местами два ряда клад-

ки, сложенной на известковом растворе с мелким речным песком, но без керамической крошки. Высота кладки до 0,8 м.

Куртины А и Б смыкаются под углом 133° ; новопостроенная стена подходит к куртине Б под углом 102° . В соответствии с теорией фортификации такое уменьшение раствора входящего угла усиливает ближайшую перекрестную оборону перед фасадами фронта, но вместе с тем ослабляет и даже ликвидирует дальний фронтальный огонь перед средней частью фронта (155, с. 72—73). Картина здесь рисуется следующая. После обрушения северо-западного фланга куртины А и башни А. 4 на этот участок стен был направлен ожесточенный обстрел. За короткое время положение было восстановлено возведением нового отрезка оборонительной линии. Поскольку башню А. 4 восстановить было невозможно, а необходимость усилить фланговый огонь на обозначившемся участке прорыва возросла, решено было в создавшейся ситуации компенсировать отсутствие башни значительным уменьшением угла тенали, образованной старой и новой куртинами.

Кладка куртины А. 1 не имеет явных следов попаданий артиллерийских снарядов. Очевидно, в конечном счете турки сумели преодолеть ее не прибегая к новой артподготовке. Пока трудно с уверенностью указать, на каком именно участке они сумели прорваться в конце декабря 1475 г. на территорию города. Скорее всего, это произошло именно в Лагерной балке с ее слабым естественным фланговым обеспечением (рис. 40).

На плато очагом сопротивления стал дворец князя Алексея. Что же касается ВЛО, то пока нигде на ней не выявлены следы штурма. Судьба города была решена с падением ГЛО.

Последним оплотом защитников крепости стала цитадель. Сопротивление здесь оказывалось до последней возможности. Это показали исследования, проводившиеся в проеме ворот в 1975 г. Здесь были найдены осколки мраморных ядер и несколько фрагментов гранитного ядра диаметром 26 см. Орудие («шаклос»), которому они принадлежали, ограничено использовалось в Гамам-дере. Там найдено всего одно ядро данного калибра. Вероятно, после отказа гарнизона цитадели сдаться это орудие было доставлено в новое место — к Тешкли-буруну и выстрелы его прозвучали заключительным аккордом жизни столицы княжества Феодоро.

Несомненно, расправа с побежденными была жестокой, об этом глухо говорится в турецких источниках конца XV — начала XVI в., упоминается о превращении христианских храмов в мечети, о вывозе огромной ценной добычи. О судьбе населения захваченного Мангупа можно судить по «почерку» Кедук-Ахмет-паши в аналогичной ситуации при взятии им города Отранто в Южной Италии. После двухнедельной осады турки, пробив артиллерией брешь в крепостной стене, ворвались в город. Почти все мужское население (12 тыс. из 22 тыс. жителей) было перебито; 800 человек, отказавшихся принять ислам, были казнены, около 8 тыс. жителей из оставшихся в живых были угнаты в рабство (194, с. 50).

На плато Мангупа при раскопках базилики, проводившихся Н. И. Барминой, были обнаружены гробницы, буквально забытые скелетами, до семнадцати в одной из них, причем многие черепа имели следы ударов тяжелым тупым орудием. У многих скелетов были отрублены верхние или нижние конечности. Захоронения обнаруживались в самых неожиданных местах. В качестве могил использовались выемки винодавilen (тарапанов), а иногда тела просто на ровном месте присыпали землей и камнями.

Последние представители княжеской династии Мангула закончили свою жизнь в Стамбуле: князь Александр и его родственники мужского пола, кроме самого младшего, были казнены, женщины попали в гарем султана (331, с. 262—263).

Захватив Мангуп, турки сохранили за ним значение важнейшей крепости в Юго-Западном Крыму, ставшей административным центром кадылыка, образованного на землях княжества Феодоро. Но город, полуразрушенный и обезлюдевший, уже не смог возродиться. Новые власти прилагали большие усилия не только для поддержания боевого состояния старых крепостных сооружений, но и активно реконструировали оборонительную систему, приспособлявая ее к требованиям новой эпохи в военном деле. Турецкие инженеры решительно изменили планировку укреплений Северного и, отчасти, Южного фронтов, совершенно не тронув Западный. В целом крепостной полигон несколько сократился за счет переноса выше по склону на 100—130 м оборонительной линии в Табана-дере, причем перед ней возвели протейхизму, открытую в 1978 г. Работы на этом участке были завершены в 1503 г., о чем свидетельствует надпись заместника Цу-

лы (см. I главу). Параллельно восстанавливалась линия в Гамам-дере, здесь также в тальвеге была поставлена высокая полукруглая башня (рис. 21), а по сторонам ее прямоугольные. Такое сочетание было вполне естественным для этой переходной эпохи в фортификации (226, с. 192). В кладку стены, по турецкой традиции, были заделаны осколки ядер, напоминавшие о событиях 1475 г. В оборонительной линии, возведенной турками в Гамам-дере, мы видим еще очень высокие и узкие башни, господствующие над местностью и над примыкающими стенами; стены имеют небольшую толщину при весьма значительной высоте (до 7 м). Если, например, в русском оборонительном зодчестве уже в XV в. были усвоены общеевропейские принципы, характерные для эпохи распространения огнестрельного оружия (утолщение стен, понижение башен и проч.), то на Мангупе турки явно следовали старым традициям. Не исключено, правда, что турецкие инженеры считали невозможным повторение артиллерийской феерии 1475 г. при наличии у обороняющегося огнестрельного оружия.

Показательна для турецкого периода перестройка башни В. 4 в верховьях Табана-дере. Восточная ее половина сохранила первоначальную планировку и бутовую иррегулярную кладку времен Феодоро, а западная, полукруглая в плане, сложена из тесаного камня (рис. 41). Для возведения этой части башни был использован набор камней, взятых из апсиды большой базилики, радиус которой совпадает с кривизной пристроенной части башни. Использовались также орнаментированные наличники, аналогичные базиликальным. В основание кладки были уложены христианские надгробия. Характерно венчание башни массивными мерлонами, которые, как хорошо здесь видно, поставлены были при турецком строительстве. Такие же мерлоны есть на трех башнях в Гамам-дере. Появление этих элементов обычно относится к рубежу XV—XVI вв. (310, с. 322).

Реконструкция оборонительных сооружений была в основном завершена к 1504 г., о чем свидетельствует письмо, написанное в этом году Менгли-Гиреем к Ивану III, в котором сообщается о посылке султаном Баязидом II (1481—1512) тысячи мастеров из Мангупа и Кафы для строительства Перекопской крепости (163, с. 173).

Возведение новой оборонительной линии в Табана-дере свидетельствует о попытке под-

держания старой ГЛО, но реально, по сведениям путешественников (Мартин Броневский, Эвлия Челеби) и археологическим данным, главным рубежом крепости фактически становится ВЛО, а укрепление А. XI играло роль передовой стены (рис. 42).

Окончательно боевое значение Мангупская

крепость потеряла к 70-м гг. XVIII в., когда Турция в результате ряда поражений от русских войск вынуждена была вывести свои гарнизоны из крымских крепостей, бывших оплотом османского военного присутствия в Северном Причерноморье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные этапы эволюции крепостного ансамбля Мангупа. Главное внимание было уделено раннесредневековому периоду существования крепости, поскольку он особенно привлекал исследователей, но был хуже чем последующие освещен архитектурно-археологическими источниками. Открытие неизвестной ранее системы оборонительных сооружений, обеспечивавшей защиту всей территории Мангупского плато, позволяет лучше осмыслить значение крепости в истории раннесредневековой Таврики, поставить ряд вопросов ее экономического, этнического и политического развития. Одна из ближайших задач — сопоставление основных этапов развития крепостной системы Мангупа с другими укрепленными пунктами горной Таврики. Однако здесь есть ряд трудностей, поскольку оборонительные сооружения этих городов или недостаточно изучены, или же не дают цельной картины развития от зарождения укрепления и до его утасания. Даже на Эски-Кермене, оборона которого считается хорошо изученной, невозможно пока четко выделить большие периоды в жизни оборонительной системы, так как исследователи обращались главным образом к раннесредневековым сооружениям.

В более выгодном положении находится Херсонес, где с дореволюционного времени ведутся археологические исследования крепостных стен. Можно указать на совпадение периодов усиления оборонительного строительства Мангупа и Херсона, относящихся к V—VI вв. (Херсон — V—VI вв., Мангуп — 2-я половина VI в.) и IX—X вв. (Херсон — IX—X вв., Мангуп — 1-я половина IX в.) (19, с. 8). Однако строительная история оборонительной системы Херсона неизмеримо сложнее. Долгое непрерывное существование города (свыше 1800 лет) обусловило многократные перестройки его защитных стен и башен. Не раз менялись очертания крепостного полигона. В средневековом Херсоне оборонительное строительство было во многом обусловлено рамками, заданными античными фортификациями, что затрудняло применение новых инженерных решений.

В этом отношении Мангуп дает иную картину. Здесь не было античного фортификационного субстрата, который бы накладывал отпечаток на развитие системы крепостных сооружений. В эпоху раннего средневековья Мангуп был *tabula rasa* в смысле создания здесь крепости. На его примере хорошо вид-

ны как влияние античного теоретического военно-инженерного наследия, так и творческие поиски новых решений, отвечающих возможностям и потребностям новой эпохи, практическим задачам, диктуемым конкретными условиями местности, на которой разворачивалось строительство. Поиск аналогий этому явлению прежде всего приводит нас в Балканский регион, где, как отмечалось, происходили сходные процессы.

Вопрос о конкретном участии Византии в создании Мангупской крепости остается весьма сложным. Мы говорили о возможности опосредованности этого влияния, проникавшего в глубинные районы Таврики в различных формах и в разное время. Вероятно, можно говорить о тесном переплетении в этом процессе внешних тенденций, проводником которых был византийский Херсон, и явлений внутреннего социально-экономического и этнического развития населения горной Юго-Западной Таврики. Несомненно, что его географическое положение между византийским Черноморьем и кочевнической степью приводило к неоднократным колебаниям в соотношении этих двух тенденций. Однако, на наш взгляд, распространение христианской идеологии в форме православия обусловило на протяжении всего существования Восточной Римской империи тяготение Таврики к византийскому культурному миру, что неоднократно отмечалось А. Л. Якобсоном.

В области военного зодчества это хорошо заметно в раннем средневековье, только в период развитого феодализма принципиально старую защитную систему дополняют новые инженерные решения, совершенствуют ее, но не заменяют. Только с широким внедрением огнестрельного оружия в практику крепостной войны, совпавшим в Крыму с временем турецкого владычества, происходит перепланировка крепостной системы Мангупа.

Результаты их исследований дают представление об основных этапах исторического процесса в Таврике на протяжении почти полутора тысячелетнего периода. Прослежена эволюция города-крепости, первоначально крепости византийского облика, в IX—X вв. превратившейся в малонаселенную крепость-убежище на византийско-хазарском пограничье; в XIV—XV вв. в феодальный город — столицу княжества Феодоро, сыгравшего заметную роль в истории средневекового Крыма. Наконец, на последнем этапе — в XVI—XVIII вв. — крепость существовала в качестве

опорного пункта османского владычества в Горном Крыму.

Таким образом, самые значительные периоды активного строительства защитных сооружений Мангупа отражают три эпохи в крымском средневековье: раннесредневековую, развитого феодализма и позднесредневековую. Первая и последняя характеризуются наиболее широким размахом в создании и реконструкции укреплений, что связано со стремлением Византии, а затем Османской империи закрепиться на Крымском полуострове. Второй период дает картину социальной дифференциации населения в условиях оформившихся феодальных отношений, но при ограниченных экономических возможностях горного

района Таврики, что нашло отражение в фортификации Мангупа данного времени: крепостное строительство велось в рамках, заданных предшествующим периодом. При этом наблюдается стремление использовать новейшие достижения военно-инженерного искусства.

За крепостными линиями Мангупа легко угадываются контуры явлений более широкого исторического плана. Дальнейшее накопление фактического материала позволит перейти к решению проблем более высокого уровня. Информативный материал Мангупа далеко не исчерпан. Эффективно использовать его — задача, вытекающая из всего хода развития исследований этого ключевого памятника истории средневековой Таврики.

СПИСОК

ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма

1. Энгельс Ф. Национальный совет // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.— Т. 6.—С. 91—107.
2. Энгельс Ф. Горная война прежде и теперь // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.— Т. 12.—С. 111—119.
3. Энгельс Ф. По и Рейн // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.— Т. 13.—С. 233—281.
4. Энгельс Ф. Фортификация // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.— Т. 14.—С. 326—351.

Архивные материалы и рукописи

5. Анкудинов Д. А., Веймарн Е. В. Отчет о проведении археологической экспедиции СМО на Мангуп-Кале в 1938 г.— НА БИАМ.— № 11.
6. Архив ЛОИА АН СССР, Р.— I, № 619.
7. Браун Ф. А. Записка приват-доцента Императорского Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна.— Архив ЛОИА АН СССР, Ф. I, № 40/1890.
8. Веймарн Е. В. Отчет об эпизодических разведках в Крымской области, проведенных в 1949 г. (работы Бахчисарайского отряда Тавро-Скифской экспедиции 1949 г.).— Архив ОАК ИА АН УССР, 1957, А — 5/7.
9. Веймарн Е. В. Дневник археологической разведки 1949 г.— Архив ОАК ИА АН УССР, 1957, А — 5/2.
10. План старинной крепости, называемой Мангуп. Снимал и рисовал князь Дашков, 1784.— ЦГВИА СССР, ВУА, № 22137.
11. План городу Мангупу.— ЦГВИА СССР, ВУА, № 22138.
12. Репников Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного Крыма.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 10, № 10. Ч. II.

Отечественная и зарубежная литература

13. Агафий Миренейский. О царствовании Юстиниана.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.— 220 с.

14. Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОАИЭ.— 1928.— Т. 2 (59).— С. 158—172.
15. Альберти Л.— Б. Десять книг о зодчестве / Пер. В. П. Зубова.— М.: Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1935.— 794 с.
16. Ангелова С. За производство на строительна керамика в Североизточна България през ранното средновековие // Археология.— София, 1971.— Кн. 3.— С. 8—24.
17. Андриевский И. С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г.— Одесса, 1839.— С. 538—552.
18. Аноним Византийский. Инструкция по полиоркетике // ВДИ.— 1940.— № 3—4.— С. 425—453.
19. Антонова И. А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ — 1976.— Вып. 13.— С. 3—8.
20. Апполодор. Полиоркетика // ВДИ.— 1940.— № 3—4.— С. 394—413.
21. Арендт В. В. К истории средневековой артиллерии (генезис и развитие пушек XIV в.) // Труды Института истории науки и техники.— М., 1936.— Сер. I.— Вып. 7.— С. 303—308.
22. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону.— М.— Л.: СОЦЭГИЗ, 1935.— 118 с.
23. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие поселения в Северо-Западной Хазарии // СА.— 1940.— Т. 6.— С. 130—167.
24. Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея // СА.— 1954.— Т. 19.— С. 263—268.
25. Артамонов М. И. История хазар.— Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа 1962.— 523 с.
26. Археологія Української РСР: В 3-х т.— Київ: Наукова думка, 1975.— Т. 3.— 502 с.
27. Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма.— Киев: Гос. изд-во по строительству и архитектуре УССР, 1961.— 238 с.
28. Атанасов Щ., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Д.

- Христов Д., Чолпанов В. Военно дело на юго-източните славяни първобългарите // ВИС.—1957.— № 2.— С. 11—20.
29. Афиней. О машинах // ВДИ.—1940.— № 3—4.— С. 414—424.
 30. Бабенчиков В. П. Из истории Крымской Готии // ИГАИМК.— 1936.— Вып. 117.— С. 145—155.
 31. Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (2-я пол. XV в.).— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952.— 544 с.
 32. Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика.— Киев: Наукова думка, 1974.— С. 151—162.
 33. Безчинский А. Путеводитель по Крыму.— М., 1902.— 471 с.
 34. Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XV вв. // Известия Таджикского филиала АН СССР. Серия «История и этнография».— Сталинабад.— 1949.— № 15.— С. 25—34.
 35. Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя // ЗООИД.— 1884.— Т. 14.— С. 166—279.
 36. Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК.— 1918.— № 55.— С. 1—44.
 37. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде (справки о Фуллах) // ИТУАК.— 1920.— № 57.— С. 1—135.
 38. Биджиев Х. Х. Раскопки Хумаринского городища в 1975 г. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии.— Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1979.— С. 15—21.
 39. Биджиев Х. Х. Раскопки Хумаринского городища // АО 1979.— М.: Наука, 1980.— С. 97.
 40. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 158 с.
 41. Бобчев С. Н. Смесенанта зидария в римските и ранновизантийските строежи // ИАИ.— 1961.— С. 153—202.
 42. Бобчев С. Н. Крепостните кули с издаден остър ръб и значенет им за укрепяването на античните градове // ИАИ.— 1961.— Т. 24.— С. 103—145.
 43. Боданинский У. Татарские дурбамавзолы в Крыму // ИТОАИЭ.— 1927.— Т. I (58).— С. 195—201.
 44. Болдырев А. В., Боровский Я. М. Техника военного дела и мореходства // Эллинистическая техника.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.— С. 269—319.
 45. Боплан Г. Описание Украины // Мемуары, относящиеся к истории Южной России.— Киев, 1896.— 290 с.
 46. Броневский М. Описание Таврии // ЗООИД.— 1867.— Т. 6.— С. 333—367.
 47. Брун Ф. К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной Рос-
- сии // Черноморье: В 2-х т.— Одесса, 1880.— Т. 2.— С. 189—241.
 48. Васильев А. А. Лекции по истории Византии: В 4-х т.— Л.: Academia, 1925.— Т. 4.— 143 с.
 49. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИРАИМК.— 1921.— Т. I.— С. 265—344; ИГАИМК.— 1927.— Т. V.— С. 179—282.
 50. Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского: Труды в 4-х т.— СПб.: Изд-во Имп. Акад. Наук, 1912.— Т. 2.— Вып. 2.— 427 с.
 51. Вачева К. За терминологията на строителните техники през античността // Археология.— София, 1979.— Кн. I.— С. 1—10.
 52. Вегетий Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ.— 1940.— № 1.— С. 217—299.
 53. Веймарн Е. В. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА.— 1953.— № 34.— С. 419—429.
 54. Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма.— Киев: Изд-во АН УССР, 1958.— С. 7—54.
 55. Веймарн Е. В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма.— Киев: Изд-во АН УССР, 1958.— С. 55—62.
 56. Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—55 гг. // СА.— 1958.— № 1.— С. 71—79.
 57. Веймарн Е. В. «Пещерные города» и вопрос о зарождении и развитии феодальных отношений // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР.— Баку, 1965.— С. 146—147.
 58. Веймарн Е. В. Во владениях «господ Феодоро» // Дорогой тысячелетий.— Симферополь: Крым, 1966.— С. 119—132.
 59. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма.— Киев: Наукова думка, 1968.— С. 45—82.
 60. Веймарн Е. В. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні.— Київ, 1971.— Вип. I.— С. 61—64.
 61. Веймарн Е. В. Работы на средневековом городище Мангуп в 1971 г. // Результаты польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України: Тез. пленарних і секційних доповідей.— Одеса, 1972.— С. 391—393.
 62. Веймарн Е. В. Роботи на середньовічному Мангупі // АДУ.— 1969.— Київ.— 1972.— Вип. 4.— С. 260—261.
 63. Веймарн Е. В., Герцен А. Г., Лобода И. И., Пиноро И. С. Исследования Мангупского городища // АО 1972 г.— М.: Наука, 1973.— С. 265—266.
 64. Веймарн Е. В. Еще раз о Таврическом

- лимесе // АДСВ.— 1973.— Вып. 10.— С. 255—258.
65. Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангуле // АО 1974 г.— М.: Наука, 1975.— С. 263—264.
 66. Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорев М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика.— Киев: Наукова думка, 1974.— С. 123—139.
 67. Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия // Античные традиции и византийские реалии.— Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1980.— С. 19—33.
 68. Веймарн Е. В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Византия и ее провинции.— Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1982.— С. 69—88.
 69. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского.— М.: Изд-во Всесоюз. Академии архитектуры, 1936.— 331 с.
 70. Военный энциклопедический лексикон / Под ред. Л. И. Зеедлера: В 14-ти т.— СПб., 1838.— Т. 2.— 640 с.
 71. Войцеховский В. А. Строительные надписи на стенах крепости в Белгород-Днестровском // Юго-Восточная Европа в средние века.— Кишинев: Штиинца, 1972.— Вып. I.— С. 371—374.
 72. Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации // СА.— 1964.— № 2.— С. 40—54.
 73. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— Киев: Наукова думка, 1972.— 192 с.
 74. Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов.— Киев: Наукова думка, 1979.— 208 с.
 75. Гаркави А., Штрак Г. Каталог еврейских библейских рукописей императорской Публичной библиотеки.— СПб., 1875.— 114 с.
 76. Гайдужевич В. Ф. Мнимая базилика Лаврентия — Леонтия // МИА.— 1953.— № 34.— С. 299—315.
 77. Гейд В. История торговли Востока в средние века (извлечения из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли...» в пер. Л. П. Колли) // ИТУАК.— 1915.— № 52.— С. 68—185.
 78. Герцен А. Г. О двух рукописях сочинения А. А. Васильева в Архиве ЛОИА АН СССР // ВВ.— 1979.— Т. 40.— С. 191—192.
 79. Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангула в свете новейших исследований // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. Ин-та археологии АН УССР.— Ужгород, 1978.— С. 118.
 80. Герцен А. Г. Исследования оборонительной системы Мангула // АО 1979 г.— М.: Наука, 1980.— С. 261—263.
 81. Герцен А. Г. Тешклибурунский клад из раскопок Мангула 1978 г. // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докл. XVIII конф. Ин-та археологии АН УССР.— Днепропетровск, 1980.— С. 167.
 82. Герцен А. Г. Пещерный комплекс цитадели Мангула (проблемы охраны, интерпретации и датирования) // Проблемы методики охраны и реставрации пещерных комплексов: Тез. докл. междунар. симпозиума.— Ереван, 1982.— С. 35—38.
 83. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений в Восточной Европе XIV—XV вв.— М.: Наука, 1963.— 536 с.
 84. Григорьев А. П. Польское издание источника по истории России XVII в. // История СССР.— 1972.— № I.— С. 214—217.
 85. Григорьев А. П. «Книга путешествия» Эвлии Челеби как источник по истории Крыма XIII—XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки.— Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1974.— Вып. 3.— С. 19—28.
 86. Губоглу М. Турецкий источник 1940 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы.— М.: Наука, 1964.— С. 131—157.
 87. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангула // АДСВ.— 1966.— Вып. 6.— С. 116—138.
 88. Дероко А. Наистарие ватрено оружје у средњеваковној Србији. Глас САН.— № 246.— Отдельна друштвених наука.— Београд, 1961.— Кн. 9.— 136 с.
 89. Дестунис Г. Историко-топографический очерк сухопутных стен Константинополя.— Одесса, 1887.— 46 с.
 90. Джелал Эссад. Константинополь.— М., 1919.— 220 с.
 91. Джингов Г. Крепостта Бялград при Преслав // ИАИ.— 1964.— Т. 27.— С. 17—40.
 92. Долинский Л. П. О полезных минералах Крыма // Записки Крымского горного клуба.— Одесса, 1891.— Вып. I.— С. 3—38.
 93. Дюмбровский О. И. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір // Археологія.— Київ, 1961.— Т. 12.— С. 155—166.
 94. Домбровский О. И. Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма.— Киев: Наукова думка, 1968.— С. 83—96.
 95. Домбровский О. И., Махнева О. А. Столица феодоритов.— Симферополь: Таврия, 1973.— 104 с.
 96. Домбровский О. И. Антропогенные элементы в ландшафтах Горного Крыма и задачи их хронологизирования // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докл. XVIII конф. Ин-та археологии АН УССР.— Днепропетровск, 1980.— С. 20—21.
 97. Дортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Таврии // ЗООИД.— 1902.— Т. 14.— С. 89—180.

98. Достянк И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига в XV—нач. XIX вв.—М.: Изд-во АН СССР, 1961.—195 с.
99. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья.—Киев: Наукова думка, 1975.—176 с.
100. Дублянский В. Н., Илюхин В. В. Вслед за каплей воды.—М.: Мысль, 1971.—206 с.
101. Елкеш Л. Армията на Хуннади // Варна 1444.—София: БАН, 1969.—С. 87—94.
102. Ефименко П. С. Юридические знаки // ЖМНП.—1874.—Ч. 175.—С. 33—71.
103. Зайончковский А. Летопись Кипчакской степи (теварих-и дешт-и кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы.—М.: Наука, 1969.—Т. 2.—С. 10—28.
104. Зайончковский А. Арабские, персидские и турецкие трактаты о военном искусстве (XII—XV вв.) // Восточная философия.—Тбилиси: Мецниереба, 1973.—Т. 2.—С. 281—289.
105. Зайончковский А. О стратегмах и военных уловках по турецким источникам // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы.—М.: Наука, 1974.—Т. 3.—С. 12—23.
106. Замятнин С. Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах // Воронежский ист.-археол. вестник.—1921.—№ 3.—С. 1—6.
107. Записки янычара. М.: Наука, 1978.—136 с.
108. Значко-Яворский И. Л. Очерки истории вяжущих веществ.—Л.: Наука, 1963.—306 с.
109. Иванов Т. Укрепительната система на Абритус // Археология.—София, 1966.—Кн. 4.—С. 18—32.
110. Иванов Т. За някои преустройства на укрепительната систем през ранновизантийската епоха (V—VI вв.) // Археология.—София, 1973.—Кн. 4.—С. 24—34.
111. Иохер А. Осадная война или атака и оборона крепостей.—СПб., 1880.—168 с.
112. Иохер А. Долговременная фортификация.—СПб., 1881.—284 с.
113. История Византии: В 3-х т.—М.: Наука, 1967.—Т. 3.—508 с.
114. История отечественной артиллерии: В 3-х т.—М.: Воениздат, 1959.—Т. I: Артиллерия русской армии в период возникновения и развития феодализма (IX—XVII вв.).—390 с.
115. История отечественной военно-энциклопедической литературы.—М.: Наука, 1980.—174 с.
116. Карамзин Н. М. История государства Российского.—2-е изд.—СПб., 1819.—Т. 6.—562 с.
117. Караулов Г. Недавняя археологическая находка в Крыму (Древний христианский храм, открытый художником Струковым в д. Партенит в окт. 1871 г.) // ЗООИД.—1872.—Т. 8.—С. 314—317.
118. Кекавмен. Советы и рассказы Кекавмена.—М.: Наука, 1972.—743 с.
119. Кеплен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: Крымский сборник.—СПб., Изд-во Имп. Акад. Наук, 1837.—409 с.
120. Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия Древней Руси // МИА.—1958.—№ 77.—С. 7—51.
121. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси.—М.: Наука, 1976.—104 с.
122. Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. Крепость Копорье по новым архитектурно-археологическим исследованиям // СА.—1979.—№ 3.—С. 103—118.
123. Клейман И. Б. Стратиграфия культурного слоя городища Тирь-Белгорода // Античная Тира и средневековый Белгород.—Киев: Наукова думка, 1979.—С. 54—75.
124. Клепинин Н. Н. Об охране памятников старины в Крыму // ЗОЕЛП.—1913.—Т. 2.—С. 167—178.
125. Кокизов Ю. Д. Сорок четыре надгробных памятников с караимского кладбища в Чуфут-Кале.—СПб., 1910.—48 с.
126. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в.—Л.: Изд-во АН СССР, 1932.—135 с.
127. Колли Л. П. Хаджи-Гирей-хан и его политика // ИТУАК.—1913.—№ 50.—С. 99—139.
128. Комша М. Знаки раннефеодальной эпохи, врезанные на римско-византийской колонне. Dacia.—1962.—Т. 6.—С. 257—258.
129. Кондорак В. Х. Важная археологическая новость в Крыму // Одесский вестник.—1871.—№ 280.
130. Кондорак В. Х. Мангуп-Кале // ЗООИД.—1872.—Т. 8.—С. 419—426.
131. Кондорак В. Х. Универсальное описание Крыма.—СПб., 1875.—234 с.
132. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.—М.: Наука, 1982.—С. 267—343.
133. Кордт В. Материалы по истории русской картографии.—Киев: Киевск. комисс. для разбора древних актов, 1899.—Вып. I.—115 с.
134. Косвен М. О. Семейная община и патрионимия.—М.: Изд-во АН СССР, 1963.—220 с.
135. Косточкин В. В. Оборонительные системы русских крепостей XIV—нач. XVI в. // СА.—1957.—№ I.—С. 132—142.
136. Котви́ч В. Г. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера // Древности Дагестана.—Махачкала: Изд-во Даг. фил. АН СССР, 1974.—С. 181—231.
137. Кропоткин В. В. Ред. на кн.: Материалы по археологии Юго-Западного

- Крыма (Херсонес, Мангуп) // СА.—1956.— Т. 25.— С. 345—348.
138. Крыжыцкий С. Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // КСИА. — 1981. — Вып. 168.— С. 35—41.
 139. Крым: Путеводитель.— Симферополь: 1914.— 688 с.
 140. Крым: Путеводитель.— Симферополь: Крымиздат, 1923.— 494 с.
 141. Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища // СА.—1963.— № 1.— С. 298—304.
 142. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды.— 2-е изд.— Киев, 1914.—156 с.
 143. Куник А. А. О записке готского торговца // ЗАН.—1874.— Т. 24.— Кн. 1.— С. 61—160.
 144. Куник А. А. Тохтамыш и Фиркович.— СПб., 1876.— 64 с.
 145. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.—Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971.—220 с.
 146. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.— С. 56—77.
 147. Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник // ВВ.— 1979.— Т. 40.— С. 49—75.
 148. Кюи Ц. Полевая фортификация.— СПб. 1881.— 209 с.
 149. Кюи Ц. Краткий исторический очерк долговременной фортификации.— 3-е изд.— СПб., 1897.— 185 с.
 150. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России.— СПб., 1896.— 143 с.
 151. Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД.— 1897.— Т. 20.— С. 149—162.
 152. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. 2. Мангупская надпись // ИАК.— 1902.— Вып. 3.— С. 21—57.
 153. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК.— 1918.— Вып. 65.— С. 9—21.
 154. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России: В 3-х т.— СПб., 1858.— Т. I.— 315 с.
 155. Ласковский Ф., Болдырев Н. Курс фортификации: Долговременная фортификация.— СПб., 1864.— 386 с.
 156. Леви-Бобович Т. С. Очерк возникновения караимизма.— Севастополь, 1913.— 98 с.
 157. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК.— 1913.— Вып. 47.— С. 73—79.
 158. Луконин В. Г. Храм Анахиты в Кангваре // ВДИ.— 1977.— № 2.— С. 105—110.
 159. Львовский П. Д. Исторические эпохи в развитии артиллерии // Известия артил-
 - лерийской академии РККА.— 1933.— Т. 2.— С. 129—142.
 160. Мавродин В. В. «Книга путешествия» Эвлии Челеби как источник по истории России, Украины и Молдавии // Эвлия Челеби. Книга путешествия.— Вып. I: Земли Молдавии и Украины.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— С. 15—24.
 161. Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов // ИАК.— 1911.— Вып. 43.— С. 1—47.
 162. Максимов М. И. Строительство зданий // Эллинистическая техника.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1962.— С. 57—132.
 163. Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 // ЗООИД.— 1863.— Т. 5.— С. 163—417.
 164. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК.— 1933.— Вып. 71.— 47 с.
 165. Маммаев М. Знаки на керамике Урцекского городища // Материалы по истории Дагестана.— Махачкала: Изд-во Даг. фил. АН СССР, 1973.— Т. 3.— С. 88—99.
 166. Мангупская экспедиция: Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г. // КСИИМК.— 1939.— Вып. 1.— С. 26—27.
 167. Мандрыка А. П. История баллистики (до середины XIX в.).— М.—Л.: Наука, 1964.— 294 с.
 168. Манштейн Э. Утерянные победы.— М.: Изд-во Мин-ва обороны СССР, 1957.— 480 с.
 169. Маркевич А. И. Поездка в Старый Крым // ИТУАК.— 1888.— № 6.— С. 64—77.
 170. Маркевич А. И. Экскурсия на Мангуп // ИТУАК.— 1890.— № 9.— С. 101—107.
 171. Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма как исторический источник // ИТОАИЭ.— 1928.— Т. 2.— С. 17—32.
 172. Марков Г. Е. Очерки Крыма.— 3-е изд.— М., 1902.— 520 с.
 173. Мацулевич Л. А. Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения ГАИМК.— 1926.— Т. I.— С. 271—286.
 174. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие // САИ.— 1966.— Вып. Е I—36.— 184 с.
 175. Мелитаури К. Н. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии.— Тбилиси: Мецниереба, 1969.— 101 с.
 176. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи.— М.: Наука, 1977.— 276 с.
 177. Миятович Ч. Деспот Чурач Бранкович: В 2-х т.— Београд, 1980.— Т. I.— 416 с.
 178. Миллер Г. История крепостной войны (со времени введения огнестрельного оружия до 1880).— СПб., 1881.— 142 с.

179. Миллер А. Ф. Краткая история Турции.— М.: Госполитиздат, 1948.— 303 с.
180. Михайлов Ст. Плиска— столицата на първата българска държава // Археологически открития в Българии.— София, БАН, 1957.— С. 137—164.
181. Михайлов Ст. За произхода на античните материали от Плиска.— Археология.— София, 1960.— Кн. I.— С. 15—22.
182. Миятев Кр. Крумовиято дворец и други новооткрити постройки в Плиска // ИАИ.— 1943.— Т. 14.— С. 61—94.
183. Монгайт А. Л. Русская артиллерия в XV—XVI вв. // ВИЖ.— 1940.— № 1.— С. 59—69.
184. Москаленко А. Н. Славяне на Дону.— Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1981.— 159 с.
185. Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма.— Кишинев: Штиинца, 1964.— 232 с.
186. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г.— СПб., 1823.— 327 с.
187. Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым // ЖМНП.— 1837.— Ч. 13.— С. 625—691.
188. Мурзакевич Н. Н. Аккерманские греческие надписи // ЗООИД.— 1850.— Т. 2.— С. 480—488.
189. Мутафчиева В. П. Бергардон де ла Брокьер като извор за военното състояние на Османската империя през XV век // Восточная филология.— Тбилиси: Мецниереба, 1973.— Т. 3.— С. 309—313.
190. Нариси стародавньої історії Української РСР.— Київ: Видавництво УАН, 1957.— 632 с.
191. Никольский Н. П. Мангуп-Кале // Записки Крымск. горн. клуба.— Одесса.— 1893.— Вып. 3.— С. 67—82.
192. Николаев А. Н. Современное состояние памятников византийского зодчества в Стамбуле // ВВ.— 1953.— Т. 7.— С. 146—160.
193. Нилус А. А. История материальной части артиллерии.— СПб., 1904.— 334 с.
194. Новичев А. Д. История Турции.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963.— 314 с.
195. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в.— М.: Изд-во АН СССР, 1948.— 520 с.
196. ОАК за 1890 г.— СПб., 1893.— 142 с.
197. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД.— 1872.— Т. 8.— С. 363—403.
198. Овчаров Д. Две ранновизантийские крепости от Северозточна България.— Археология.— София, 1971.— Кн. 4.— С. 18—31.
199. Овчаров Д. Ранновизантийско крепостно строителство на нашите земи (V—VII вв.) // ИБИД.— София, 1974.— С. 221—238.
200. Овчаров Д. Византийски и български крепости V—X в.— София: БАН, 1982.— 172 с.
201. Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV—VII век.— София: БАН, 1978.— 220 с.
202. Опыты, проведенные в крепости Бапоме во Франции, в 1847 году, над пробиванием брешей в каменных одеждах и казематах, выстрелами из орудий и минными взрывами // Инженерные записки.— СПб., 1852.— Ч. 37.— Кн. I.— С. 37—58.
203. Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты (дополнение): Памяти К. К. Косцюшко-Валюжинича.— СПб., 1911.— 6 с.
204. Паллас П. С. Путешествие в Крым в 1793 и 1794 году // ЗООИД.— 1881.— Т. 12.— С. 62—208.
205. Параска П. Ф. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства // Юго-Восточная Европа в средние века.— Кишинев: Штиинца, 1972.— Вып. I.— С. 175—190.
206. Пашкевич В. Стрельба из артиллерийских орудий и ручного оружия.— СПб., 1882.— 288 с.
207. Пигулевская Н. В. Оборона городов Месопотамии в VI в. // Уч. зап. ЛГУ, сер. истор.— 1941.— Вып. 12.— С. 49—68.
208. Піоро І. С. Основні питання ранньосередньовічної археології південно-західного Криму // Вісник Київського університету, сер. истор.— 1970.— № 2.— С. 96—99.
209. Піоро І. С. К вопросу о локализации хоры Дори // 50 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбилейной конференции.— Киев, 1975.— С. 162—163.
210. Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА.— 1967.— № 142.— 198 с.
211. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси.— М.: Художественная литература, 1982.— С. 217—267.
212. Полевой Л. Л. Новое исследование по истории молдавских городов XIV—XIV вв. // Юго-Восточная Европа в средние века.— Кишинев: Штиинца, 1972.— Вып. I.— С. 364—370.
213. Полканов А. И. Охрана памятников в Крыму за советский период // ИТОАИЭ.— 1928.— Т. 2.— С. 173—180.
214. Полканов А. И. История музейного дела и охрана памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // ИТОАИЭ.— 1931.— Т. 4.— С. 93—123.
215. Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей.— М.: Наука, С. 165—212.
216. Попов А. Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии.— Симферополь, 1888.— 124 с.
217. Прокопий Кесарийский. Тайная история / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ.— 1939.— № 4.— С. 273—360.
218. Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ.— 1939.— № 4.— С. 203—283.

219. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева.— М.: Изд-во АН СССР, 1950.— 516 с.
220. Пугаченкова Г. А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // КСИА АН СССР.— 1982.— Вып. 172.— С. 24—30.
221. Пузыревский А. История военного искусства в средние века (V—XVI стол).— СПб., 1884.— 282 с.
222. Рабинович М. Г. Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг. // КСИА АН СССР.— 1968.— Вып. 113.— С. 102—106.
223. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадильным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК.— 1932.— Т. 12.— С. 5—106.
224. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г.— М.: Наука, 1983.— 200 с.
225. Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА.— 1956.— № 52.— 184 с.
226. Раппопорт П. А. Из истории военн-инженерного искусства древней Руси // МИА.— 1952.— № 31.— С. 133—201.
227. Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // МИА.— 1959.— № 75.— С. 9—39.
228. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. // МИА.— 1961.— № 105.— 242 с.
229. Раппопорт П. А. Архитектура древней Руси и археология // КСИА АН СССР.— 1982.— Вып. 172.— С. 3—9.
230. Репников Н. И. Несколько слов о развалинах Аккерманской крепости // Записки разряда военной археологии и археографии русского военно-инженерного общества.— 1912.— Т. 2.— С. 59—87.
231. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг. // ИГАИМК.— 1932.— Т. 12.— С. 107—152.
232. Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК.— 1932.— Т. 12.— С. 181—212.
233. Репников Н. И. Подъемная дорога Эски-Кермена // ИГАИМК.— 1935.— Вып. 117.— С. 18—42.
234. Рудаков В. Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // Социальное развитие Византии.— Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1979.— С. 105—111.
235. Рыбина Е. А. Западноевропейская система знаков собственности // Вспомогательные исторические дисциплины.— Л.: Наука, 1981.— Т. 12.— С. 282—296.
236. Сарочан С. Б. Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э.— V в. н. э.: Автореферат. канд. дисс.— М., 1981.— 19 с.
237. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // Уч. зап. Саранского ун-та.— Саранск, 1960.— Вып. 11.— 296 с.
238. Секиринский С. А., Волобу-
- ев О. В., Когоношвили К. К. Крепость в: Судак.— Симферополь. Таврия, 1980.— 96 с.
239. Семенова Л. Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавии во 2-й половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века.— Кишинев: Штиинца, 1972.— Вып. 1.— С. 207—234.
240. Сергачев С. А. Монетные знаки белорусских плотников // СЭ.— 1979.— № 6.— С. 66—73.
241. Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.— М.: Наука, 1976.— 152 с.
242. Сметанин В. А. Турецкое нашествие и военные издержки Византии (1283—1453) // АДСВ.— 1976.— Вып. 13.— С. 97—113.
243. Смирнов В. Д. Крымское ханство под главенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.— СПб., 1887.— 772 с.
244. Смирнов Н. А. Значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // ВВ.— 1953.— Т. 7.— С. 50—71.
245. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона.— Л.: Искусство, 1983.— 224 с.
246. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— Киев: Изд-во АН УССР, 1959.— 179 с.
247. Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма.— Киев: Наукова думка, 1968.— С. 11—46.
248. Станчев Ст. Старобългарската култура през VIII—X век (кратка археологическа характеристика).— Трудове на висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методий» във Търнџво.— София, 1964.— С. 19—36.
249. Стасюлевич М. Осада и взятие Византии турками // Уч. зап. второго отделения АН.— СПб., 1854.— Кн. I.— 112 с.
250. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.— М., 1981.— 304 с.
251. Струков Д. М. О древне-христианских памятниках в Крыму.— М., 1872.— 46 с.
252. Струков Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде.— М., 1876.— 51 с.
253. Струков Д. М. О доисторических памятниках Тавриды.— М., 1879.— 68 с.
254. Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду: В 2-х т.— СПб., 1805.— Т. 2.— 244 с.
255. Суворов Е. Г. Раскопки дворца на плато Мангупа в Крыму // КСИА АН СССР.— 1972.— Вып. 129.— С. 96—99.
256. Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ.— 1961.— Т. 19.— С. 241—259.
257. Талис Д. Л. О классификации и датировании некоторых средневековых городищ Крыма // Экспедиции ГИМ.— М., 1969.— С. 130—142.
258. Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как истори-

- ческий источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы.— М., 1974.— С. 89—113.
259. Геляковский А. Фортификация: В 2-х т.— СПб., 1846.— Т. 2.— 386 с.
260. Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА.— 1953.— № 34.— С. 319—333.
261. Тиханова М. А. Базилика // МИА.— 1953.— № 34.— С. 334—389.
262. Горманян А. Об архитектуре и о времени возведения цитадели в Белгород-Днестровский // Результати полевих археологічних досліджень 1970—1971 років на території України: Тез. пленарних і секційних доповідей.— Одеса, 1972.— С. 403—404.
263. Труды II археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб.— 1881.— 318 с.
264. Тунманн М. Крымское ханство. Симферополь: Крымиздат, 1936.— 304 с.
265. Удальцова З. В. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV в.— ВВ, 1951.— Т. 4.— С. 91—121.
266. Уваров А. С. Материалы для биографии и статьи по теории археологии: В 3-х т. СПб., 1910.— Т. 3.— 386 с.
267. Фармаковский Б. В. Экскурсия в Малую Азию.— ИРАЙК, София, 1900.— Т. 6.— Вып. 2.— С. 419—429.
268. Федоров 6-й. О военной архитектуре средних веков. Инженерные записки.— СПб., 1855.— Ч. 12.— Кн. 2.— С. 221—266.
269. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние турки на Северном Кавказе.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.— 296 с.
270. Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического.— Новосибирск: Наука, 1976.— 224 с.
271. Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ.— 1979.— Т. 40.— С. 104—113.
272. Фиркович А. С. Авиз-Зиккарон.— Вильно, 1872.— 256 с. (на иврите).
273. Хальпахьян О. Х. Этапы планировки и застройки Феодосии (с древнейших времен до конца XVIII в.) // АН, 1976.— Вып. 25.— С. 35—42.
274. Хвольсон Д. А. Восемнадцать еврейских надписей.— СПб., 1866.— 192 с.
275. Хвольсон Д. А. Еврейские древности в Крыму // Труды 1-го археологического съезда: В 2-х т.— М., 1871.— Т. 2.— С. 853—859.
276. Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей из Крыма.— СПб., 1884.— 528 с.
277. Цончев Д., Стоилов С. Асеновата крепост.— Пловдив, 1960.— 24 с.
278. Чемерзин А. Турция, ее могущество и распадение.— СПб., 1878.— 195 с.
279. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий.— М.: Наука, 1980.— 216 с.
280. Шапшал С. Каранмы и Чуфут-Кале.— СПб., 1896.— 48 с.
281. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология.— КСИА АН СССР.— 1978.— Вып. 156.— С. 16—21.
282. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв.— М., 1908.— 142 с.
283. Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия.— М.: Наука, 1980.— 408 с.
284. Шкорпил К. Знаки на строительных материалах. Материалы для болгарских древностей Абобы.— Плиска // ИРАЙК.— 1905.— Т. 10.— С. 247—268.
285. Шкриванич Г. А. Косовска битка.— Цетинье, 1956.— 112 с.
286. Шперк В. Ф. Фортификационный словарь.— М.: Изд-во Военно-инж. Акад. им. В. В. Куйбышева, 1946.— 128 с.
287. Шперк В. Ф., Борисов Ф. В. Долговременная фортификация: В 2-х т.— М.: Воениздат, 1952.— Т. 1.— 422 с.
288. Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОАИЭ, 1929.— Т. 3.— С. 15—43.
289. Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г. А. Леера: В 8-ми т. СПб., 1884.— Т. 2.— 624 с.
290. Якобсон А. Л. Из истории архитектуры средневекового Крыма. П. Мангупская базилика // СА.— 1940.— Т. 6.— С. 205—226.
291. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК.— 1949.— Вып. 29.— С. 55—63.
292. Якобсон А. Л. Дворец // МИА.— 1953.— № 34.— С. 390—418.
293. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА.— 1954.— Т. 21.— С. 148—163.
294. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА.— 1959.— № 63.— 364 с.
295. Якобсон А. Л. Рец. на кн.: История и археология средневекового Крыма // СА.— 1961.— № 2.— С. 289—293.
296. Якобсон А. Л. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— С. 182—190.
297. Якобсон А. Л. Средневековый Крым.— М.— Л.: Наука, 1964.— 232 с.
298. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА.— 1970.— № 168.— 224 с.
299. Якобсон А. Л. Рец. на кн.: Археологические исследования средневекового Крыма // СА.— 1971.— № 3.— С. 298—302.
300. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА АН СССР.— 1974.— Вып. 140.— С. 110—114.
301. Якобсон А. Л. Античные традиции в культуре раннесредневековой Таврики / Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока.— М.: Наука, 1978.— С. 89—97.

302. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.— Л.: Наука, 1980.— 164 с.
303. Яковлев В. Эволюция долговременной фортификации.— М.: Воениз, 1931.— 362 с.
304. Vanescu N. Contribution a l'histoire de la seigneurie de Theodoro Mangoup en Crimée // Byzantinische Zeitschrift, Leipzig, Berlin, 1935.— P. 20.— 37.
305. Bayej. Les Goths de Crimée.— Paris, 1907—68 p.
306. Bellinger A., Grierson P. Catalogue of the Bizantine Coins in the Dumbarton Oaks collection and in the white-mare collection; Washington, 1973.— V. 3.— 544 p.
307. Binding G. Trühe staufische Steinmetzzeichen // Burgen und Schlösser.— Düsseldorf, 1966.— T. 2.— Z. 41—52.
308. Bogdanovski J., Holcer Z., Kornecki M., Swaryczewski A. Mali słownik terminologiczny dawniej architektury obronnej w Polsce.— Ossolineum; Polska Academia Nauk, 1974.— 113 s.
309. Brun Ph. Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Cazarie // Memoires de L'Academie de St.— Petersburg.— 1886.— 7 serie.— T. 10.— 9.— P. 61—98.
310. Cassi Ramelli A. Dalle Caverne ai Rifugi Blindati.— Milano, 1964.— 384 p.
311. Choisy A. L'art de batir chez les Byzantines.— Paris, 1883.— 620 p.
312. Clarke E. D. Travels in Russia, Tartar and Turkey.— London, 1839.— V. 2.— 588 p.
313. Diehl Ch. L'Afrique Byzantine.— Paris, 1896.— 419 p.
314. Dubois de Montperux. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie, en Crimée.— Paris, 1843.— T. 6.— 404 p.
315. Glossarium Artis. Burgen und Festeplätze. Chateaux-forts et places Fortes.— Tübingen, 1977.— 235 z.
316. Gusrie M. A. Tour performed in the years 1795—1796, throught the Taurida or Crimea.— London, 1802.— 221 p.
317. Harkawy A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim-St.— Pt., 1876.— 334 p.
318. Feher G. Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises.— Budapest, 1931.— 164 p.
319. Jean-Pierre A. La basilique byzantine de Kydna de Lycie. Notes descriptives et restitutions // Revue archeologique, 1977.— P. 53—61.
320. Ksiega podrozy Ewlji Czelebiego.— (Wybor)— Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1969.— 477 s.
321. Lassus J. La forteresse Byzantine de Thamugadi.— Paris, 1981.— V. 1.— 262 p.
322. List. K. Wasserburg lahr beiträge zam Burgenlan der Starierzeit // Burgen und Schlosser.— Duseldorf, 1970.— T. 2.— 43—54 z.
323. Millingeh A. Byzantine Constantino-pole. The walls of the city and adjoining historical sites.— London, 1889.— 638 p.
324. Mosin V. Les kazares et les byzantins. D'apres l'anonyme de Cambridge // Byzantion. Review Internationale des Studes Byzantines, 1931.— T. 6.— P. 309—325.
325. Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Keise die sudlichen Stathhalterschaften des Russischen Reiches in den jahren 1793—1794.— Leipzig, 1799—1801.— 206 z.
326. Pekkanen T. The pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas Arctos. Acta philologia fennica.— Helsinki, 1979.— Vol. 13, p. 111—128.
327. Peyssonel M. De. Traite sur commerce de la Mer Noire.— Paris, 1787.— T. 1.— 185 p.
328. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaclava) // Altj della Societa Lugure di storia patria.— Genova, 1928.— Vol. 56, s. 103—138.
329. Szyzsman S. Les passionnants Manuscrits d'Abraham Firkoviez // Archeologia, Paris.— Janvier.— 1975.— N. 78.— P. 61—69.
330. Vasiliev A. A. Jörg of Nurenberg, a writer contemporary with the fall of Constantinople // Byzantion, Bruxelles, 1935.— T. X.— F. 1.— P. 203—210.
331. Vasiliev A. A. The goths in the Crimea.— Cambridge, Massachusetts, 1936.— 293 p.

Термины классификации кладки*

- Однорядная постелистая тычковая однослойная кладка — блоки лицевого панциря уложены на постели (широкие грани) тычками.
- Однорядная простая орфостатная кладка — блок панциря пристраивается логом на длинные узкие грани (ложки).
- Однорядная орфостатная сложная кладка — блоки панциря уложены попеременно

- тычком и логом на узкую длинную грань
- Однорядная постелистая ложково-тычковая кладка — блоки панциря уложены попеременно тычком и логом на постели.
- Двухслойная однолицевая кладка — лицевой панцирь из блоков, за ним забутовка без особого тыльного панциря из тесаного камня.

* Использована терминология, предложенная С. Д. Крыжыцким (138).

Иррегулярная бутовая кладка — кладка из ломаного бутового камня без выраженной рядности.

Двухслойная двухлицевая кладка — кладка

состоит из двух совмещенных пандирей, сложенных из блоков без забутовки между ними,

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВАРЬ

специальных военно-инженерных терминов, использованных в тексте*

- Ансамбль (крепостной)** — большие группы долговременных сооружений, связанных вместе одной тактической задачей и одним фортификационным решением.
- Анфилада (анфиладный огонь)** — продольное обстреливание неприятеля, когда выстрелы направлены вдоль его фронта.
- Аркобаллиста** — метательная машина, напоминавшая большие арбалеты, стрелявшая стрелами или каменными ядрами.
- Барбакан** — предвратное укрепление.
- Брешь-батарея** — батарея, предназначенная для произведения обвала в осаждаемом укреплении, удобного для штурма.
- Валганг** — в средние века — присылка изнутри стен с целью их усиления, на ней могли располагаться защитники и устанавливаться орудия.
- Верк** — отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону.
- Виней** — передвижные щиты, применявшиеся осаждающими.
- Главная крепостная ограда** — линия укреплений, ближайшая к городу, наиболее прочно укрепленная.
- Главная крепостная позиция** — наружный пояс крепостных укреплений, состоящий из фортов или промежуточных укреплений, удаленный от центральной ограды. На этой позиции гарнизон крепости должен был оказывать наиболее упорное сопротивление атакующему противнику. Носит иногда название главной оборонительной позиции крепости.
- Горжа** — тыльная сторона отдельного укрепления.
- Дефилирование укрепления** — горизонтальное дефилирование — прикрытие фасов укреплений от продольного поражения, вертикальное прикрытие внутренней части укрепления от обстрела с господствующих высот.
- Директриса стрельбы** — линия, перпендикулярная линии огня, показывающая главное направление выстрелов.
- Капиталь** — вообразимая линия, делящая углы укреплений пополам.
- Клавикулла (захаб)** — заходящие друг за друга фланги оборонительных стен, образующие проход в крепость.
- Кордон** — небольшой карнизный выступ наверху крепостных стен для предохранения от стока дождевой воды по стенам.
- Крепостной полигон** — многоугольник, вдоль сторон которого располагаются крепостные фронты. Стороны многоугольника называются линией полигона.
- Ложемент (артиллерийский)** — земляное прикрытие одного орудия.
- Магистральная линия крепости** — линия, определяющая общее очертание долговременного сооружения.
- Мерлон** — часть бруствера между двумя амбразурами или бойницами.
- Мертвый угол** — в крепостях тенального начертания — необстреливаемое пространство перед фасадами укреплений.
- Ретраншемент** — оборонительная ограда, устроенная за главной линией обороны, с целью затруднить прорвавшимся осаждающим распространяться внутри крепости.
- Самбуки** — большие осадные лестницы высотой до 17 м, допускавшие одновременное восхождение нескольких человек рядом.
- Стратегические ключи крепости** — важные пункты позиции, взятие которых давало противнику особые выгоды в дальнейших его операциях.
- Тактические ключи крепости** — опорные пункты, с потерей которых затруднялась или делалась невозможной оборона какого-либо участка позиции или даже возникла опасность потери всей позиции.
- Тенальное начертание** — излом оборонительной линии внутрь для достижения лучшего флангового обстрела.
- Толено** — осадная машина типа журавля с большой корзиной на несколько человек.
- Фас укрепления** — сторона укрепления, обращенная в поле.
- Фланк** — короткая сторона укрепления, перпендикулярная или почти перпендикулярная линии фронта.
- Эпикампий** — выступ в части оборонительной стены, примыкающей к воротам, предназначенный для их фланкирования.
- Эполемет** — часть насыпи земляного артиллерийского укрытия, защищающая орудия и прислугу от анфиладного огня противника.
- Эскалада** — штурм крепости при помощи лестниц.
- Эспланада** — открытое незастроенное пространство перед фасом укрепления.

* Терминология долговременной фортификации сверена по следующим изданиям: 4, 44, 70, 111, 112, 114, 115, 148, 149, 154, 155, 193, 206, 259, 283, 286, 287, 289, 303, 308, 310, 315.

В 1970 г. нами были взяты семь образцов дерева из балочных гнезд нижней оборонительной стены в Табана-дере (А. XIV), башен ВЛО, оборонительной стены укрепления А. XV и А. XIV, а также донжона цитадели. Исследования образцов на радиоуглерод было произведено в Лаборатории геохронологии Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск) (271, с. 169—170).

Сопоставим опубликованные данные этого анализа с данными, полученными при комплексном архитектурно-археологическом анализе памятников.

СОАН — 374...1075 ± 40 лет, 895 ± 40 г. н. э.* Обломок балки из тыльной части оборонительной стены укрепления А. XV в районе башни А. 8, 2,4 м над современной поверхностью земли. Установлено нашими исследованиями, что этот участок укрепленной линии возведен в гурецкое время (XVI в.), более ранняя линия проходила по нижележащему уступу скалы (см. главу II).

СОАН — 375...840 ± 30 лет, 1130 ± 30 г. н. э. Обломок балки из тыльной части оборонительной стены укрепления А. XVI на высоте 1,35 м над поверхностью земли. Образец был взят из верхнего яруса бутовой кладки, надстроенной над кладкой с лицевым панцирем из квадров. Таким образом, дата не может быть ранее XIV в.

СОАН — 376...865 ± 30 лет, 1105 ± 30 г. н. э. Обломок продольной деревянной балки из полукруглой башни, взят из амбразуры на высоте 2,4 м над поверхностью земли. Полу-

круглая башня, как установлено исследованиями 1977 г., возведена на базе квадратной в плане башни не ранее конца XV в. (см. главу II).

СОАН — 377...1075 ± 30 лет, 895 ± 30 г. н. э. Обломок поперечной деревянной балки из тыльной части нижней оборонительной стены в Табана-дере (А. XI). Образец взят из кладки на высоте 4,3 м от поверхности земли (стена сохранилась здесь на высоту 5,6 м). Недалеко от места, где взят образец, немного ниже его уровня в стену вмурована надпись, сообщающая о постройке оборонительной стены наместником Цулой в 1503 г. (см. I и IV главы).

СОАН — 373...1070 ± 30 лет, 900 ± 30 г. н. э. Обломок продольной балки (лаги) в башне ВЛО, стоящей в верхних оврагах Табана-дере (В. 4). Образец взят на высоте 2,5 м над поверхностью земли из восточной половины башни, относящейся к эпохе жизни Федоро (см. главу IV).

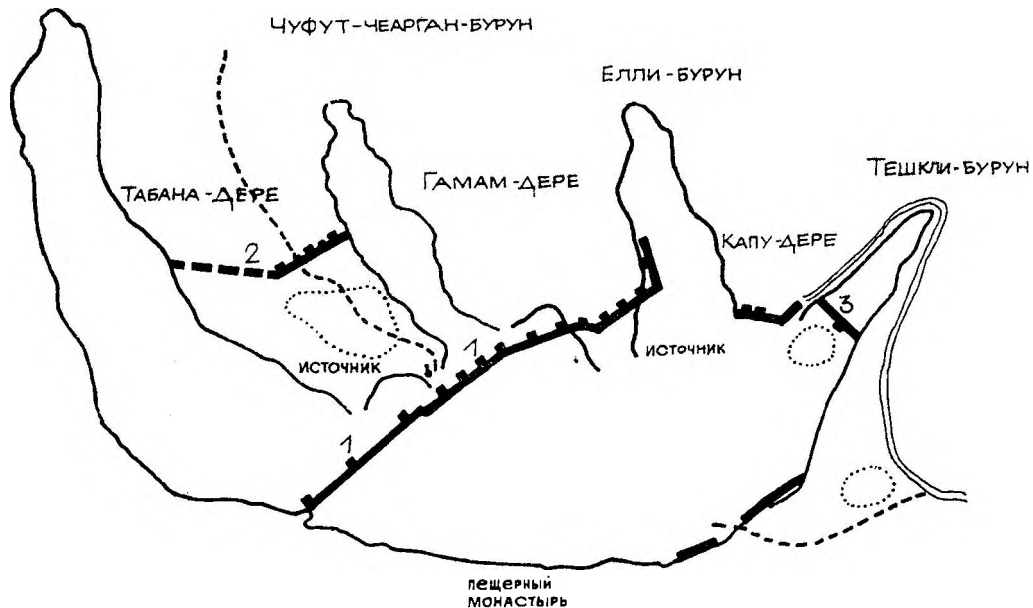
СОАН — 381...960 ± 50 лет, 1010 ± 50 г. н. э. Обломки балки из юго-западной стены донжона цитадели (гнездо для балки перекрытия первого этажа). Как отмечалось, цитадель возведена не ранее середины XIV в.

СОАН — 382...1155 ± 30 лет, 815 ± 30 г. н. э. Обломки продольной балки (лаги) из башни В. 9, стоящей над оврагом Гамам-дере на стыке ВЛО и укрепления А. XV. Образец взят на высоте 4,3 м над поверхностью земли (высота башни — 4,7 м). По эпиграфическим и архитектурно-археологическим данным ВЛО сооружена не ранее второй половины XIV в.

* СОАН — Сибирское отделение АН СССР, далее следует номер образца, его абсолютный возраст, отсчитанный от 1970 г., и дата от рубежа нашей эры (271, с. 7).

II. Крепостной ансамбль Мангула

ЧАМНУ-БУРУН

1. ГЛАВНАЯ ЛИНИЯ ОБОРОНЫ
2. ПЕРЕДОВАЯ СТЕНА В ТАБАНА-ДЕРЕ
3. ЦИТАДЕЛЬ

Рис. 1. Схема крепостного ансамбля Мангула по представлениям исследователей до 1971 г.

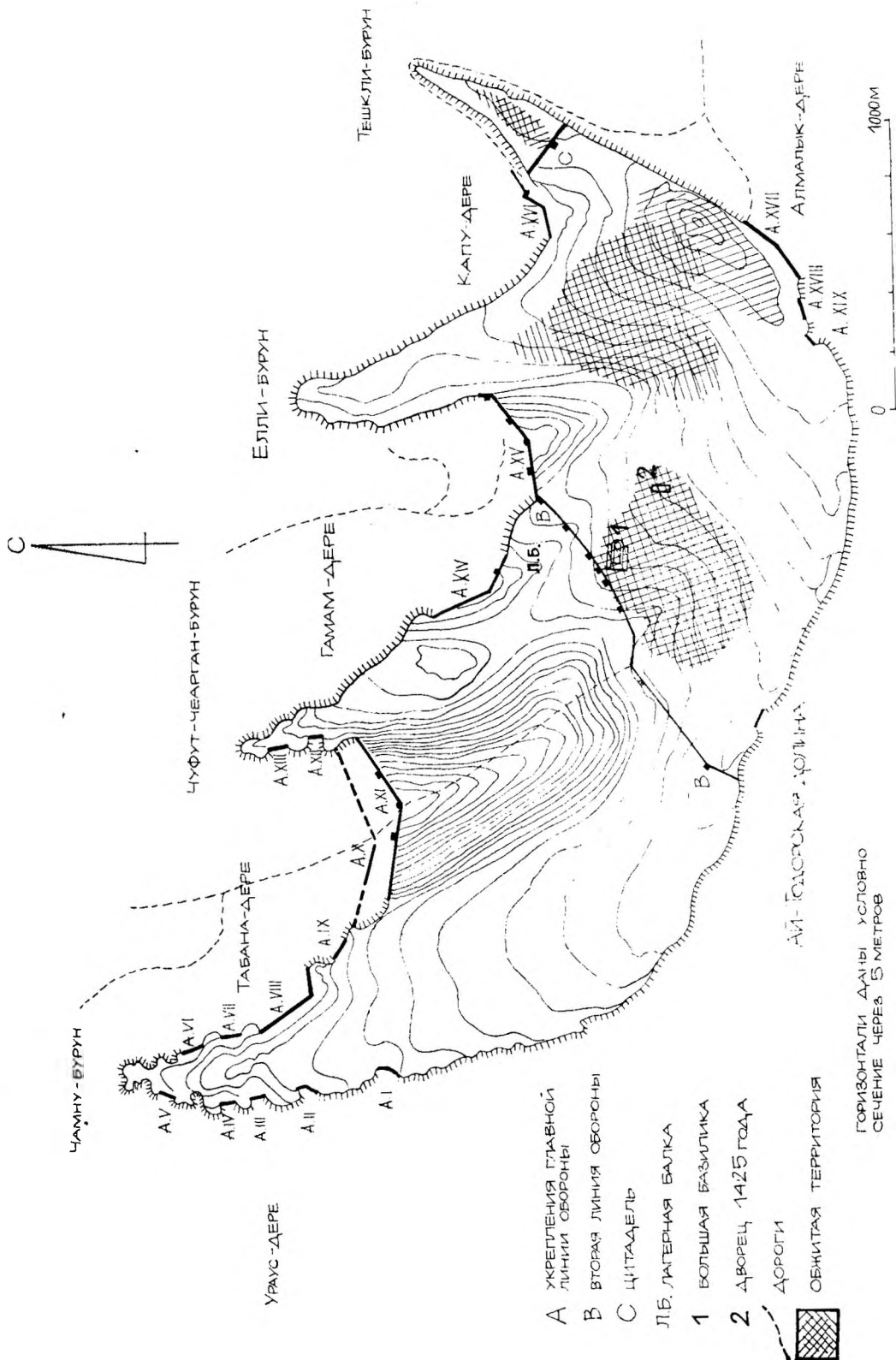

Рис. 2. Схема крепостного ансамбля Мангула.

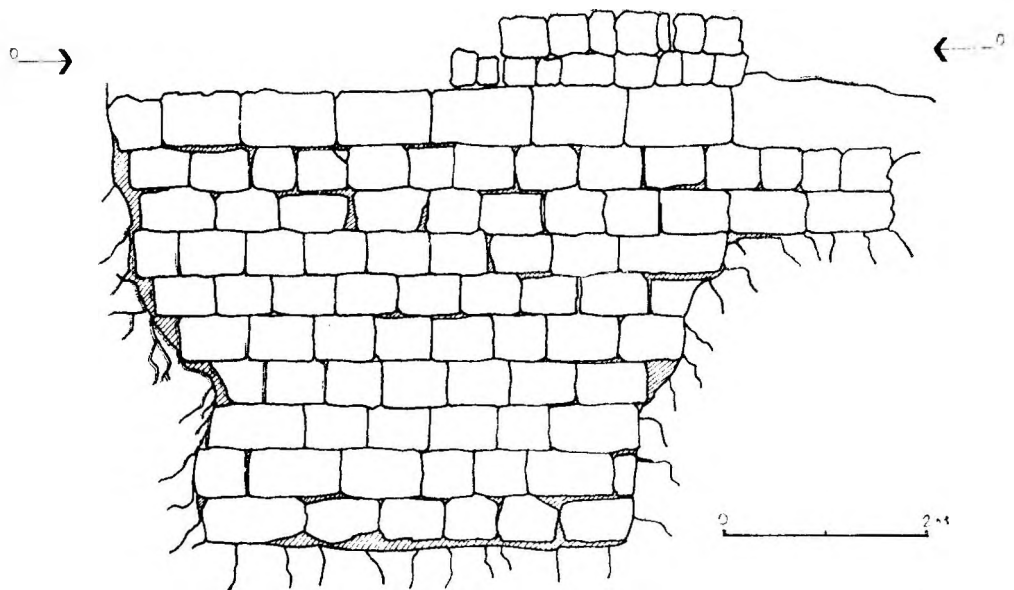

Рис. 3. Укрепление А. I. Фас оборонительной стены.

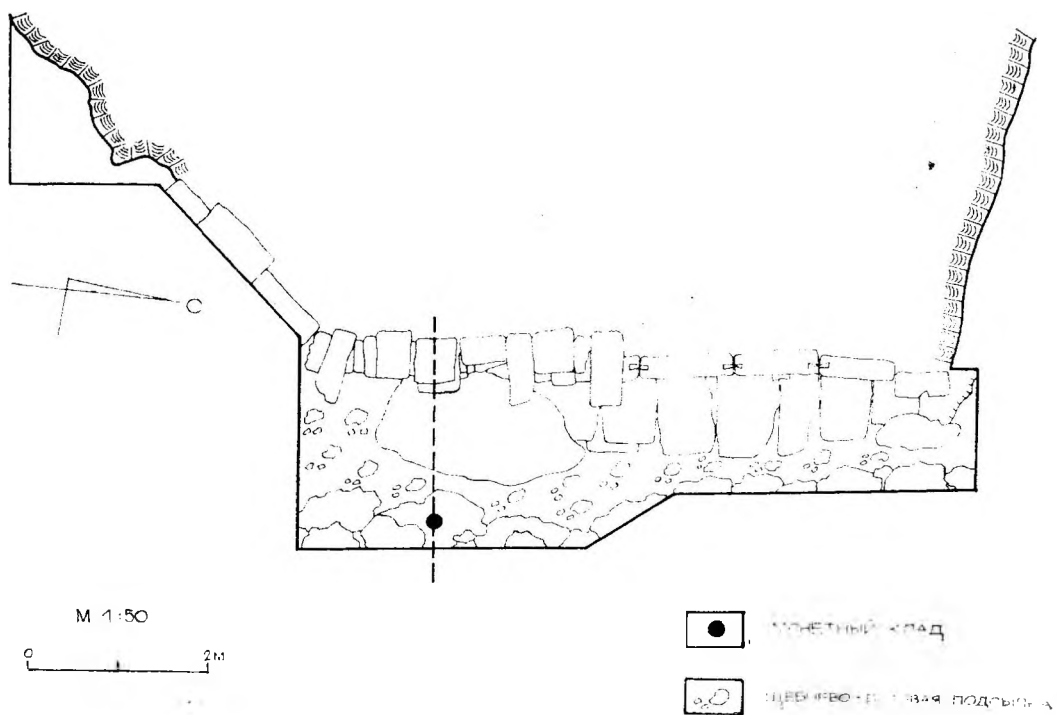

Рис. 4. Укрепление А. I. План

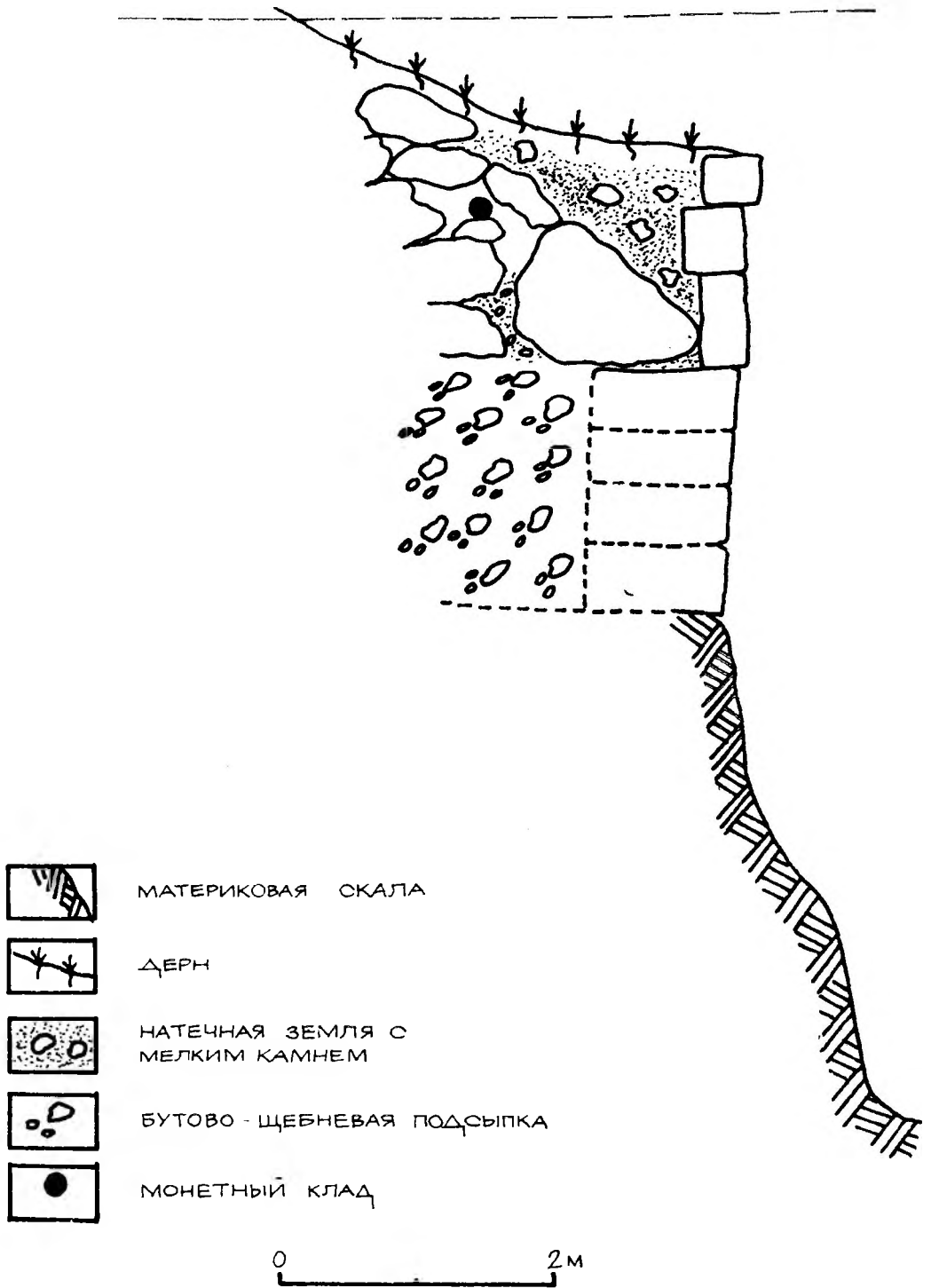

Рис. 5. Укрепление А. I. Разрез.

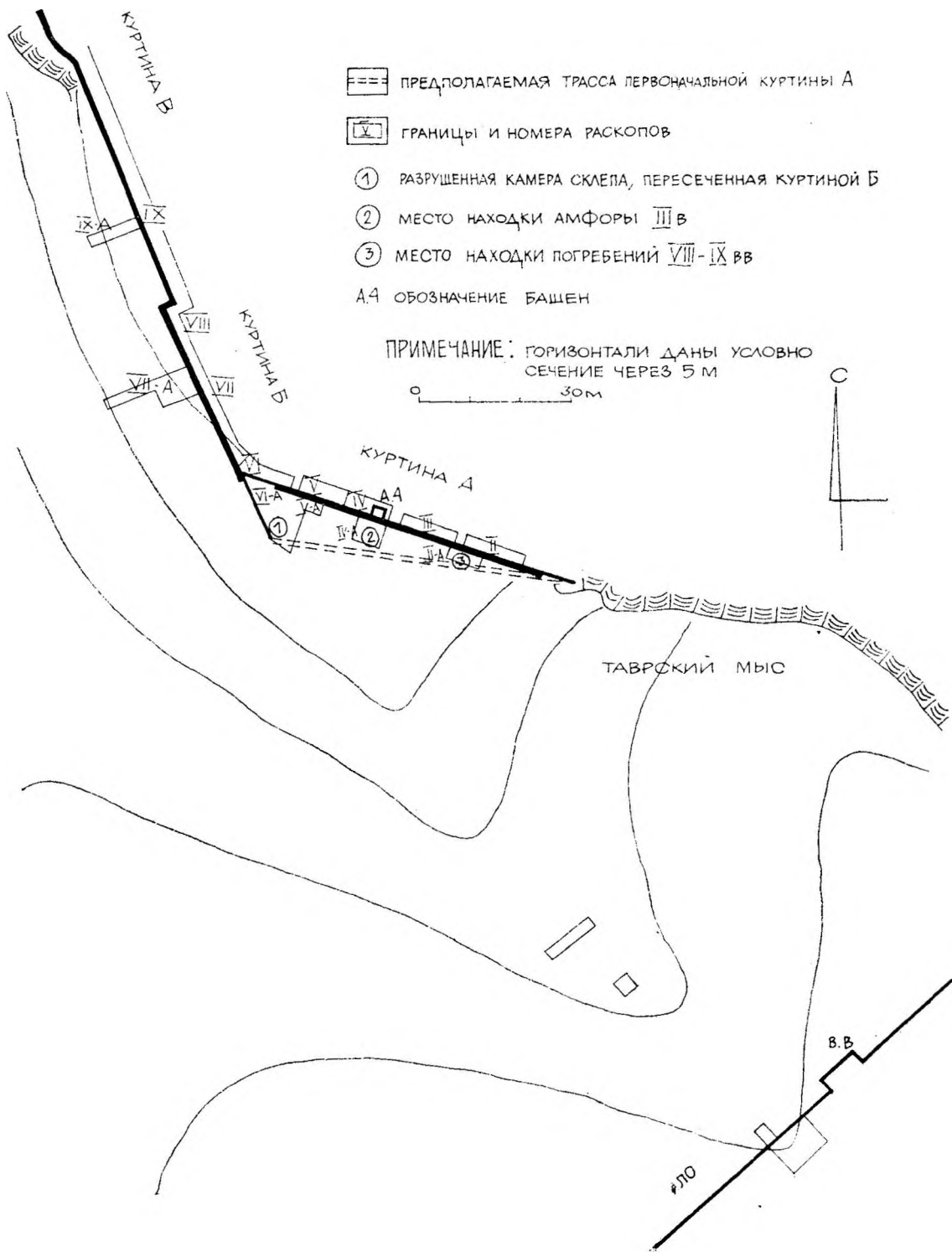

Рис. 6. Укрепление А. XIV. Ситуационный план.

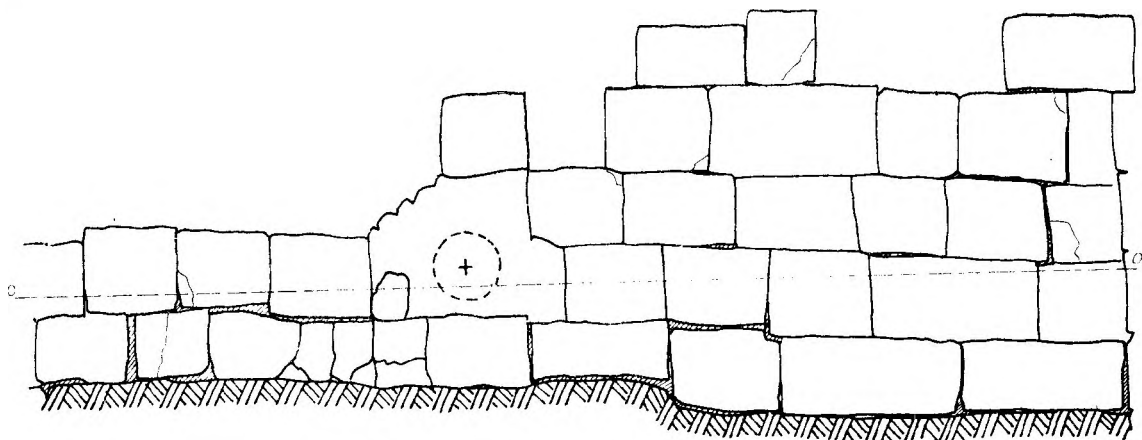
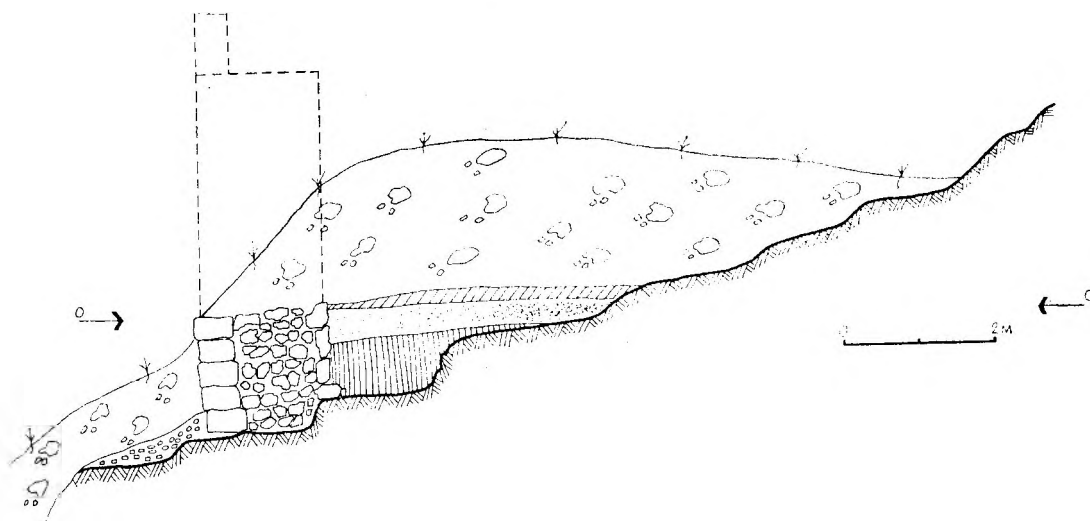

Рис. 7. Укрепление А. XIV. Куртина Б. Раскоп VIII. Фас лицевого панциря у фланка, разделяющего куртины Б и В. Отмечено место попадания турецкого пушечного ядра (1475 г.)

	ДЕРН		ЧЕРНАЯ ЗЕМЛЯ, НАБОЩЕННАЯ КАМНЕМ
	КАМЕННЫЙ ЗАВАЛ		
	СУГЛИНОК		
	ИЗВЕСТЬ, ПЕСОК		
	ТЕМНО-КОРИЧНЕВАЯ ЗЕМЛЯ
С МАТЕРИАЛОМ VI-VII ВВ		
- ПУНКТИРОМ ОБОЗНАЧЕНЫ
ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ГАБАРИТЫ СТЕНЫ

Рис. 8. Укрепление А. XIV. Куртина Б. Раскопы VII—VII-А. Стратиграфия.

ДЕРН

ЗЕМЛЯ, НАСЫЩЕННАЯ КАМНЕМ
С МАТЕРИАЛОМ VI VII ВВ

КАМЕННЫЙ ЗАВАЛ (ВАЛГАНГ?)

МАТЕРИКОВАЯ СКАЛА

ИЗВЕСТЬ, ПЕСОК

ПУНКТИРОМ ОБОЗНАЧЕНЫ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ
ГАБАРИТЫ СТЕНЫ

Рис. 9. Укрепление А. XIV. Куртина В. Раскопки IX—IX-A. План и разрезы.

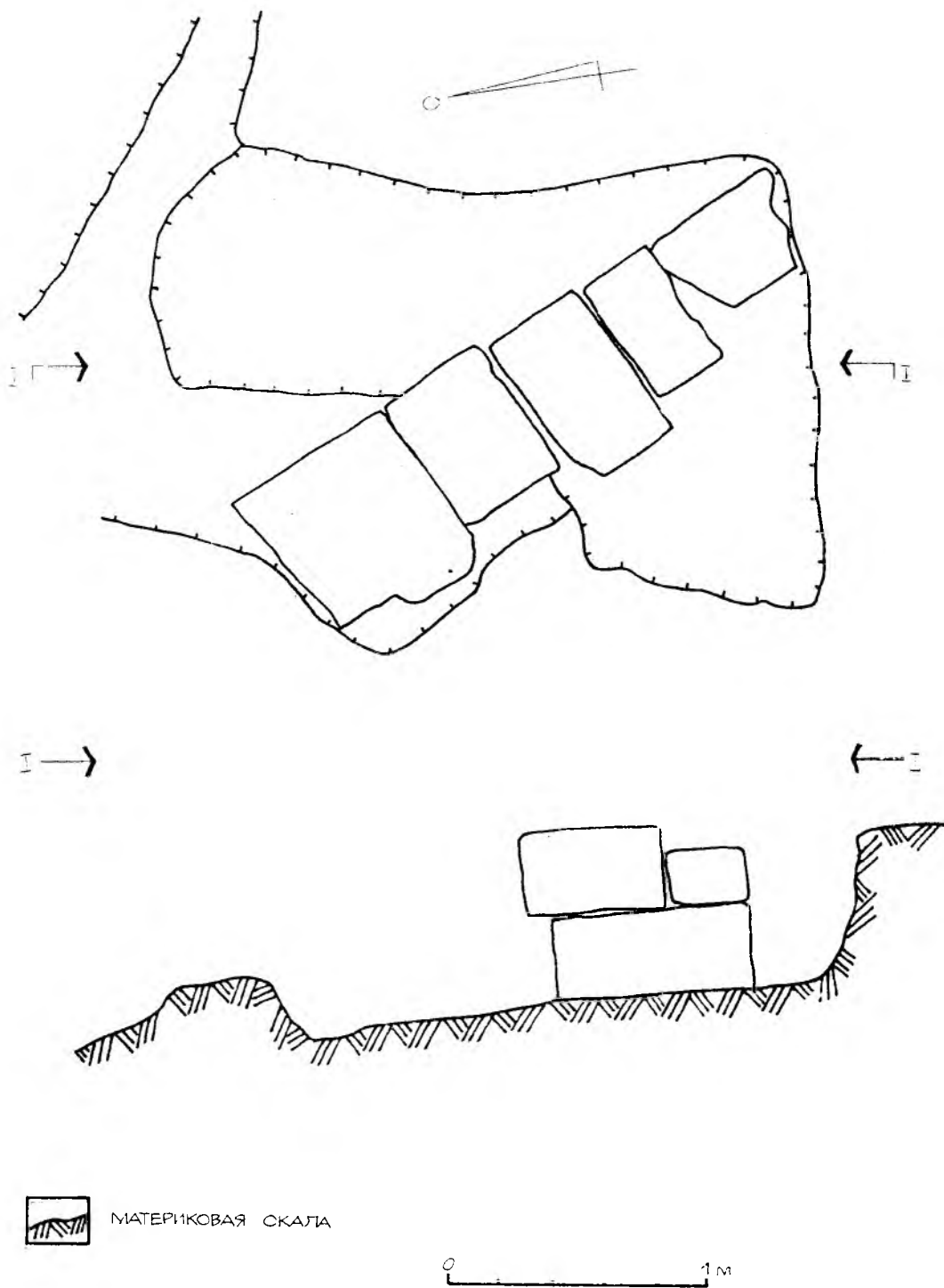

Рис. 10. Укрепление А. XIV. Участок раскопа VI-А. Фрагмент кладки куртины Б., пересекающей срубленный склеп. План и разрез.

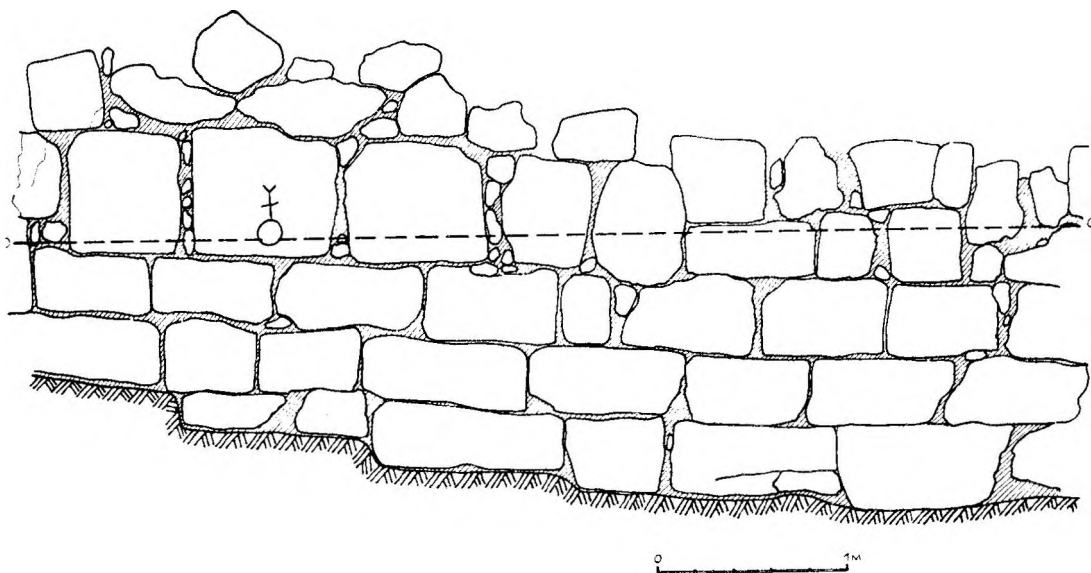

Рис. 11. Укрепление А. XIV. Куртина А. Раскоп III. Фас участка лицевого панциря.

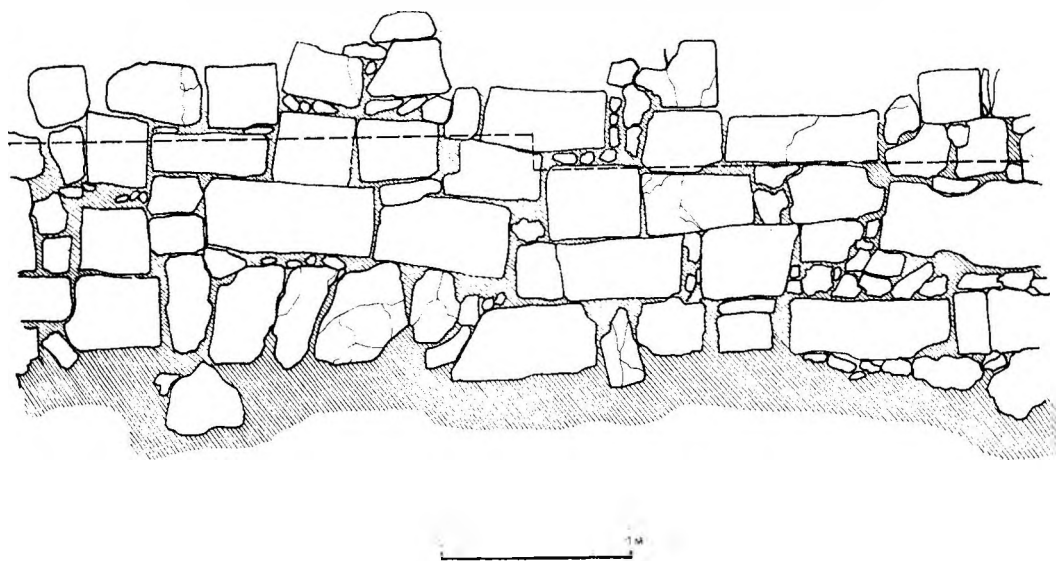

Рис. 12. Укрепление А. XIV. Куртина А. Раскоп V. Фас участка лицевого панциря.

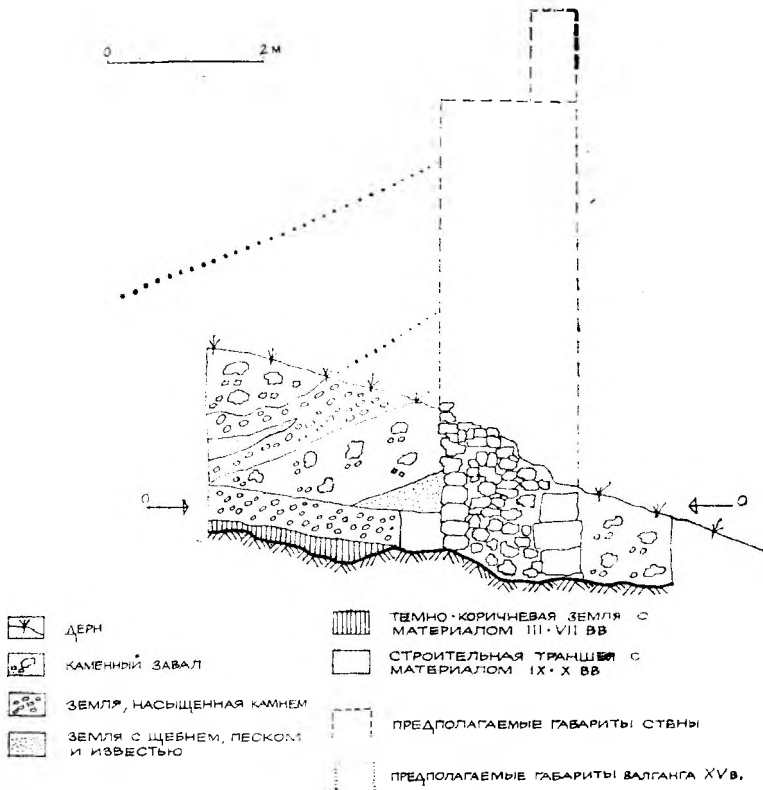

Рис. 13. Укрепление А. XIV. Куртина А. Раскопы II—II-А. Стратиграфия.

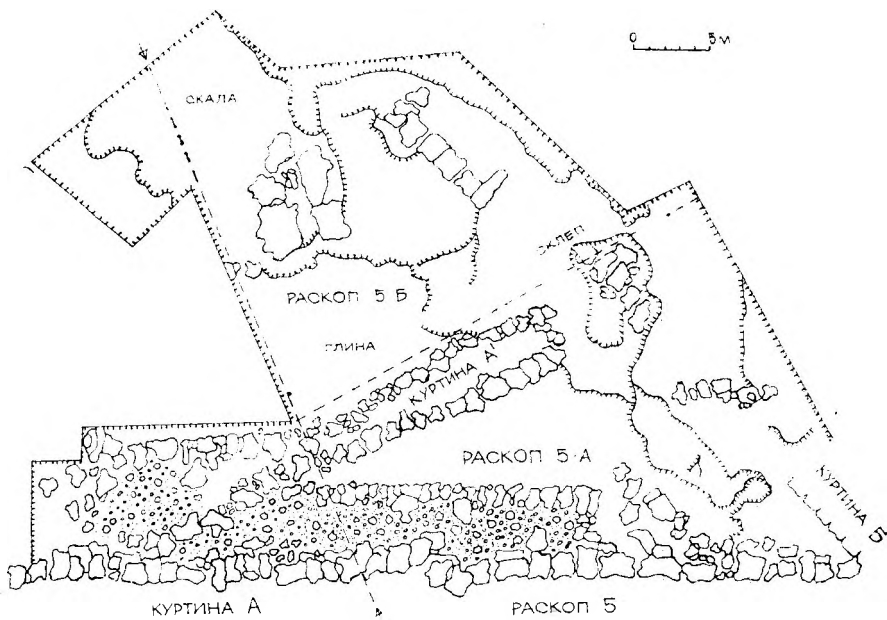

Рис. 14. Укрепление А. XIV. Раскопы V, V-А, V-Б. План.

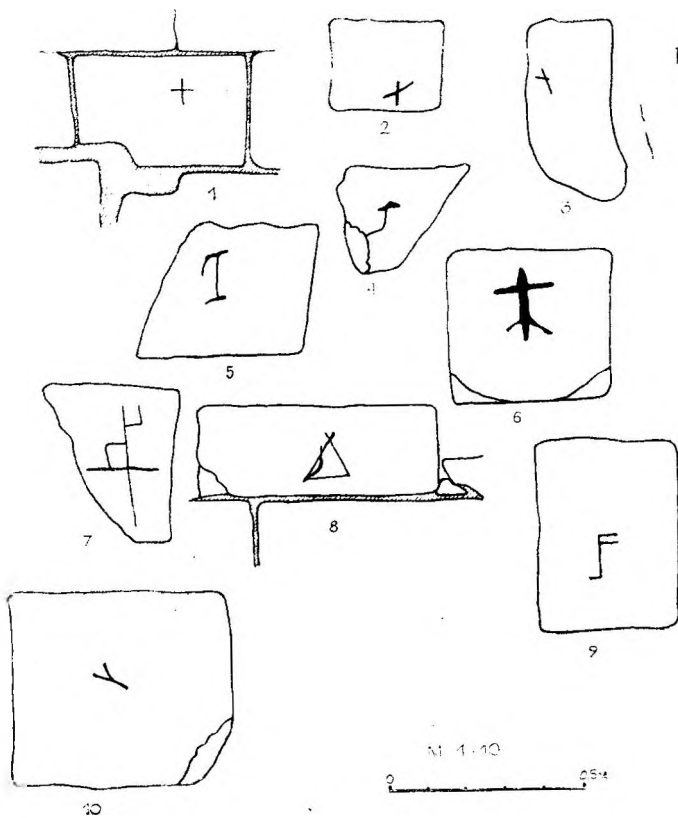

Рис. 15. Укрепление А. XIV. Знаки на камнях оборонительных стен.

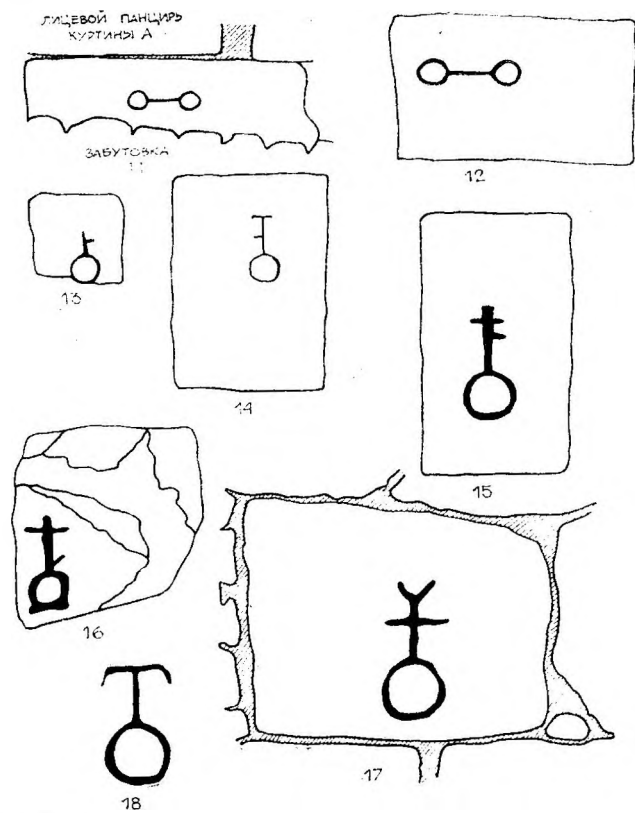

Рис. 16. Укрепление А. XIV. Знаки на камнях оборонительных стен.
Примечание: знак № 18 был обнаружен при раскопках базилики в 1938 г., опубликован без указания масштаба

Рис. 17. Укрепление А.VIII.
Знаки на камнях оборонительных стен.

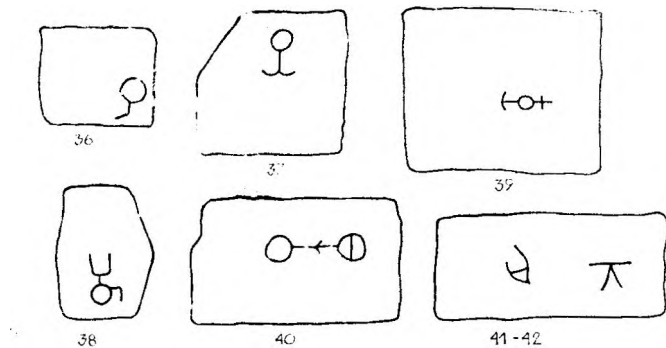
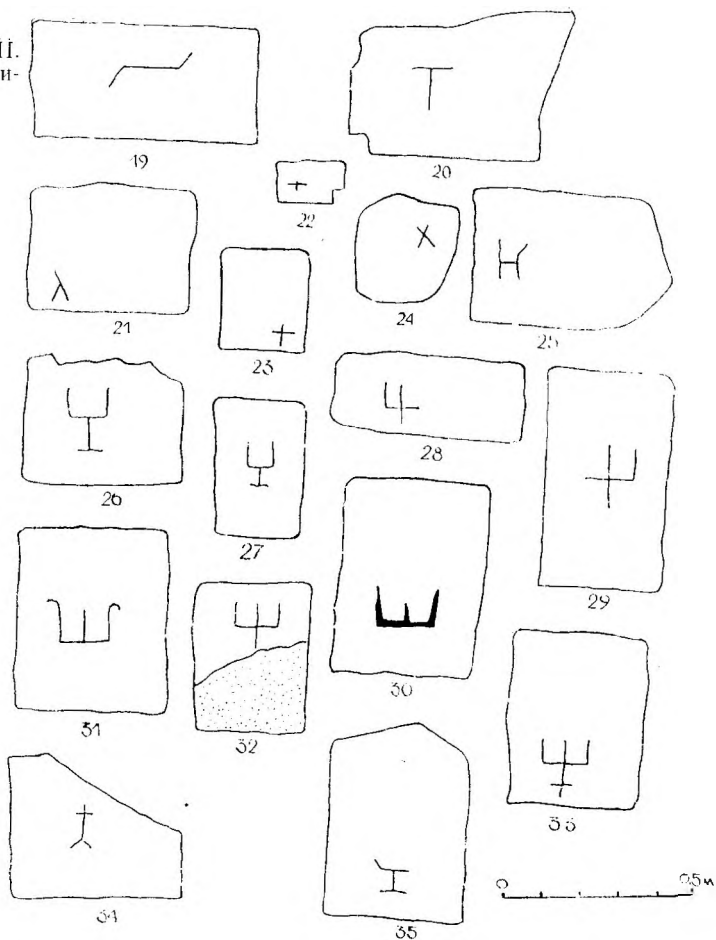
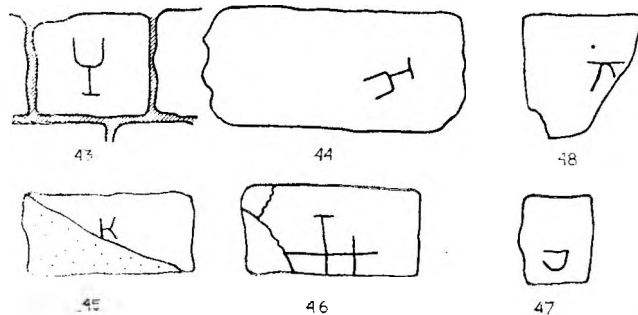

Рис. 18. Знаки на камнях оборонительных стен. № 36—40 — укрепление А. VIII; № 41—42 — укрепление А. V; № 43—44 — укрепление А. I и А. II; № 45—47 — укрепление А. XVI; № 48 — цитадель.
Примечание: блок со знаком № 45 показан в масштабе № 1.20.

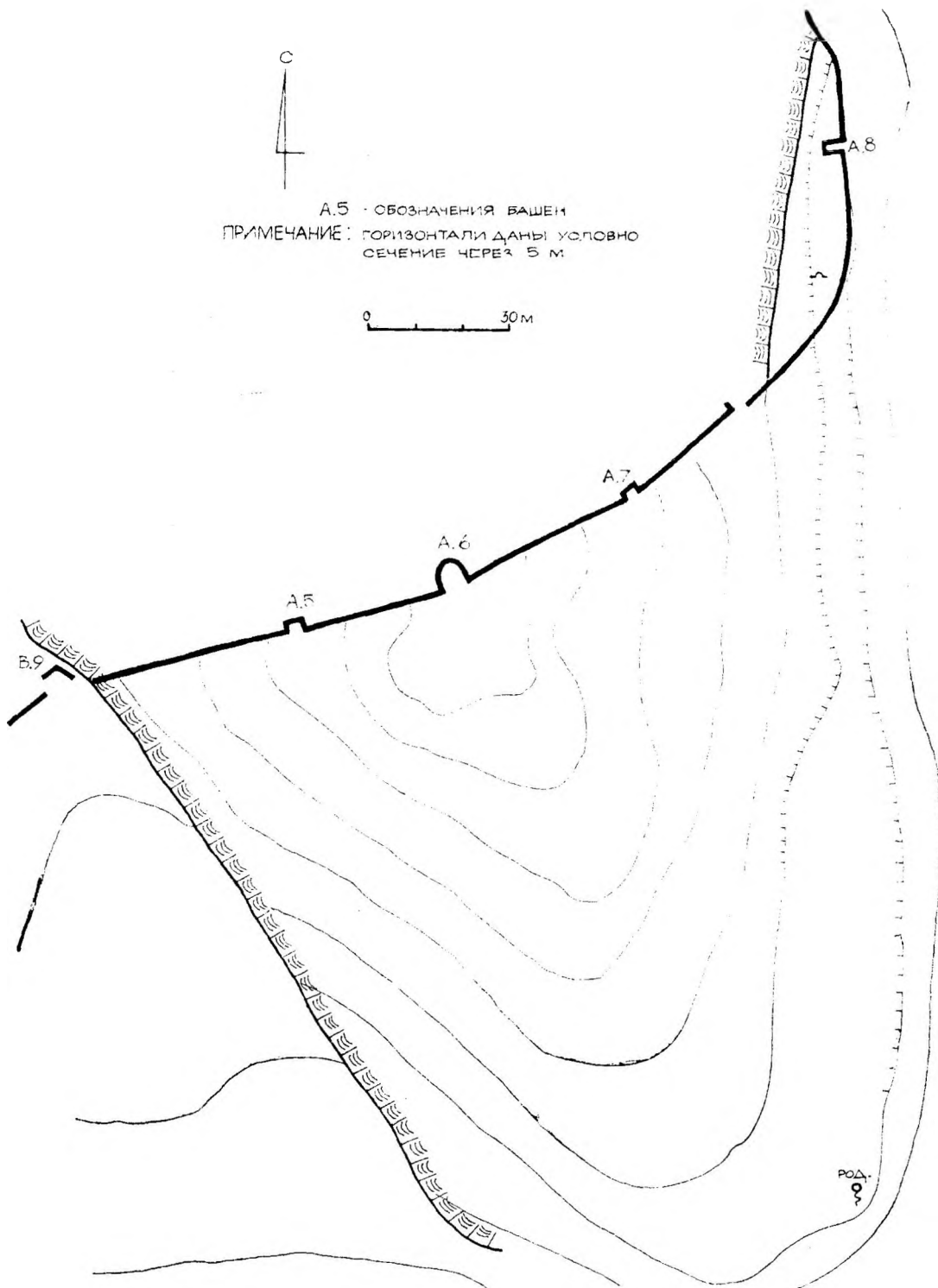

Рис. 19. Укрепление А. XV. Ситуационный план.

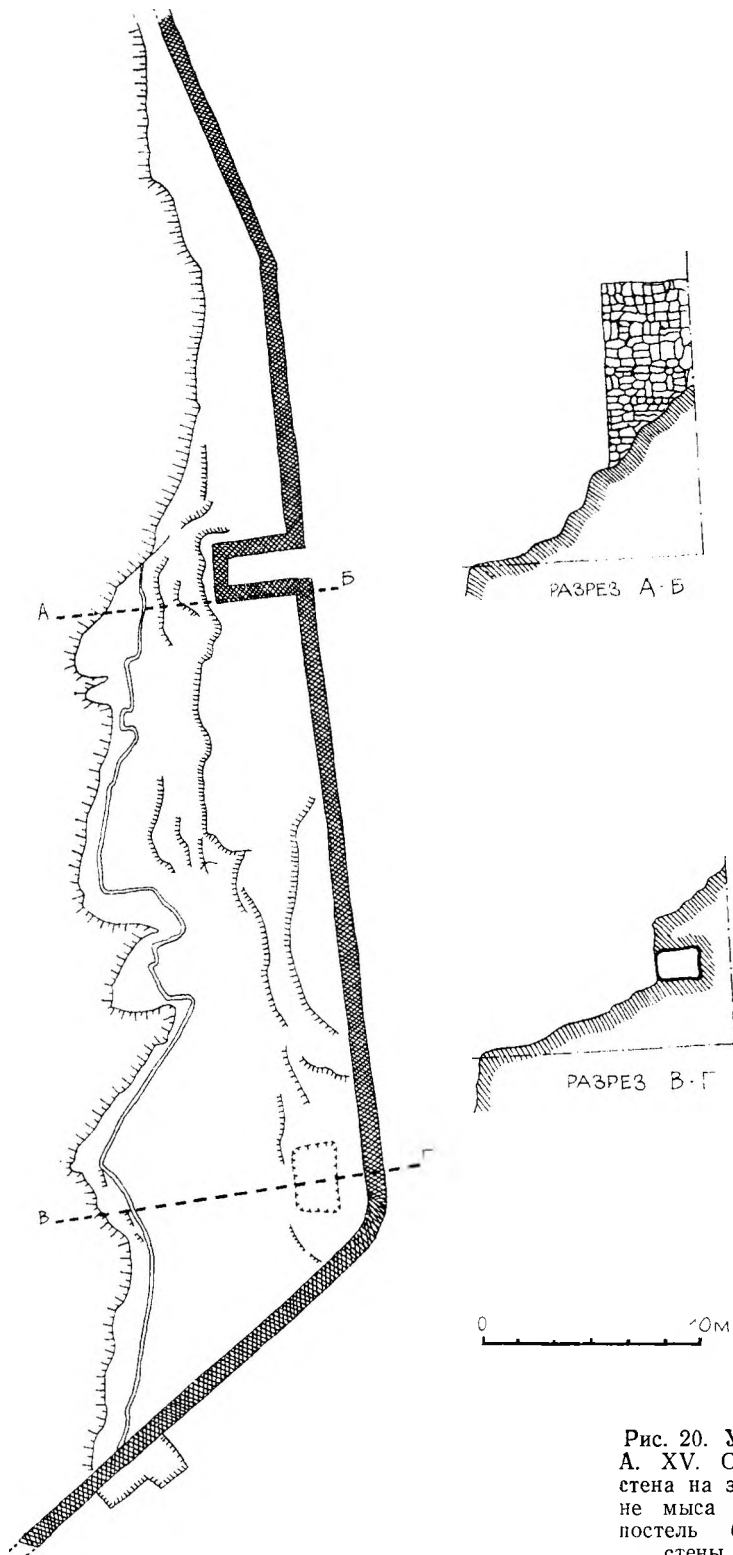

Рис. 20. Укрепление А. XV. Оборонительная стена на западном склоне мыса Елли-бурун и постель более ранней стены перед ней.

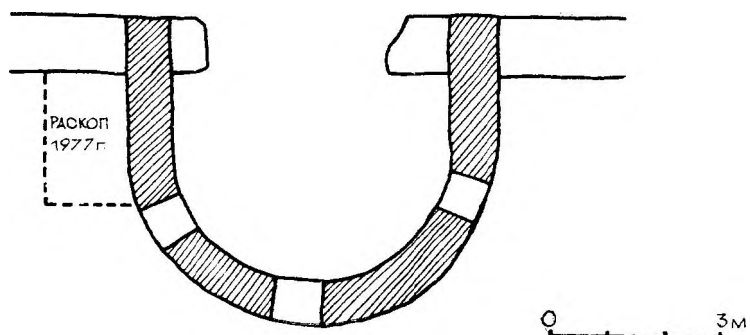
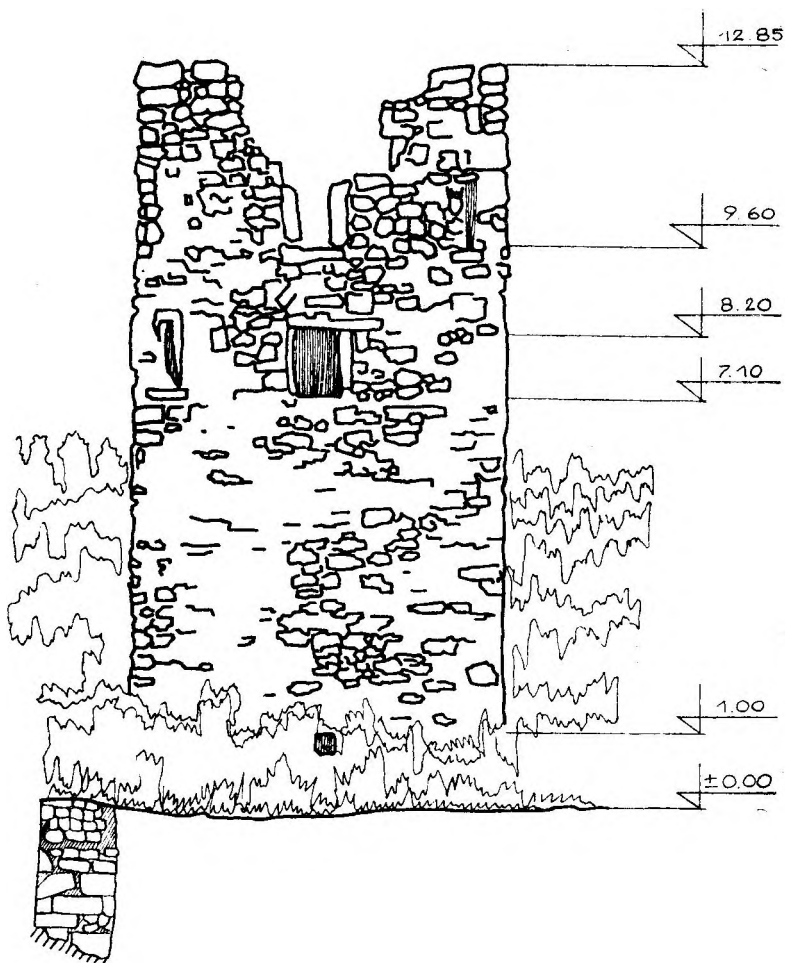

Рис. 21 Укрепление А. XV. Башня А. 6 Фас.

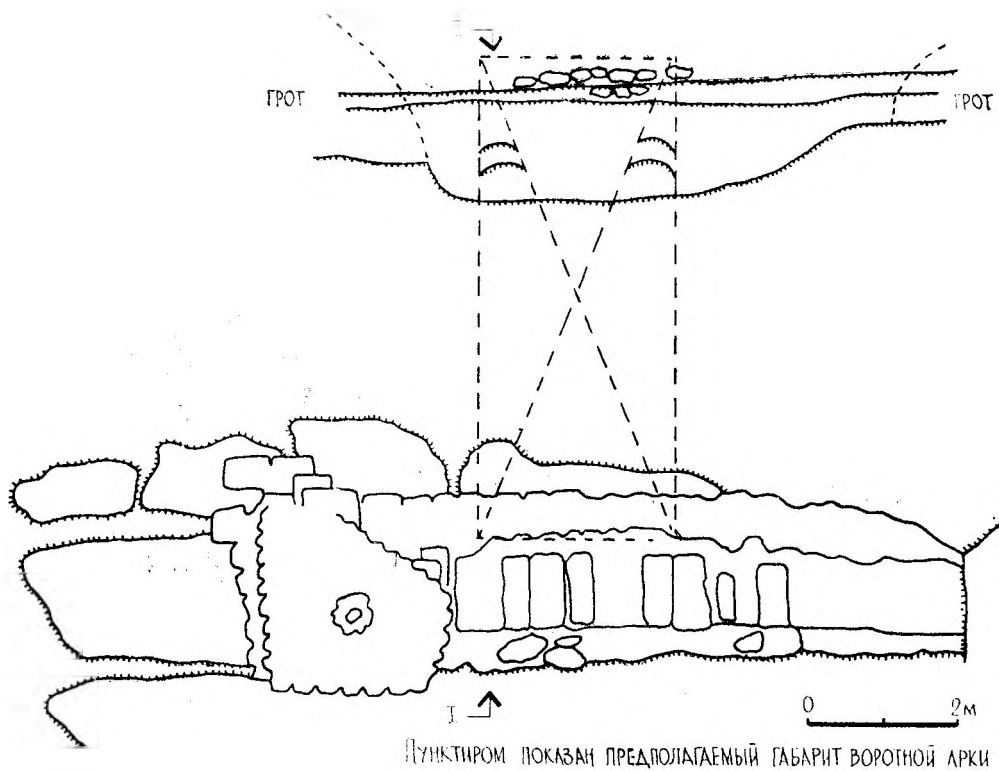

Рис. 22. Укрепление А. XVI. Главные крепостные ворота. План.

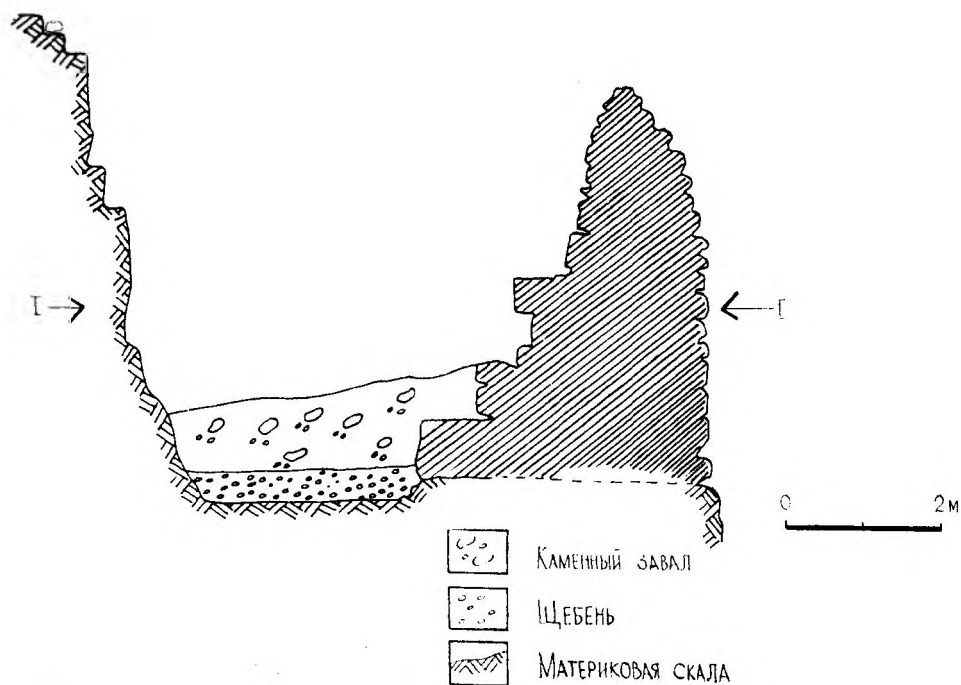

Рис. 23. Укрепление А. XVI. Главные крепостные ворота. Разрез 1—1.

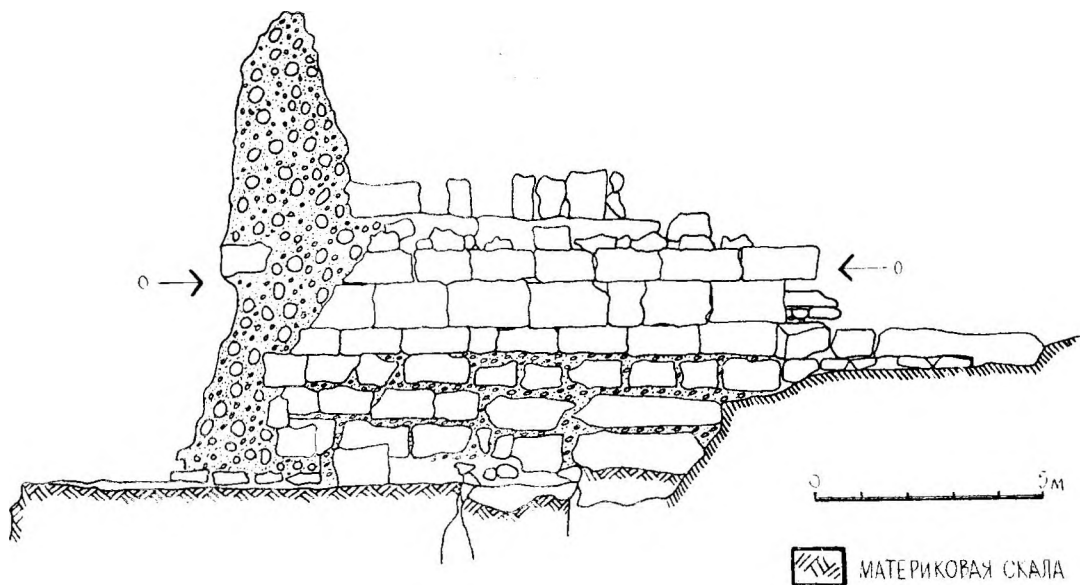

Рис. 24. Укрепление А. XVI. Главные крепостные ворота. Фас внешней стороны воротного пилона.

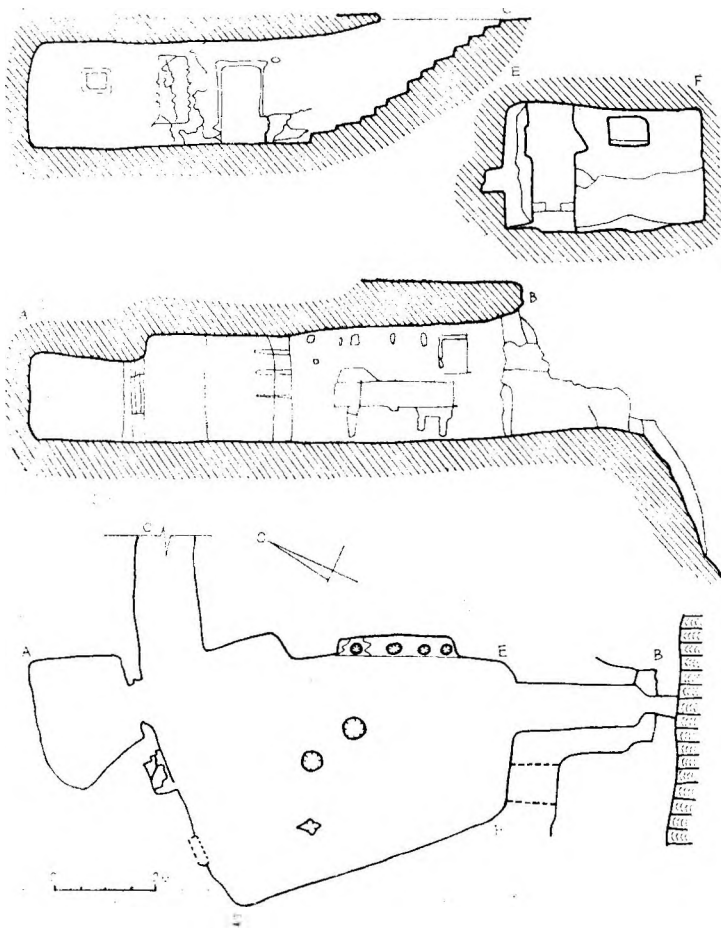
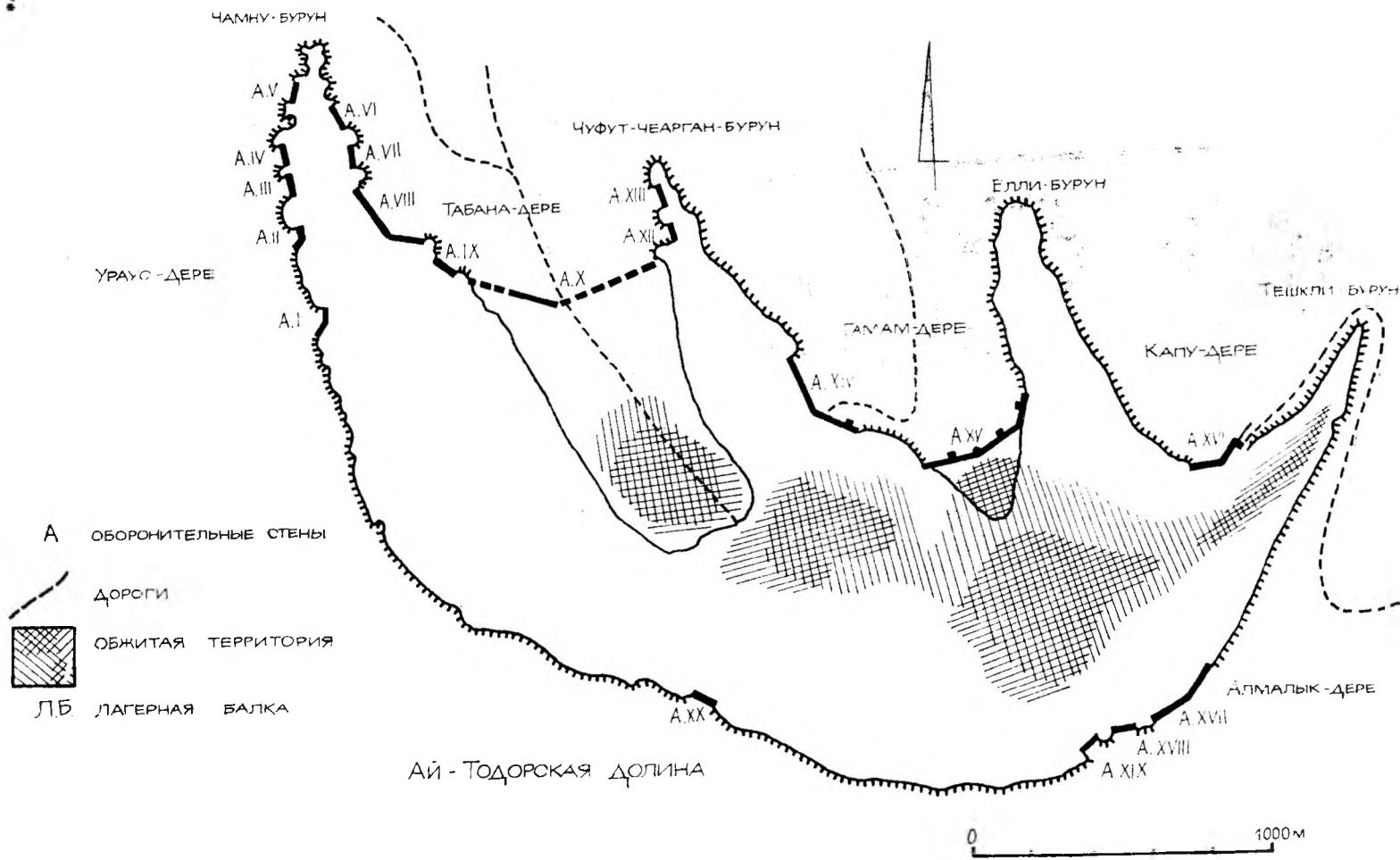

Рис. 25. Оборонительный каземат, расположенный под церковью, раскопанный в 1968 г. План и разрезы.

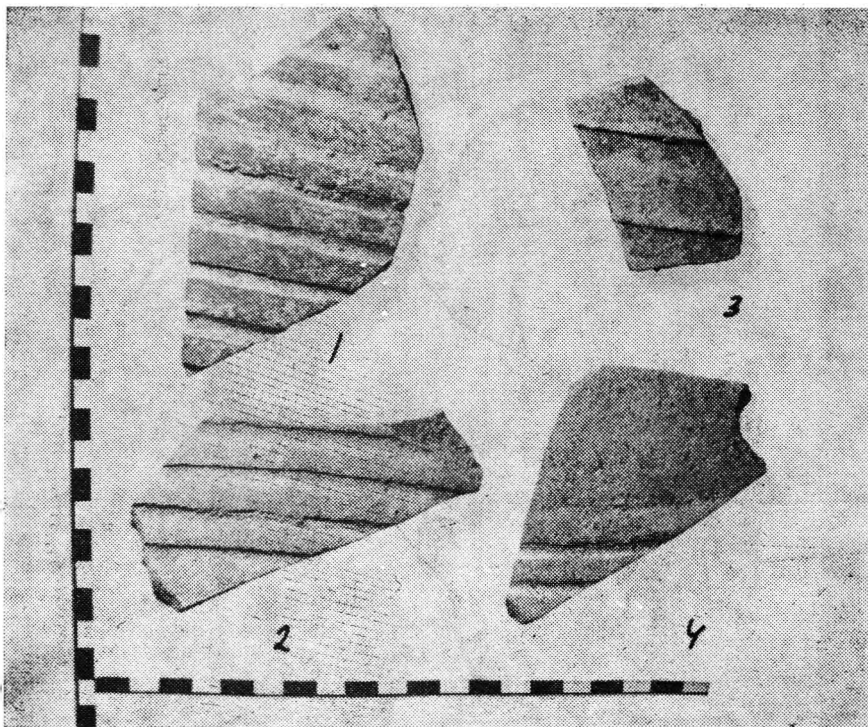
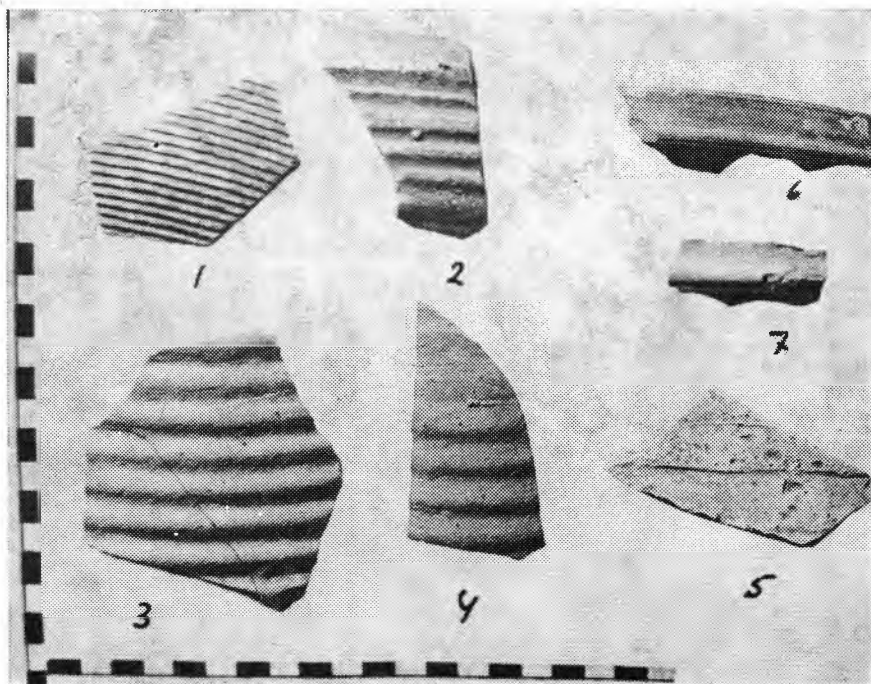

Рис. 27—28. Фрагменты средневековой гончарной керамики из надскального слоя в Лагерной балке.

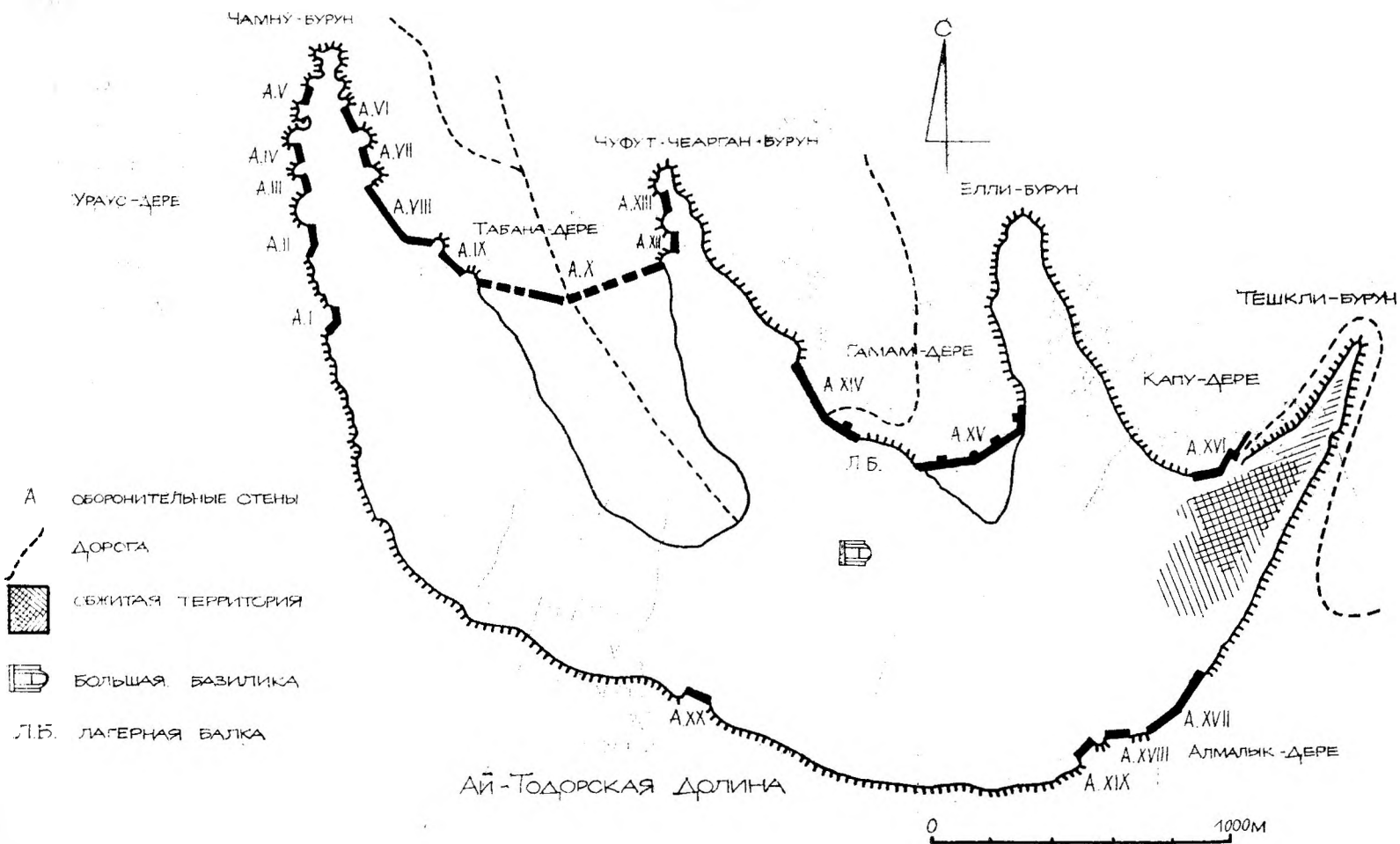

Рис. 29. Крепостной ансамбль Мангупа. Ситуация в IX—X вв. Схема.

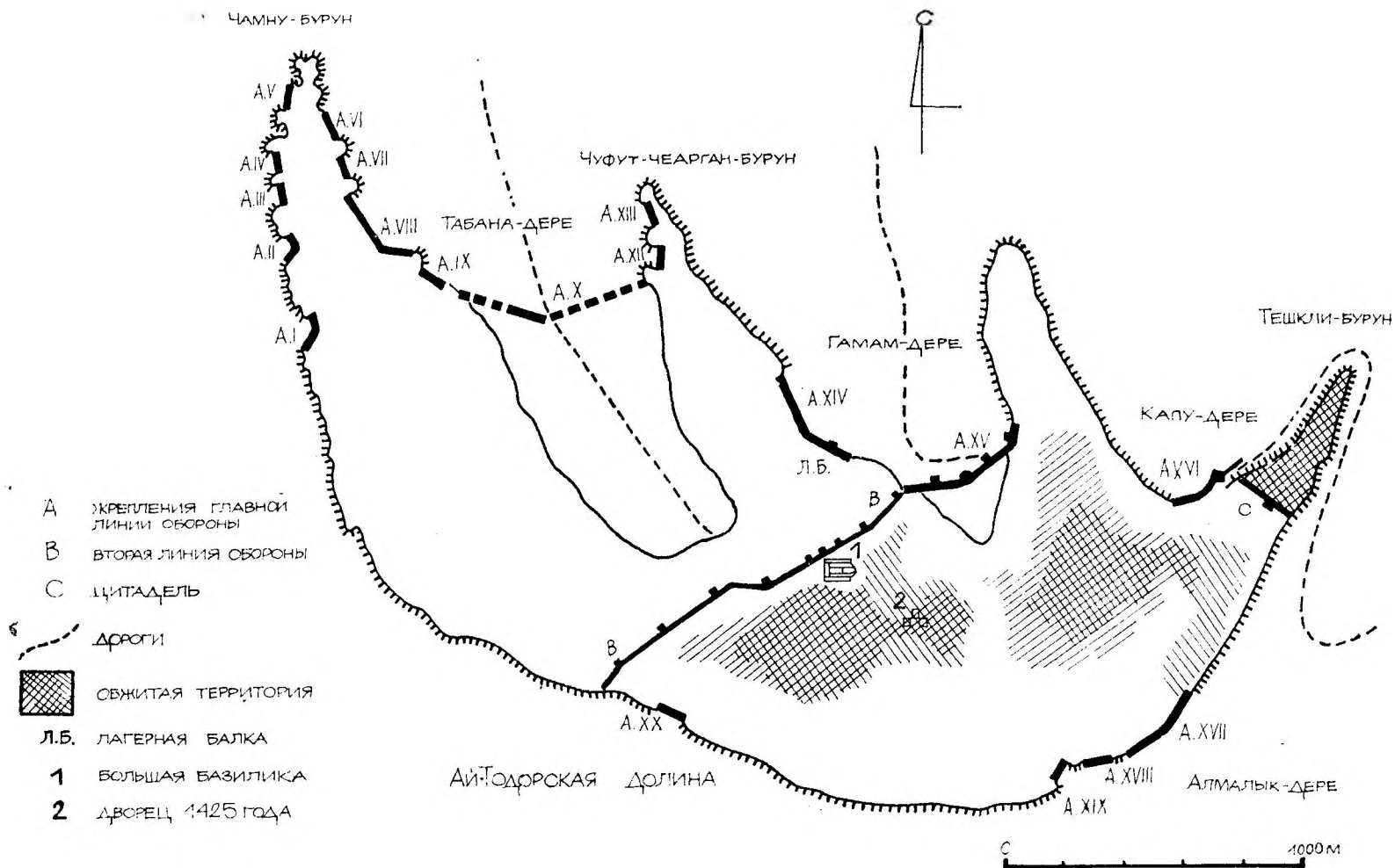

Рис. 30. Крепостной ансамбль Мангула. Ситуация в XIV—XV вв. Схема.

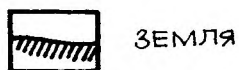
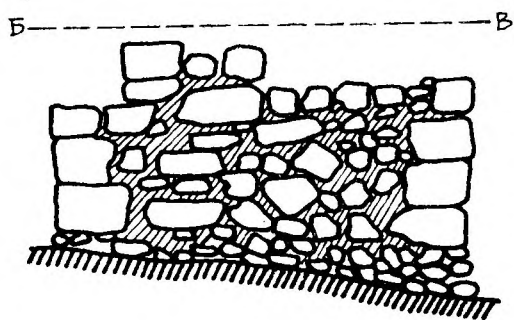
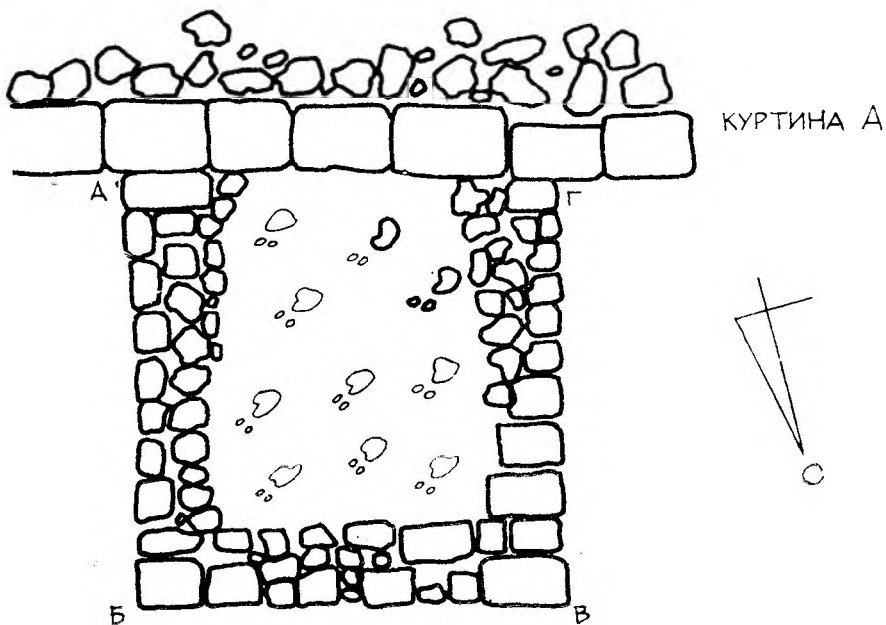

Рис. 31. Укрепление А. XIV. Башня А. 4. План и фас.

ДЕРН

КАМЕННЫЙ ЗАВАЛ

СЛОЙ XVI - XVIII вв

СЛОЙ XIV - XV вв

СЛОЙ III - VIII вв

ЗЕМЛЯ, НАСЫЩЕННАЯ КАМНЯМИ

ГЛИНА

МАТЕРИКОВАЯ СКАЛА

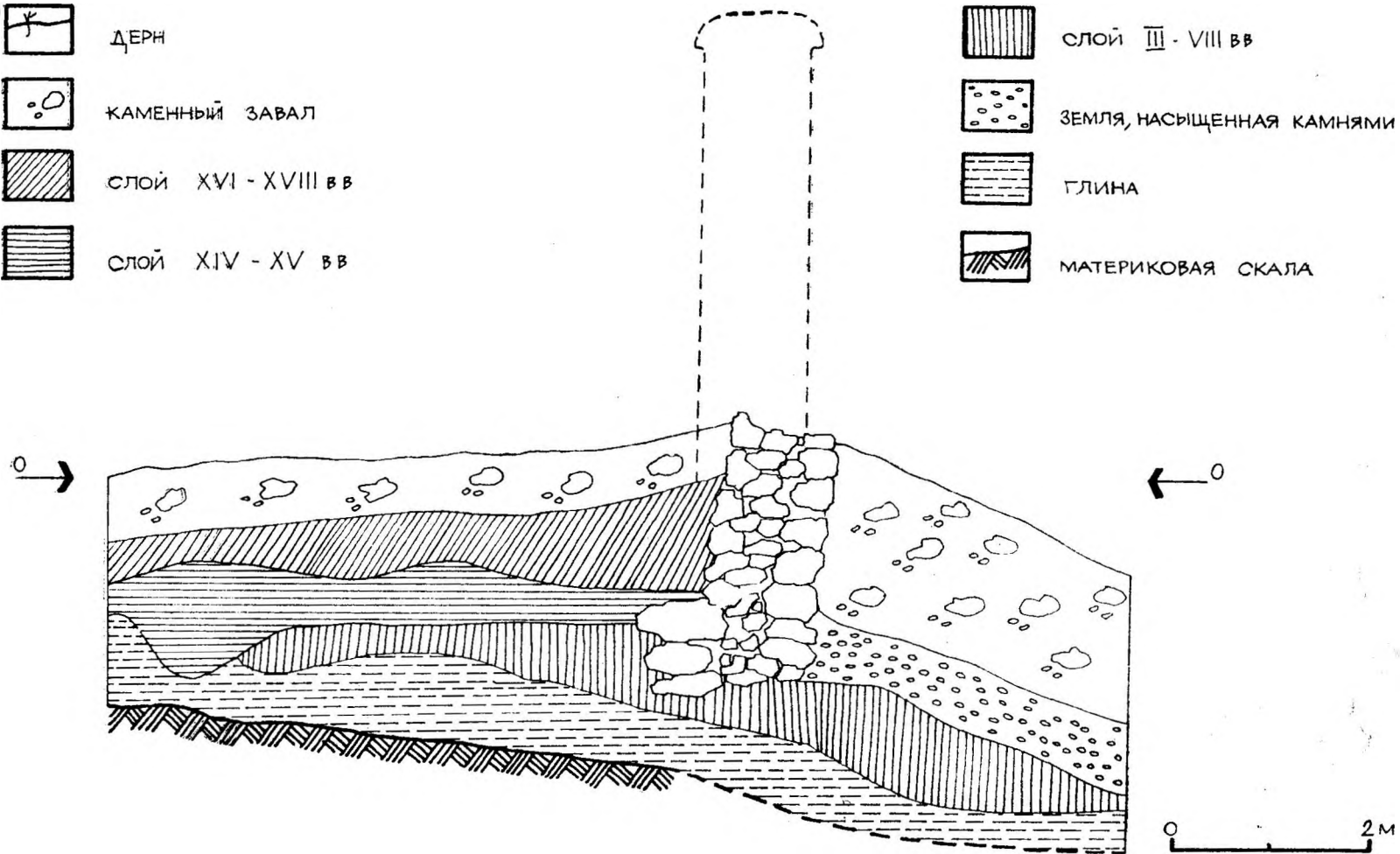

Рис. 32. ВЛО. Куртина 3. Раскоп в районе башни В. 8 (верхове Лагерной балки).
Стратиграфия.

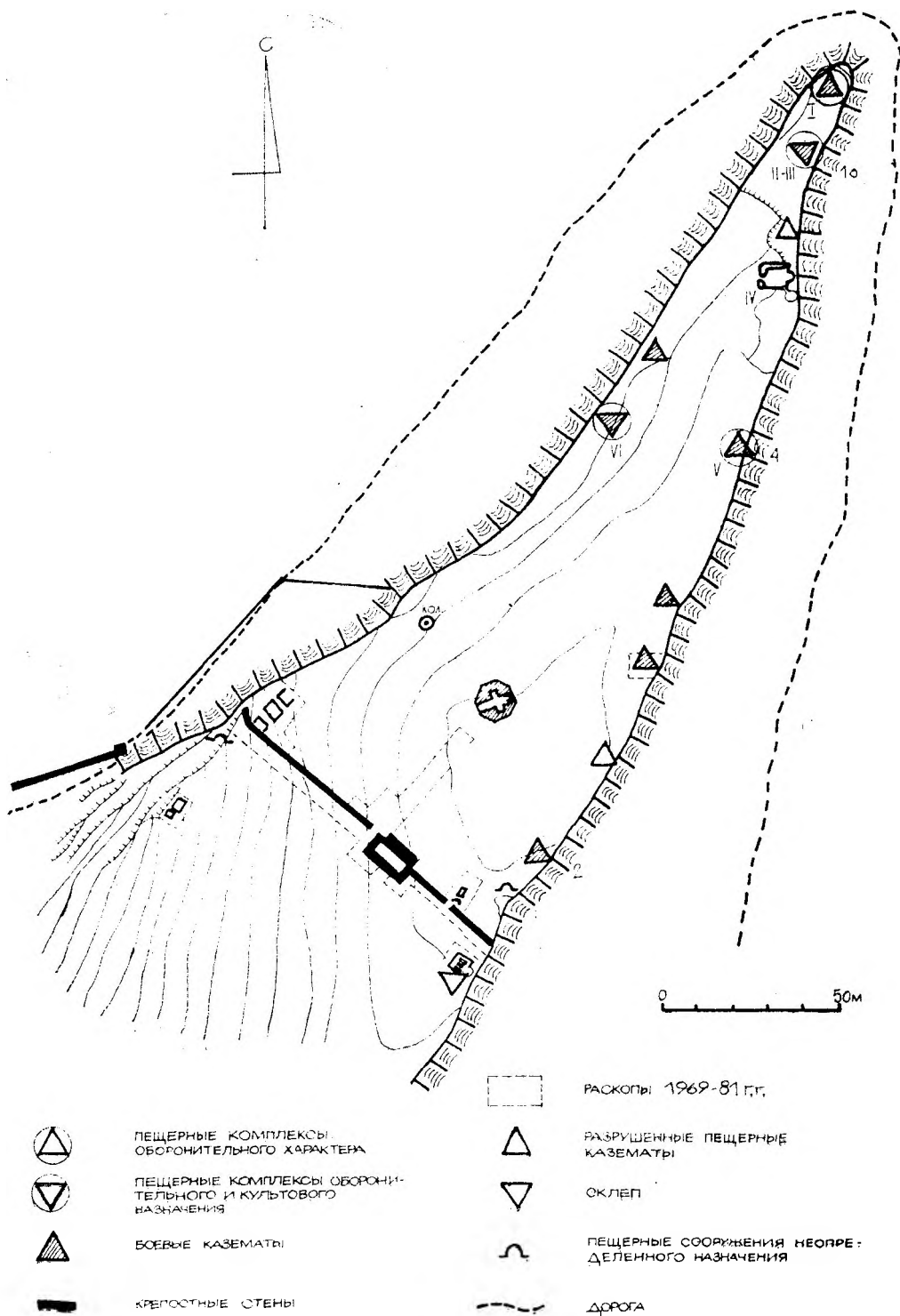

Рис. 33. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Пунктиром обозначены раскопы 1969 — 1981 гг. Римскими цифрами обозначены пещерные комплексы, арабскими — боевые казематы, в том числе и входящие в состав комплексов. Указаны номера казематов, упомянутых в тексте.

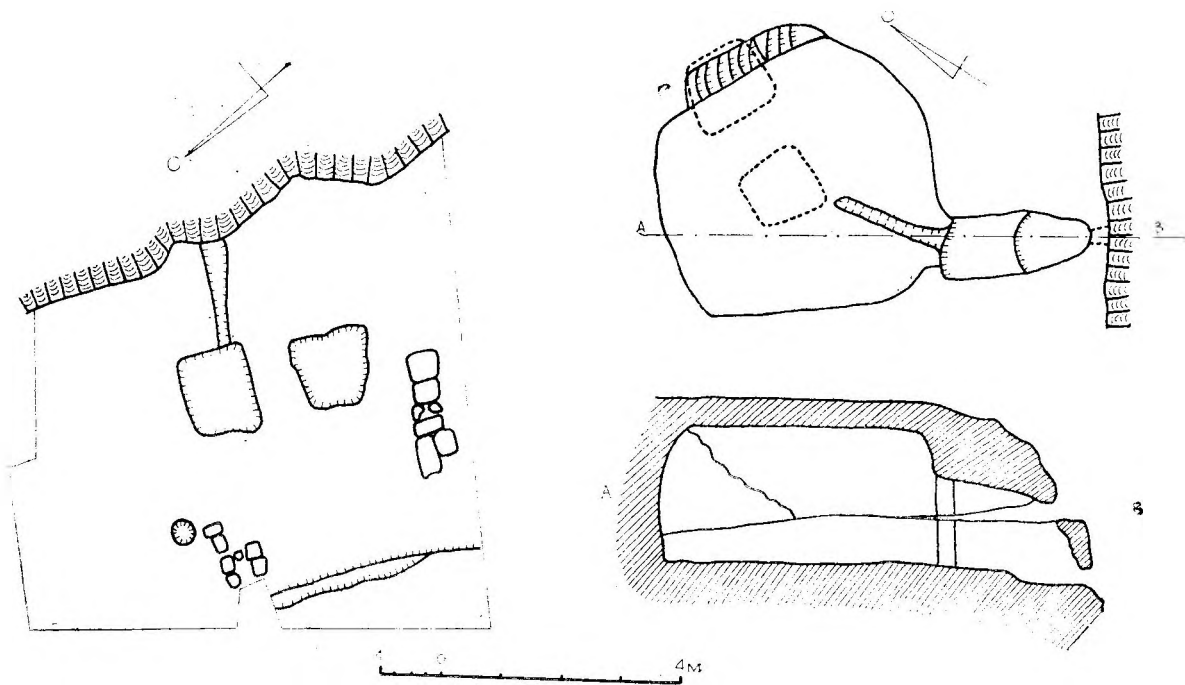

Рис. 34. Цитадель.
Каземат № 2. План и
разрез.

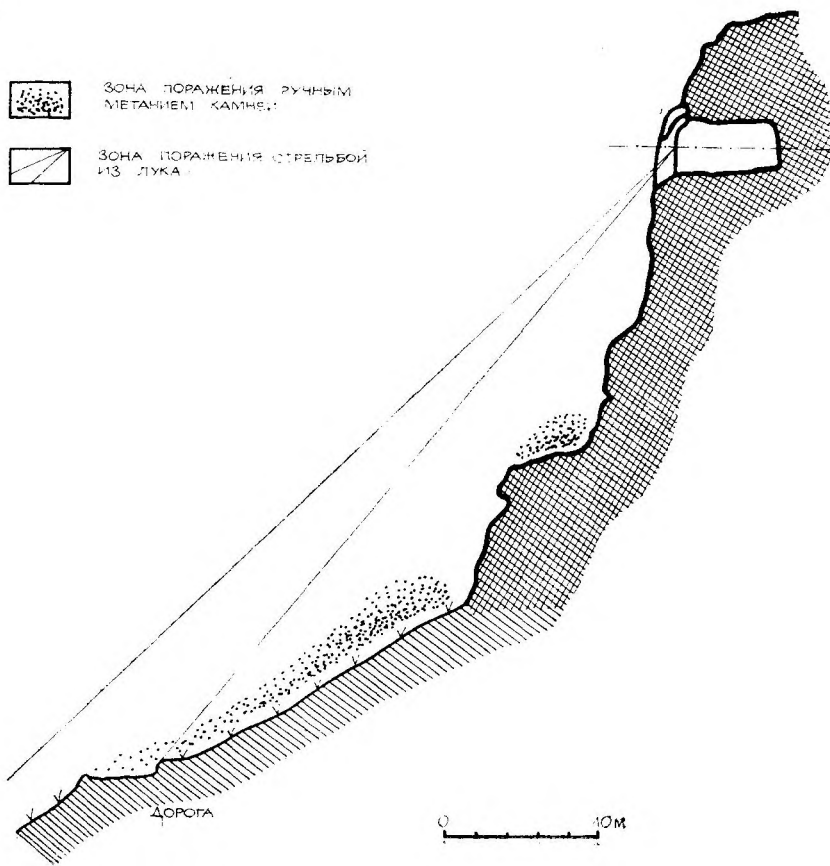
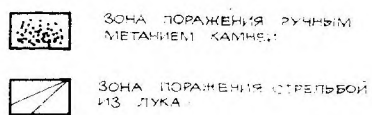
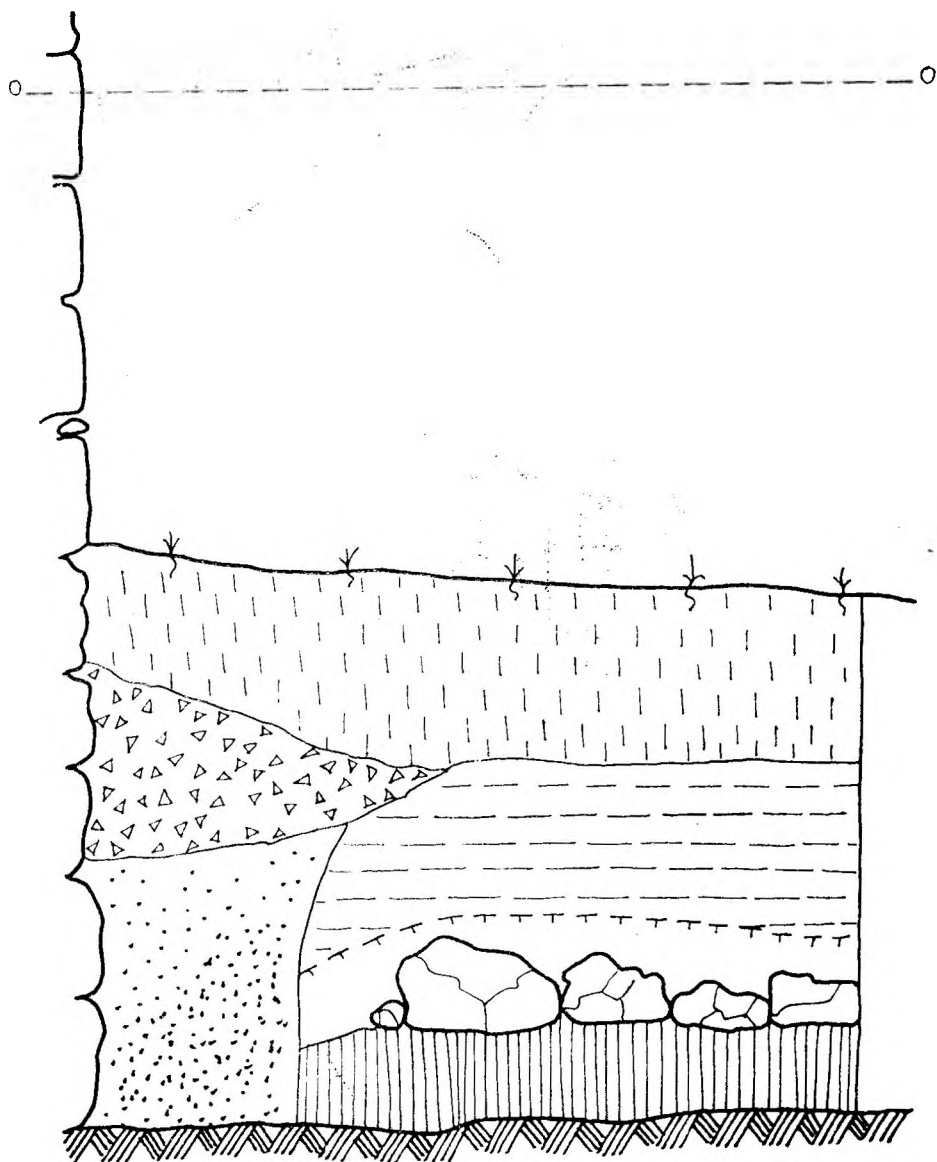

Рис. 35. Цитадель.
Схема обстрела из ка-
земата № 18 (пещер-
ный комплекс III).

	МАТЕРИКОВАЯ СКАЛА		ГРАНИЦА КОМПЛЕКСА ПОМЕЩЕНИЯ IX - X ВВ
	ДЕРН		ПЛОТНАЯ ЗОЛИСТАЯ ЗЕМЛЯ (IX - XV ВВ)
	ПЛОТНАЯ КОРИЧНЕВАЯ ЗЕМЛЯ (III - VII ВВ)		СТРОИТЕЛЬНЫЙ МУСОР (IX - XVII ВВ)
	ЗАПОЛНЕНИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТРАНШЕИ (XIV В)		РЫХЛАЯ ЗОЛИСТАЯ ЗЕМЛЯ (IX - XVII ВВ)

Рис. 36. Цитадель. Куртина А. Разскоп Х. Разрез.

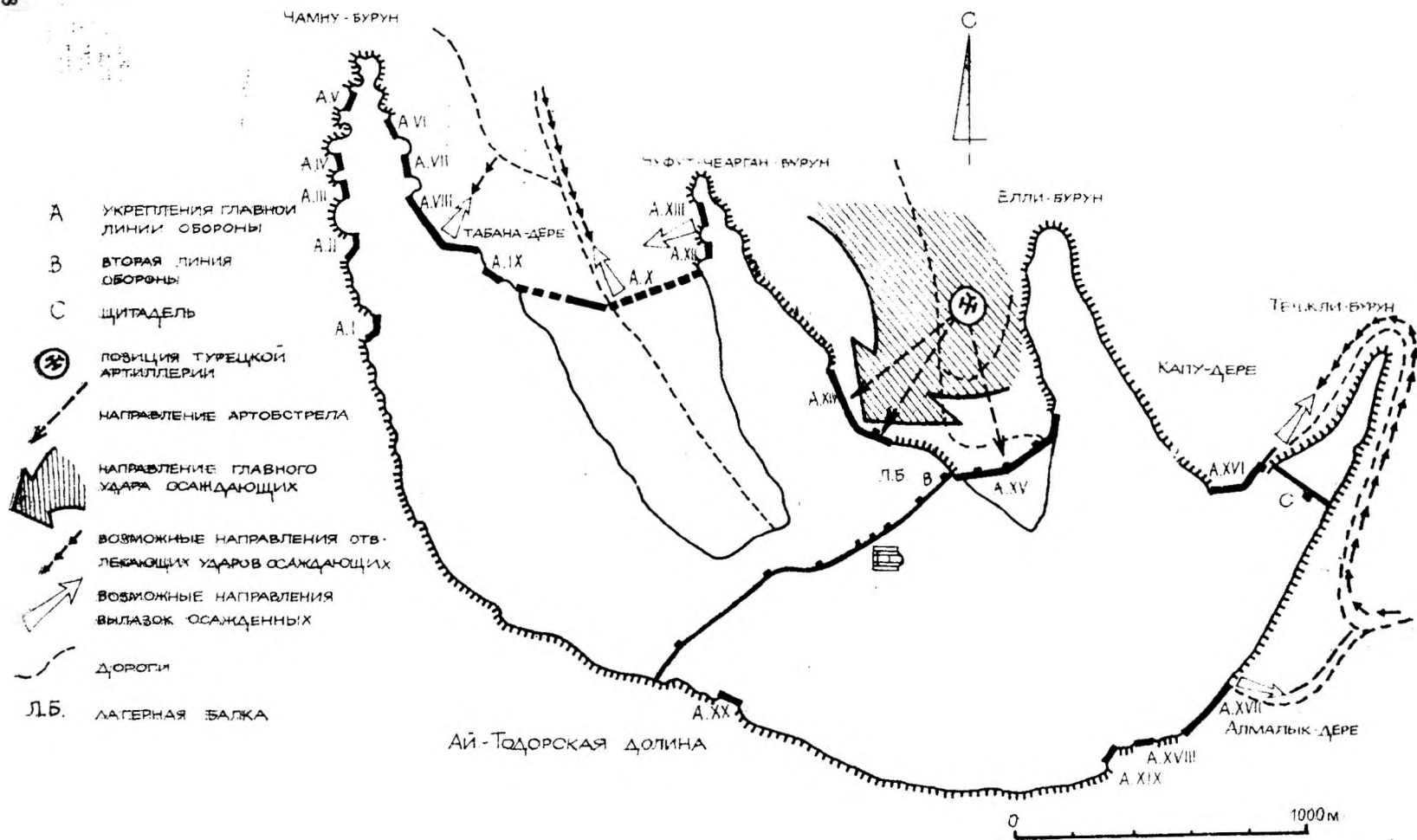
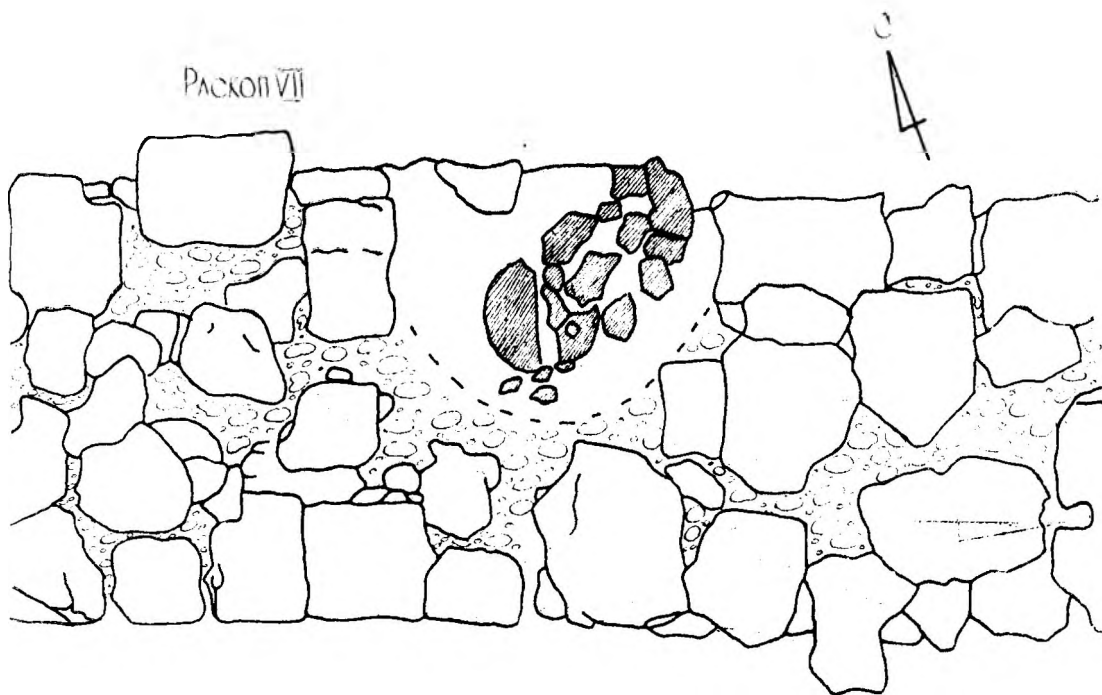

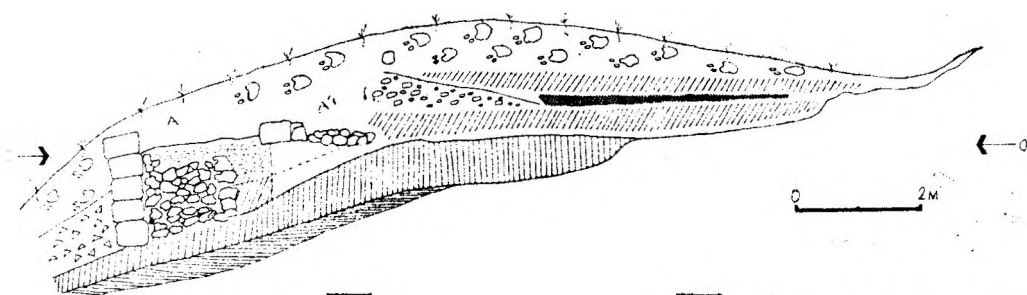
Рис. 37. Начало турецкой осады 1475 г. Схема.

РАСКОП VII-A

0 0,5 м

Рис. 38. Укрепление А. XIV. Куртина Б. Раскоп VII. Пушечное ядро, засевшее в кладке.

	ДЕРН		ТЕМНО-КОРИЧНЕВАЯ ЗЕМЛЯ С МАТЕРИАЛОМ ДВУХ
	КАМЕННЫЙ ЗАВАЛ		ГЛИНА
	ЩЕБЕНЬ		СЛОЙ РАЗРУШЕНИЯ СТЕНА 5 1475 Г
	ИЗВЕСТЬ, ЩЕБЕНЬ, ПЕСОК		УГОЛЬ
	СУГЛИНОК		МАТЕРИКОВАЯ ОКАЛА

Рис. 39. Укрепление А. XIV. Куртина А и А'. Раскопы VI--VI-A. Стратиграфия.

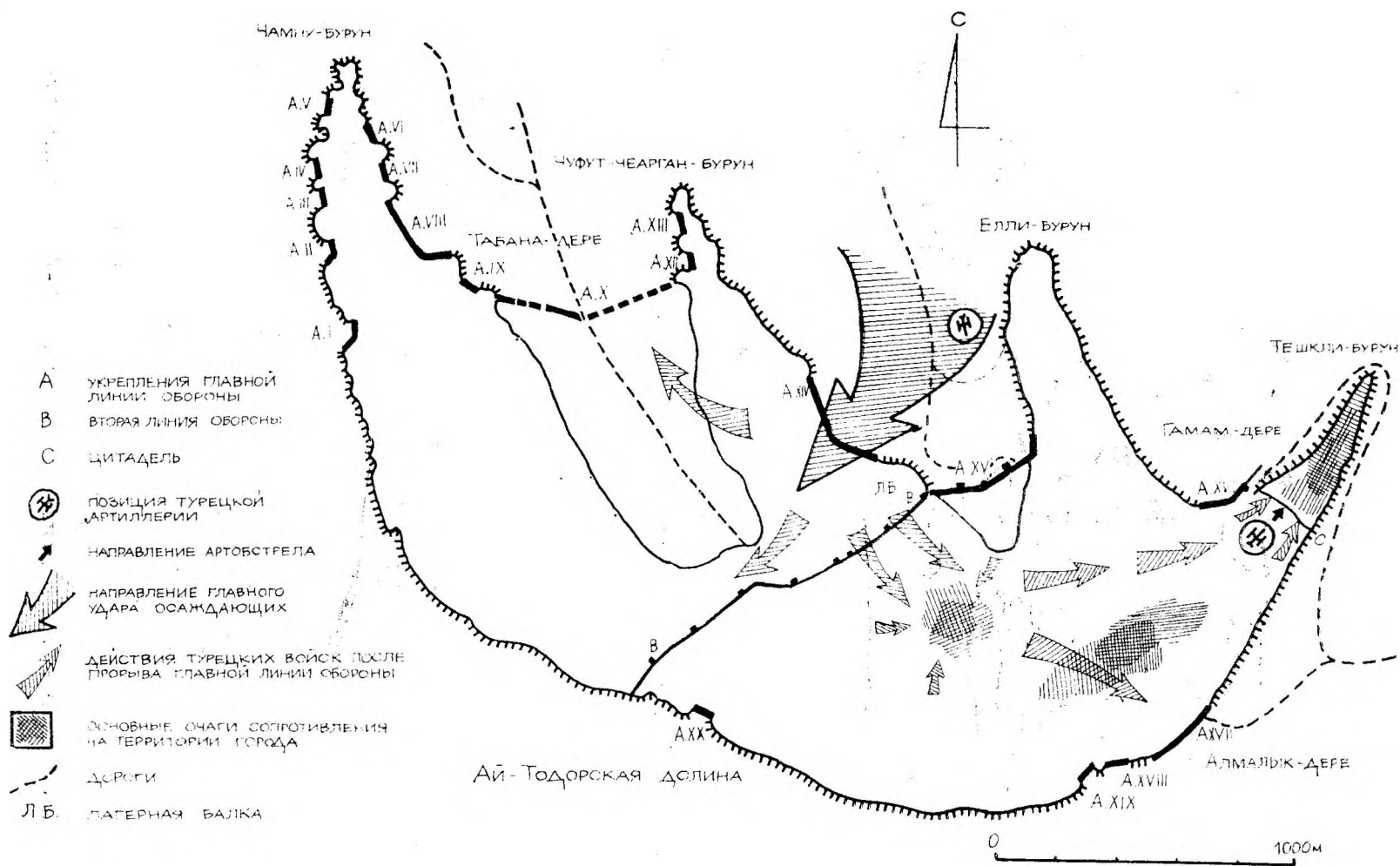

Рис. 40. Финал турецкой осады. Ситуация в декабре 1475 г. Схема.

Рис. 41. ВЛО. Башня В. 4. План и фас

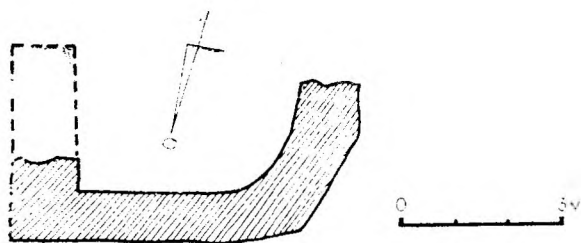
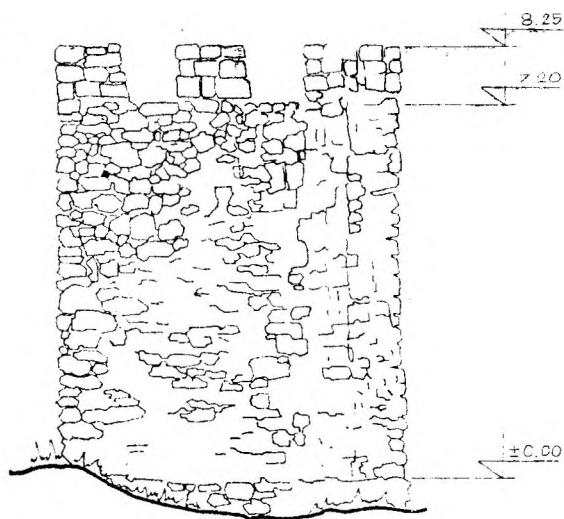

Рис. 42. Крепостной ансамбль Мангупа. Ситуация в XVI—XVIII вв. Схема.

